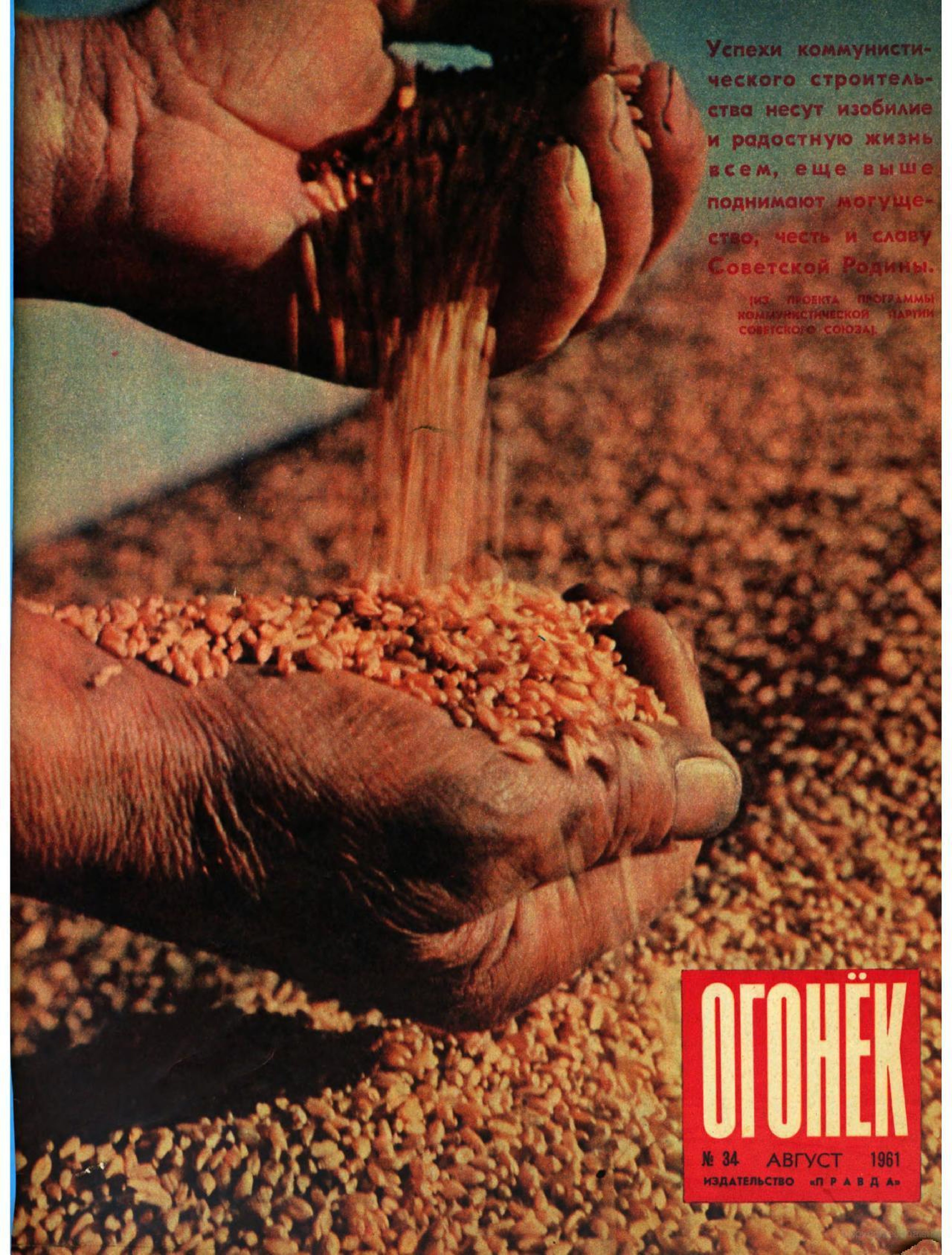

Успехи коммунистического строительства несут изобилие и радостную жизнь всем, еще выше поднимают могущество, честь и славу Советской Родины.
(Из проекта Программы Коммунистической партии Советского Союза).
ОГОНЁК
№ 34 АВГУСТ 1961
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

№ 34 (1783)

20 АВГУСТА 1961

39-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Вот какая кукуруза вырастает в Подмосковье! Кукурузоводы совхоза «Горки II», Звенигородского района, Надя Жидова, Полина Яшкина и Мария Дмитриева на своем участке.

Фото В. Кругликова.

Радостным событием для советских людей был приезд в нашу страну партийно-правительственной делегации Румынской Народной Республики во главе с Первым секретарем ЦК Румынской рабочей партии, Председателем Государственного совета РНР товарищем Георге Георгиу-Деж.

Дорогих гостей тепло приветствовали участники митинга советско-румынской дружбы в Кремле. Выступая на этом митинге, товарищ Н. С. Хрущев сказал, что советский и румынский народы соединяет широкая дорога дружбы, которую никто не в силах преградить.

На снимке: в президиуме митинга советско-румынской дружбы (слева направо): товарищи Л. И. Брежнев, Ион Георге Маурер, Н. С. Хрущев и Георге Георгиу-Деж.

Фото А. Гостева.

НОВАЯ ПРОГРАММА

Андрей МАЛЫШКО

Она не вместится в сонетиках,
в песнях тонкоголосых:
Начало в веках теряется,
грядущее — ей венец.
Она слагалась по буковке,
и наливалась в колосьях,
И вырывалась пламенем
из миллионов сердец.
Слова нанизала из света,
из красок полей и неба,
Всего человечества счастье —
масштабы ее души.
Взвешены слезы и раны,
каждое зернышко хлеба,
На вешнем лугу былинки,
стального литья ковши,
Труда молодые потоки,
мечтаний и песен гамма.
Вставай в столетиях новых,
земля без тюремных оград!
Она как сестра с тобою,
вот что такое Программа,
И вот что такое Партия,
товарищ, и друг, и брат.
Захочешь любви к человеку —
сердце ею наполни,
Тепла малышам захочешь —
нет колыбели теплей,
А кривду рази ударом
ее горделивых молний.
Мудрости и вдохновенья
грань наивысшая в ней.
И мне наплевать на оды,
на розовые свободы,
Где сытым — ситники с маслом,
голодным — седая хмурь,
А эта — вся в мускулах, с молотом,
идет, как заря, в народы
И мне озаряет сердце
средь клекота грозных бурь.
Возьмись я срывать оковы —
столетия мне провозиться,
Испепелять неволю —
один? — века изволь!
Она ж разрушает тюрьмы
одним — я б сказал — мизинцем
И сеет алые розы
на черных губах неволь.
Мне обойти всех бедных,
по денежке чтоб на душу,
Чтоб каждому хоть сухарик —
эпох не хватило мне б,
Она ж плодородной нивой
покрыла моря и сушу,
Голоте голоднородой
вручает пахучий хлеб.
Ее в стихи не уложишь,
они лишь тесная рама,
Земли ж у нее — за раму,
и та молода стократ.
Мне жить без нее невозможно,
вот что такое Программа,
И вот что такое Партия,
товарищ,
и друг,
и брат!

Перевел с украинского Дмитрий Седых.

КРАЙ НЕСМЕТНЫХ БОГАТСТВ

Выступая на XV сессии Генеральной Ассамблеи ООН, Н. С. Хрущев говорил о величайшей жизненной силе советского строя и расцвете национальных республик Советского Союза. Он привел в качестве примера Коми республику.

Продукция крупной промышленности Коми АССР, сказал он, выросла с 1913 по 1959 год в 109 раз.

Одинокие охотники бродили по этим местам когда-то. Не обижала их природа: в необозримых лесах хватало места каждому,— возвращались домой с богатой добычей. Только припрятала природа свои главные сокровища поглубже, но не уберегла. Нашли их советские люди: и воркутинский уголь, и ухтинскую нефть, и многое другое. Геологи тут не сидят без дела, работы хватит. Республике 40 лет, она бурлит новостройками, шагает к высотам культуры.

А. МАКАРОВ

Ухтинский нефтеперерабатывающий завод.

Фото Р. Рочева.

Рассказ слушает мир

С 6 августа 1961 года наша планета переживала необычайные сутки. Вокруг нее 17 раз облетел советский человек Герман Титов на космическом корабле «Восток-2». Люди всех континентов с нетерпением ждали рассказа космонавта об этом триумфальном рейсе.

...Пресс-конференция, посвященная успешному полету второго космического корабля с человеком на борту. Герман Титов держится просто, говорит о своем полете обыденно. Но зал слушает, затаив дыхание, смотрит на космонавта как на чудо. В президиум то и дело передают записки, вопросы журналистов к космонавту. Некоторые иностранные корреспонденты записывают выступление Германа Титова на магнитофоны.

Все поражает в рассказе космонавта: его поведение в состоянии невесомости, вид Земли из иллюминатора космического корабля, управление этим удивительным летательным аппаратом. Но больше всего волнует сознание, что столь великий подвиг совершен на благо человечества.

Теперь Герман Титов поступил в распоряжение врачей и ученых. Космонавта исследуют не менее тщательно, чем много месяцев назад, когда он готовился к полету.

Опыт космонавта-два поможет советским людям в мирном освоении космоса.

А. ГОЛИКОВ

Президент Академии наук СССР академик М. В. Келдыш открывает пресс-конференцию, посвященную успешному полету второго космического корабля с человеком на борту.

Фото А. Гостева.

Водитель автопоезда В. А. Погребняков.

О. КНОРРИНГ

Фото автора.

ХЛЕБ, ДОРО

Эх, дорожка полевая,
Не страшна нам погода любая!

Шофер пел. В дороге не петь нельзя. Сидя на облучке, пели, чтобы скоротать длинный путь, ямщики. Поет, пробираясь по бескрайней степи, всадник-казах. Пели, облетая землю, и наши летчики-космонавты.

Громыхая на ухабах, наш автопоезд быстро движется по укатанному колесами тысяч машин полевому грейдеру. Кузова машин доверху засыпаны теплым золотистым зерном. Запах свежеобмолоченной пшеницы следует за нами, пересиливая запахи бензина и горячего машинного масла. Вокруг до самого горизонта бескрайние поля. Под тяжестью колосьев гнутся стебли озимой пшеницы. Шелестят на ветру листья кукурузы. Вслед за солнцем поворачивают свои сияющие головы веселые подсолнечники. Над полем непрерывный гул моторов. Стрекочут жнейки, неторопливые комбайны подбирают расстеленные по земле валки.

Но поля, изнемогающие под тяжестью колосьев пшеницы,— это еще далеко не урожай. От полей до элеватора десятки, а иной раз сотни километров. И пока хлеб не будет туда доставлен, нет никакой гарантии его сохранности.

И вот тут-то вступает многотысячная армия шоферов. Они не пахали, не сеяли, не косили. Но от их труда и энергии в значительной мере зависит то, что мы называем урожаем.

В жару, холод, грязь идут по дорогам машины. Нелегок труд сельского шофера, очень нелегок. Он оторван от дома, питается где попало. Частенько приходится скорчившись спать в кабине машины. Но он спокойно, по-будничному делает свое нужное дело.

☆ ☆ ☆

Еще много лет назад в наш лексикон вошло бытующее до сих пор выражение «уборочная кампания».

Не пришла ли пора забыть его и заменить простыми словами: «уборка урожая»? «Уборочная кампания» воспринималась как сражение, сражение неожиданное, на которое по звуку набата сбирался весь народ. А ведь уборка — это не штурмовщина, а плановая, ежегодная работа. О ней наперед всем известно, и никакого набата здесь не нужно. В набат сейчас бьют лишь руководители тех районов, где своевременно к ней не подготовились. К счастью, их с каждым годом становится все меньше и меньше.

И если раньше комбайны простаивали из-за плохого ремонта, не хватало машин для вывозки зерна, на элеваторах образовывались многочасовые пробки, потому что плохо была организована приемка, то теперь все это в значительной степени сгладилось и вошло в нормальное русло.

— Понимаете, какое дело,— говорит водитель нашего автопоезда Василий Афанасьевич Погребняков. — Бывало, вечно воевали мы с работниками калачеевского элеватора. Они нас целыми днями заставляли ждать, прежде чем разгрузят. А сейчас порядок. Организовали двадцать одну точку механической разгрузки. Хлеб принимают без задержки. Не знаю, как на других элеваторах, а к нашим у нас нет никаких претензий.

И действительно, как только автопоезд подъехал к воротам элеватора, в кузов машины прыг-

Из-под комбайна — на элеватор.

нула загорелая быстроногая девчушка (на эту работу обязательно берут быстроногих) и, взяв щупом пробу, убежала в лабораторию. А через несколько минут механический опрокидыватель уже ссыпал зерно из машины в бункера элеваторов. Привычной картины стоящих в очереди машин я не увидел.

Вновь едем за зерном в Старо-Криушанский совхоз. Урожай в этом году хороший. Но зерна на токах немного. Успевают вывозить. Мощный электропогрузчик за семь минут нагружает кузов машины и прицеп зерном, и мы отправляемся в обратный путь. По дорогам двигается непрерывная цепь машин с хлебом. Навстречу такая же, но уже порожняком. И так от зари до зари. Ночами сейчас работают редко: нет надобности. Погода пока хорошая, успевают все вывозить за день.

Василий Афанасьевич отнимает руку от руля и показывает на полосы пшеницы, растущей на обочине дороги.

— Видите? Наш посев. Много зерна еще теряем. Какие причины? Причин много. Недостаточно хорошо подготовлены кузова машин — щели, низкие борта. Бывает, что сегодня возим быков на бойню, а завтра посылают за зерном. Ну и мы сами, конечно, виноваты. Каждому хочется сделать побольше рейсов. А на большой скорости да на ухабах зерно сдувает ветром. Дорога-то, сами видите, какая. Машин много, и на грунтовых дорогах образуется «гребенка» — волнистость такая. Трясет так, что все внутри переворачивается. Дороги у нас — самое слабое место. Вот перед уборкой прошелся грейдер, подровнял немного, и все. И спросить не с кого. У дорожного отдела нет ни техники, ни людей. В колхозах и совхозах тоже. Машины гробятся, зерно теряется. На первый случай хорошо было бы иметь на каждой машине брезент, все не так бы летело зерно. Но брезентов тоже нет. Сейчас еще хорошо, сухо. А вот пойдут дожди... После хлеба нам еще предстоит возить сахарную свеклу. А ее будет побольше.

Опять же мосты через речки. Почему-то закрыли, берегут, сделали объезды. Объезды плохие. А чего, собственно, беречь? Когда же по мостам ездить, как не в уборку?

Обратите внимание, самый плохой участок — это через город Калач. Чем ближе к элеватору, тем хуже. Вся дорога зерном посыпана. Птицам раздолье. Здешние бабки приспособились кормить этим зерном кур. Видите, на дороге женщина с веником и решетом? Вот сейчас она наметет кучку зерна, просеет и в мешок. Порядок. Милиция их гоняет. Почему? Ведь все равно зерно пропадает...

☆ ☆ ☆

В районе, кроме машин Воронежского автомобильного треста, работает еще много так называемых приписных. Они прибыли сюда на вывозку зерна из Московской и Ивановской областей. Их водителей легко отличить от местных по внешнему виду. Одежда пропитана пылью и маслом, лица явно скучают по бритве.

Это понятно. Они не дома и живут, как на биваке. Ночуют где попало, питаются или в столовой на элеваторе, или у «хозяек» — колхозниц, которые по договоренности варят им обед из продуктов, отпускаемых колхозом.

Организовывать столовые для приезжих водителей, пожалуй, смысла нет, так как они распределены небольшими группами по колхозам и все время в разъездах. Но об устройстве их быта подумать следует. Плохо обстоит дело с постельными принадлежностями. Частенько после утомительного рабочего дня приходится спать на полу, на соломе. Душей для водителей нет. И там, где поблизости нет речки, помыться для шофера — целая проблема.

☆ ☆ ☆

Утром после дождя еще сыро. Директор Калачеевского автохозяйства Анатолий Васильевич Шипков, воспользовавшись этим, проводит с водителями совещание. Взятые обязательства в честь XXII партсъезда будут выполнены досрочно. Принимаются новые обязательства, уже на вывозку сахарной свеклы. А затем обсуждаются случаи нарушения трудовой дисциплины: аварии, лихачество... Случаев этих немного.

...Просыхает. Вместе с механиком, бывшим водителем Николаем Тимофеевичем Самойленко обходим двор автобазы. Шоферы копошатся около машин. Скоро можно будет выезжать на линию. Около своего прицепа возится Погребняков. Он и Самойленко в прошлом году первыми перешли на работу с прицепами. До них никто из шоферов не хотел брать на себя эту обузу. Но, увидев, что работа на автопоездах значительно выгоднее, в этом году все стали требовать себе прицепы. А их и не оказалось.

Уже совершенно бесспорна выгода метода работы с автопоездами. При одинаковом количестве машин и водителей и незначительном перерасходе горючего грузооборот увеличивается почти вдвое. Но, к сожалению, промышленность изготовляет очень мало прицепов, да и качество их оставляет желать многого. Как правило, они очень непрочны и выходят из строя раньше, чем сам автомобиль.

☆ ☆ ☆

По дороге все идут и идут машины. Монотонно гудит мотор. Положив тяжелые руки на баранку руля, поет шофер...

В дороге не петь нельзя.

Воронежская область,
Калачеевский район.

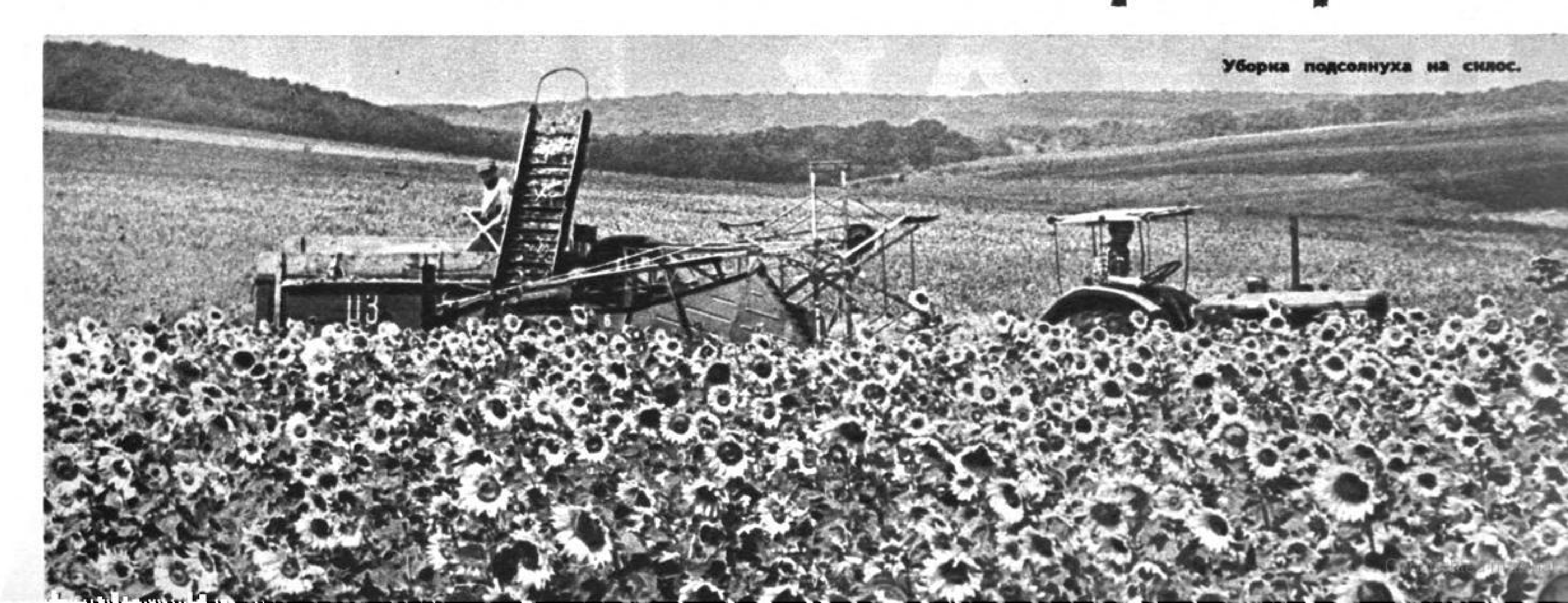

Семь минут — и автопоезд загружен.

Птицам раздолье.

ГА И ЛЮДИ

Уборка подсолнуха на силос.

ЧТОБЫ НЕ НАЧАЛСЯ ПОЖАР...

Г. ГУРКОВ

Руины напоминают...

В центре Западного Берлина, там, где расплескалась неоновой рекой знаменитая Курфюрстендамм, улица банков и оффисов, улица роскошных магазинов и дорогих отелей, на площади подымаются к небу закопченные руины. Здесь была церковь. Изувеченный скелет здания с мрачным красноречием напоминает людям о том, что такое война.

Я не знаю, бывают ли на этой площади канцлер Аденауэр и его присные, зачастившие в последнее время в Западный Берлин, а им не мешало бы возле зловещего памятника, вырубленного войной, поразмыслить над своей политикой, толкающей Германию, Европу, мир к катастрофе.

Знакомые мелодии. Марширует «Стальной шлем».

Западный Берлин... Атлантические стратеги считают его козырем в своей колоде. Изощряются, придумывая новые и новые характеристики: «фронтовой город», «трамплин»... Да, с этого трамплина кое-кто не прочь ринуться в ядерное безумие. «Мы будем маршировать, и пусть всё летит к черту! Сегодня нам принадлежит Германия, а завтра — весь мир». Эта песенка, которую в свое время горланили в мюнхенских пивных коричневорубашечники Гитлера, прочно вошла в репертуар боннских реваншистов.

«Сегодня нам принадлежит Германия...» Ложь! Она уже не принадлежит им. От Эльбы до Одера растет, строит, любит и радуется жизни новое государство — государство рабочих и крестьян, государство немецкого народа. Оно навсегда покончило с надменными юнкерами и одержимыми войной генералами, покончило с расистскими бреднями и всесилием концернов, покончило с тем, за что человечество дважды расплачивалось кровью, руинами, горем.

← Это предлагают читать западноберлинцам: «Солдат до последнего дня» Кессельринга, «Войска СС в действии» Хауссера, «Гренадеры» Майера...

Помню, в Лейпциге, на заводе, выпускающем типографские машины, мне довелось послушать выступления ребят-слесарей на литературном диспуте. Да, на диспуте, посвященном «Тихому Дону». Не забуду, как белобрысый парнишка, веснушчатый и застенчивый, сказал, что трагедия Григория Мелехова учит: рабочий человек должен знать, на чьей он стороне. Они сами хорошо знают, на чьей стороне их мысли и их сердца, их беспокойные головы. После работы ребята берут в руки книжку. А иногда — винтовку. Они все в боевой дружине. Если нужно, ребята будут защищать свой завод, свое государство, свое будущее. Право учиться, работать, отдыхать. Право спорить о «Тихом Доне».

Американские танки на улицах Западного Берлина.

Будущее ребят из Лейпцига, будущее миллионов их сверстников хотят перечеркнуть те, кого шестнадцать лет назад вышвырнул трудовой народ с земли Восточной Германии. И пороховой бочкой, по замыслам реваншистов, должен стать Западный Берлин.

Если собрать воедино крокодиловы слезы, пролитые боннскими лидерами и их заокеанскими покровителями по поводу «несчастной судьбы» двух миллионов западноберлинцев, то получился бы целый пруд. Да, действительно, положение в Западном Берлине незавидное. Но кто виноват в этом?

Прошли долгие годы со времени окончания войны, а Западный Берлин все еще оккупирован. Оккупирован не «агрессивными большевиками», которыми пугает детей империалистическая пропаганда, а западными державами. Не советские, а американские танки грохочут по западноберлинским мостовым. Не советские, а американские солдаты устраивают на улицах Западного Берлина провокационную игру в войну.

Гитлеровские награды снова в почете.

На территории Германской Демократической Республики, в самом сердце немецкого рабоче-крестьянского государства, создано крупнейшее в Европе шпионско-диверсионное гнездо. Десятки секретных служб Запада ведут отсюда грязную подрывную работу против стран социализма. «Где вы были завербованы?» «В Западном Берлине». Такой ответ можно услышать чуть ли не на каждом процессе диверсантов и саботажников, разоблаченных трудящимися демократической Германии.

В темном, ощетинившемся решетками окон здании на Иннсбрукерплац находится американская радиостанция РИАС. Круглые сутки мощные радиопередатчики заполняют эфир потоками самой несусветной клеветы на социалистический мир, истошными призывами к гражданам ГДР бежать на Запад. А когда такого рода словесная обработка оказывается недостаточной, когда посулы не соблазняют, а угрозы не запугивают, приводится в действие гнусный механизм охоты на людей. У меня на столе один из последних номеров большой берлинской газеты. Короткие сообщения: «Петер Блуме, трех лет, проживающий в Диссене, близ Коттбуса, похищен агентами. Цель — заманить его родителей в Западный Берлин». «Сильвия Гейнц,

Раздолье для реваншистов.

трех лет. Похищена...» И так далее. Нити одного, второго, десятого, сотого преступлений сходятся там же, в Западном Берлине. На территории Германской Демократической Республики, в самом ее сердце...

Западный Берлин превратился в рассадник милитаристской идеологии, в место реваншистских сборищ. «Стальной шлем», «Киффхойзербунд», эсэсовский союз ХИАГ — кто только не митинговал в тенистых западноберлинских парках, кто только не устраивал факельных шествий по улицам города!

Я видел в книжных магазинах и газетных киосках Западного Берлина мемуары гитлеровских генералов и подстрекательские книжонки, обливающие грязью нашу страну. Видел рекламу антисоветской кинострипни, снабженной настойчивой рекомендацией «Особенно ценная картина». В зале сидели мальчишки, родившиеся уже после того, как отгремели последние залпы войны. Они смотрели, и некоторые, вероятно, верили тому бреду, который преподносился с экрана. Пройдет несколько лет, и этим мальчишкам, опьяненным тупой и злобной ненавистью к Советскому Союзу, к советским людям, к миру социализма, пришлют бундесверовские повестки...

Положить конец шпионско-милитаристскому шабашу в Западном Берлине — это значит оздоровить атмосферу в Европе, избавить мир от нависшей над ним военной грозы. Лучшее решение — мирный договор с обоими германскими государствами. Но пока такого договора нет, необходимо пресечь провокационную возню в Западном Берлине, направленную против ГДР и других социалистических стран, создав прочный барьер для реваншистов и диверсантов. «Правительства государств — участников Варшавского Договора, — услышал мир спокойные и твердые слова, — обращаются к Народной палате и правительству ГДР, ко всем трудящимся Германской Демократической Республики с предложением установить на границах Западного Берлина такой порядок, который надежно преградил бы путь для подрывной деятельности против стран социалистического лагеря...»

Такой порядок установлен. И пусть сколько угодно бьются в истерике некоторые западные политики и дипломаты, к старому возврата нет. Прошли времена, когда через границы Западного Берлина беспрепятственно хлестала грязная волна разнузданной пропаганды реванша, милитаризма и шовинизма, когда диверсанты и саботажники, нашкодив в ГДР, бежали в свое западноберлинское логово под крылышко оккупационных властей. Прошли такие времена!

Западный Берлин должен стать вольным, демилитаризованным городом, а не пристанищем агентов и провокаторов. Этого требуют народы.

Это будет.

РИАС — штаб-квартира шпионов и провокаторов.

КОГДА СТРАНА НЕЗАВИСИМА

15 августа Республика Индия отмечала День независимости. Снова, как и в памятный августовский день 1947 года, как каждый год, индийцы радостно отметили свой праздник.

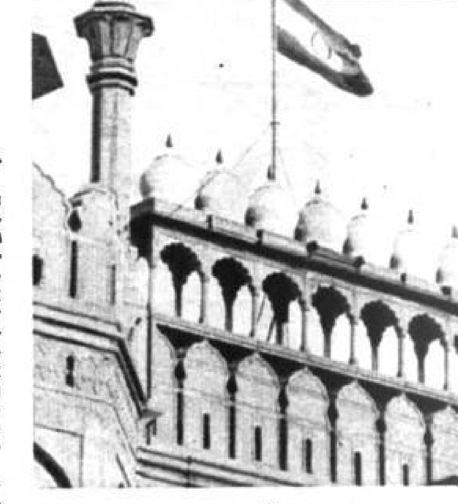
Плоды независимости, свободного развития страны видны в Индии каждому. Крепнет экономика, растут национальные кадры. Все более широкая дорога открывается перед страной.

Большие задачи в области экономического развития решает сейчас Индия. Недавно делийский журнал «Линк» напечатал статью об успехах в создании нефтяной промышленности. Журнал пишет, что открытые запасы позволят стране удовлетворять 60 процентов потребности в сырой нефти.

Развитие нефтяной промышленности Индии началось вопреки стремлениям иностранных компаний удержать страну от разработки своих ресурсов. В статье говорится: «Американские и английские нефтяные компании, действующие в Индии, не принимали в расчет существование нефтяных запасов в Индии. Они отговаривали страну от разведки этих запасов, а когда широкая программа исследований была принята, они прибегли к тактике обструкций и затяжек».

«Линк» отмечает, что в успехах нефтяной промышленности Индии сыграла свою роль дружеская помощь со стороны Советского Союза. «Открытие новых нефтяных полей, — пишет журнал, — произошло в значительной степени благодаря предложению советских экспертов о расширении района поисков. В прошедшие годы их советы и помощь оказались очень полезными».

Так, опираясь на поддержку друзей, открывая новые и новые национальные богатства, независимая Индия строит свое будущее.

Гордо реет над Красным фортом в Дели национальный флаг Индии.

VII профсоюзная

Красочным праздником спорта открылись в Москве, на стадионе имени В. И. Ленина, финальные соревнования VII Всесоюзной летней спартакиады профсоюзов.

Москвичи, ленинградцы, лучшие спортсмены всех союзных республик вступили в борьбу за первенство на стадионах, в спортивных залах, в бассейнах.

Было много интересных, напряженных встреч, высоких результатов. Ведь среди участников спартакиады немало чемпионов и рекордсменов мира и Европы, олимпийских победителей.

Редкую спортивную разносторонность показал сильнейший в Европе прыгун в длину Игорь Тер-Ованесян (на снимке в центре). Он оказался быстрейшим в спринтерском беге на 100 метров, с результатом 10,4 секунды.

Фото А. Бочинина.

ПРООБРАЗ БУДУЩЕГО ДЛЯ ВСЕХ НАРОДОВ

Секретарь ЦК Компартии Австрии
Фридль ФЮРНБЕРГ

Еще никогда опубликование программы какой-либо партии не ожидалось всем миром — друзьями и врагами — с таким напряжением, как проект новой Программы Коммунистической партии Советского Союза. К первой программе русских коммунистов господа капиталисты проявили мало интереса. Вторую они назвали утопией. Новую Программу КПСС они будут основательно изучать, потому что за прошедшие десятилетия им стало ясно, что все программы коммунистов становятся реальностью.

Новая Программа КПСС стала необходимой, потому что были полностью выполнены первая и вторая программы коммунистов. И вот проект Программы стал достоянием мировой общественности: опасения противников и надежды друзей социализма были во многом превзойдены. Эта Программа основана на завоеваниях и достижениях предыдущих десятилетий; она открывает грандиозные перспективы: нынешнее поколение будет жить при коммунизме!

Коммунизм означает не только грандиозное материальное развитие, но и наивысший расцвет науки, культуры и высокой человеческой морали. С победой коммунизма заканчивается предыстория человечества и начинается собственно история.

Новая Программа окажет неоценимую помощь пролетариату всех стран и всем народам, ведущим борьбу за свою свободу. То, что намечено свершить в ближайшие два десятилетия в Советском Союзе, — прообраз будущего для всех народов. Еще решительнее, чем до сих пор, народы земли будут бороться за мир, потому что крепнет убеждение: построение коммунизма в Советском Союзе окончательно гарантирует мир, свободу и социализм на всей планете.

НЕДЕЛЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В БЕЛОРУССИИ

Тепло встретили трудящиеся белорусской столицы посланцев Союза писателей РСФСР, прибывших на неделю русской литературы.

В составе делегации — председатель правления Союза писателей РСФСР Л. Соболев, писатели Н. Грибачев, Е. Поповкин, М. Светлов, П. Нилин, С. Сартаков и другие. Гости совершили по республике интересные поездки, во время которых ознакомились с жизнью крупнейших заводов, побывали на новостройках семилетки, в колхозах. Первые же встречи писателей из России с белорусскими читателями наглядно показали, как дорога всем советская литература, как любим ее передовой отряд — русские писатели.

Встреча участников недели на минском аэродроме; выступает секретарь Минского обкома КПБ С. О. Притыцкий.

Фото А. Дитлова.

ФРАНЦУЗСКАЯ ВЫСТАВКА ОТКРЫЛАСЬ

В Сокольниках распахнулись двери павильонов Французской национальной выставки. Эта выставка — самая крупная, которую когда-либо устраивало правительство Франции за пределами своей страны. На открытии выставки с речами выступили Председатель Совета Министров РСФСР Д. С. Полянский, министр финансов и экономики Франции В. Баумгартнер.

Н а с н и м к е: гости осматривают выставку.

Фото Г. Санько.

БУДУЩЕЕ РЯДОМ С ТОБОЙ

Круг светлых дел

Ю. ПАЛЕЦКИС,
Председатель Президиума Верховного Совета Литовской ССР

Подсчитано, что в Литовской ССР каждый одиннадцатый житель является активистом художественной самодеятельности. Дело, конечно, не в цифрах, а в том, что песня, музыка, сценическое искусство хотя и на малюсеньких подмостках рабочего или деревенского клуба — это ныне неотъемлемая часть личной жизни тысяч и тысяч рабочих, колхозников, служащих, быт людей, которые хотят — и для этого у них есть все основания,— чтобы жизнь их была красивее...

Красиво жить!

Мечта об этом родилась не сегодня и не вчера. Веками люди всех континентов нашей планеты стремились облагородить свой быт. Человек искал все новые краски, которыми он хотел как можно ярче украсить свое существование. Он совершенствовал орудия охоты и производства, изображал картины живой природы на скалах, переходил в сооружении жилья от землянки к деревянному зодчеству. Позже в домах появилась удобная мебель, затем масса вещей, помогающих вести домашнее хозяйство «малым трудом».

Но быт быту рознь. Эта рознь порождена в старом мире неравенством классов. В мире капитализма простому человеку недоступны все радости жизни — как духовные, так и материальные. Производя своим трудом огромные богатства, он пользуется лишь крохами их. Львиную долю этих богатств загребает капиталист.

Только социальный строй, не знающий эксплуатации человека человеком, несет людям радостный труд, дает им в руки плоды этого труда, делает их настоящими хозяевами всех материальных и культурных богатств, делает жизнь их по-настоящему красивой. Красивой в первую очередь потому, что люди наши становятся краше и отношения между ними озаряются ярким светом коммунистического завтра. Нам, литовцам, это, пожалуй, особенно приметно. Еще очень свежи в нашей памяти времена того омерзительного общества, в котором человек был человеку врагом. И поэтому нам особенно радостно видеть каждый росток нового, радостно наблюдать, как торжествуют законы социалистической морали, морали людей, строящих коммунизм.

...Большое несчастье постигло деревню Креконис. Когда все жители находились в поле, пожар в течение нескольких минут охватил всю деревню. Сгорело свыше двадцати домов, все надворные постройки.

Крестьяне-погорельцы! Что им оставалось делать? В былые времена их ждала бы нищенская сума...

Печальная весть о беде, постигшей колхозников Креконис, быстро облетела жителей Игналинского района. В тот же день на помощь товарищам, попавшим в беду, пришли не только соседи, но и целые колхозы.

Одна за другой прибывали к погорельцам машины с продуктами, одеждой, домашними вещами, строительными материалами.

Двадцать пять колхозов восприняли беду крестьян деревни Креконис, как свою беду. На общих собраниях колхозов обсуждали, как помочь погорельцам. Решили: каждая артель своими силами построит по одному дому в Креконис.

...На вильнюсской фабрике «Лелия» недавно произошел такой случай. В бригаду мастера В. Мажукова прислали десять новых, неопытных работниц. А работа здесь ведется поточным методом: чуть в одном месте заело — всю смену лихорадит. И вот тебе сюрприз: сразу десять узких мест. Нетрудно представить, какая участь постигла бы этих работниц, попади они на фабрику лет двадцать пять назад. Сейчас же свершилось то, что может произойти только на социалистическом предприятии. По предложению членов бригады коммунистического труда работниц расставили таким образом, что каждая новенькая оказалась в окружении опытных швей, готовых в любую минуту оказать помощь, подсказать, поддержать слабого товарища. И пока девушки осваивали новую для них профессию, соседки их, быстро выполнив свою операцию, успевали помочь своим новым подругам.

Я рассказал о двух историях: одна случилась в маленькой литовской деревне Креконис, другая—в большом городе Вильнюсе. Но в обоих случаях люди действовали согласно закону светлой коммунистической морали: человек человеку — друг!

И это очень радует: мы идем к коммунизму.

С думой о коммунистическом завтра живет наш народ, встречая XXII съезд КПСС.

Вся страна обсуждает проект новой Программы партии — проект светлого здания коммунизма. В проекте Программы нарисован облик человека, который войдет в это здание. И радостно уже сейчас подмечать в людях черты, которые составляют моральный кодекс строителя коммунизма.

Приметы того рубежа, на который мы вышли — а мы уже сейчас строим коммунистическое общество,— должны все более явственно ощущаться не только в сфере производства, но и потребления. Ростки коммунизма должны крепнуть и в быту советского человека.

Но быт—понятие очень широкое. Спору нет: в первую очередь это, конечно, не сам стол, а то, что на столе,— хлеб, мясо, молоко, масло. Это — жилье, обувь, ткани. Но быт — это и многое другое, о чем мы подчас забываем и о чем, думается мне, сейчас пора говорить во весь голос. Я имею в виду все то, что связано с красотой нашего быта, начиная с облика города, улицы, двора, дома, уюта квартиры, в которой мы живем, оборудования кухни, в которой готовим завтрак, обед...

Отрадно заметить, что вопросы красоты нашего быта начинают волновать все более широкий круг партийных, советских руководителей. Заботясь о красивой одежде человека, исполкомы Советов все чаще тревожатся и об «одежде» улиц, площадей, магазинов: уютно ли там, красиво ли там?

Многие местные Советы Литвы обсудили такой вопрос: «Что нужно сделать, чтобы наш город был еще более красивым?».

В республике идет соревнование районных центров по благоустройству улиц и площадей, улучшению бытового обслуживания населения.

Однажды сессия Вильнюсского городского Совета дала исполкому рекомендацию учредить в отделе строительства и архитектуры должность главного художника города. Такая должность теперь есть.

Заботой главного художника является и покраска фасадов домов, и оформление торжественных шествий в дни больших праздников, и оформление различных массовых гуляний. Сейчас он организует соревнование жителей города за самый красивый балкон.

Прогуляйтесь по Вильнюсу — и вы заметите, если бывали у нас раньше, что меньше стало глухих деревянных заборов, огораживающих дома. Их заменили живыми — из кустарников. Летом живая изгородь — загляденье!

Простое дело—покрасить в яркие тона скамейки садов и скверов. Когда это было сделано, места народных гуляний словно помолодели. Это тоже инициатива главного художника.

Многие вильнюсцы сейчас удивляются: как хорошо выглядят витрины магазинов на центральных улицах! Да, хорошо. И это забота главного художника.

Впрочем, не только его. Какой бы ни была красивой вывеска, но если на ней написано «Кафе № 1» или «Столовая № 267», прохожего она не приведет в восторг.

Первым в городе сменило вывеску как раз кафе № 1. И не только вывеску. Старого зала не узнать. Обновленное кафе получило имя руты — любимого в Литве полевого цветка.

Сейчас в «Руте» всегда полно посетителей. Изменился, конечно, не только внешний облик кафе. Здесь угощают превосходным бульоном и хорошей жареной телятиной, всегда есть грибы и салаты. О рутовском кофе говорят, что ему нет равного во всем Вильнюсе.

Да, о быте нужно думать, и думать серьезно.

В нашей стране осуществлен переход на семичасовой рабочий

МАРКИ ЮРИЯ ГАГАРИНА

Марки с изображением первого космонавта Юрия Гагарина пользуются огромной популярностью у филателистов всего мира.

Сегодня мы публикуем некоторые из них, выпущенные за рубежом.

Вы видите монгольские, румынские и польские марки. Румынские и польские гасятся специальным «космическим штемпелем».

день. В субботу люди кончают работать совсем рано. Появилось больше свободного времени. Как лучше, веселее провести свободное время? Подчас это остается еще сложной проблемой. Куда пойти в субботний вечер? А разве нельзя, например, расширить сеть клубов? Разве не имеют права на существование клубы под названием: «Атеист», «Хочу все знать», «Гости города», «Молодые женщины»?

Задуман нашими молодыми людьми «Клуб отпускников». Забот у этого клуба будет много: посоветовать, как лучше провести отпуск, привить людям любовь к путешествиям.

Когда заходит речь о рождении какого-либо нового клуба, многих пугает вопрос: а где такой клуб разместится? Строить? Где взять деньги?

Наши комсомольцы подсказали, как можно решать такие вопросы. Во всех городах республики в различных учреждениях имеются хорошие залы, которые бывают заняты лишь несколько дней в году—обычно там проводятся большие собрания, совещания. Нельзя ли эти залы предоставить общественности, хотя бы на субботние и воскресные дни? Конечно, можно.

А какое большое значение для воспитания хорошего вкуса, для создания по-настоящему красивого быта имеют самые обычные предметы домашнего обихода, то, что окружает нас дома, в квартире!

Мы далеко ушли вперед в экономике и технике. А в квартирах иной раз продолжают царствовать новые по выпуску, но громоздкие шкафы и столы, массивные кровати, словно рассчитанные на слонов, заковыристые пудовые люстры.

Многие новоселы литовских городов сейчас обставляют свое жилье иной мебелью. Она легка и удобна, проста и красива.

Литовский совнархоз создал специальное экспериментально-конструкторское бюро, которое разрабатывает новые модели мебели, знакомит с ними широкие массы и затем лучшие из этих образцов внедряет в производство.

Нужно больше такой мебели, но еще не отпала необходимость почаще объяснять ее преимущество, посерьезнее говорить о красоте нашего быта с теми, от кого это в первую очередь зависит.

Всего один пример. Литовские художники разработали новые образцы ковров, в основном однотонные, с национальным орнаментом. Правда, они на первых порах не понравились. И кому? Работникам торговли. Они ведь годами привыкли видеть на своих прилавках многоцветные произведения с трафаретными рисунками. Но покупатели придерживались другого мнения и стали покупать эти красивые ковры.

Между прочим, торгующие организации больше чем кто-либо повинны в том, что на наших рынках появляются чудовищные гобелены на картоне, изготовляемые ремесленниками-халтурщиками, гипсовые зеленые кошки, аляповатые рамки для фото, пресловутые копилки гончарного производства и другие вещи, словно выскочившие из торбы коробейника.

Красивое — и в быт и на производство. Настало время, когда творцы машин задумываются не только над техническими проблемами, но и эстетическими. Художник становится консультантом конструктора, технолога. Они вместе думают о том, какую форму придать станку, в какие цвета окрасить его детали. И не случайно в Центральном проектно-конструкторском бюро Литовского совнархоза появилась группа промышленной эстетики. Она готовит свои рекомендации предприятиям.

Воспитанница Каунасского техникума прикладного искусства Живиле Лепарските предложила цветовые сочетания почти для всех сельскохозяйственных машин, выпускаемых в Литве. Группа инженеров занята проектом отделки цеха на заводе электросварочного оборудования.

Мне думается, что настала пора, когда мы должны всерьез заняться эстетическим воспитанием и детей и взрослых, широко пропагандировать красивое, настойчиво прививать хороший вкус. Ведь это все элементы коммунистического воспитания.

И одним художникам не справиться с этой задачей.

Однажды гость из Вильнюса, посетив Анталептский техникум, находящийся в одном из северо-восточных сел Литвы, был удивлен, увидев студенток с куклами в руках. Он спросил их: «Играете?» «Нет, учимся»,— ответили те. У них шел в тот час урок домоводства. Девушки пеленали кукол. Со стороны это могло показаться игрой, а на самом деле это было полезное и очень серьезное занятие.

Окончив учебу, молодые специалисты разъедутся по селам и займутся колхозными садами и пасеками. Но в запасе у них и другие знания — ведение домашнего хозяйства.

Мы придаем большое значение благоустройству приусадебных участков, бытовой гигиене, умению обставлять жилье, красиво и удобно одеваться. Каждый выпускник Анталептского техникума станет хорошим пропагандистом всего этого и добрым советчиком каждого сельского жителя.

Кстати, сельский житель сейчас уже совсем не тот, что был, скажем, лет десять назад. Изменили свой облик и сами села. Элементы городского хозяйствования проникают сюда. Но проникают пока еще слабо. Нужны усилия и усилия, чтобы деревенский быт стал по-настоящему красивым и здоровым. И хорошо было бы, если бы сельская интеллигенция больше пропагандировала санитарию и гигиену. Нечего греха таить, многие колхозники еще пренебрегают этим. И что удивительно, никак деревня не может расстаться с рукомойником — этим источником сырости и грязи на кухне, хотя умывальник давно «изобретен». Оказывается, наша промышленность почему-то стала «забывать» о производстве подобной вещи, столь необходимой для жилья, лишенного водопровода.

«Забывчивость» нашей промышленности по отношению к деревенскому быту этим далеко не ограничивается. Например, много выпускается различных бытовых машин с моторами. Но ведь не секрет, что еще не всюду есть электричество. Да и жизнь показывает, что, скажем, полотер или картофелечистку не обязательно делать с электрическим двигателем. Такие приспособления, облегчающие ведение домашнего хозяйства, могут работать, как говорится, и от руки.

Новое входит в наш быт. Мы должны быть заботливыми садовниками этих ростков. Но чтобы наша жизнь стала красивым садом, нужно еще уметь выдергивать с корнем старые, отжившие свой век традиции. А они живучи.

Вот купил человек автомашину и, что называется, дрожит над ней. Хорошо. По-хозяйски. Но вот не первый год он живет в квартире и палец о палец не ударил, чтобы она была в образцовом состоянии. Когда в раме отваливается замазка, он идет к управдому и жалуется, требует. А ведь это жалоба на самого себя! Потому что квартира, в которой он живет,— это его квартира.

«Двор наш, как пустырь. Более того, свалка. Детям поиграть негде. Ни одного деревца. А домоуправление ничего не делает» — это можно услышать, к сожалению, часто.

Но почему только управдом и исполком должны заботиться о дворах? Разве это не дело и жильцов?

Наши городские Советы тратят много средств на поддержание чистоты улиц. Так почему же мы порой равнодушно взираем, как пешеход бросает на мостовую окурок папиросы или ненужный бумажный кулек?

В коммунистическом воспитании трудящихся все более значительную роль играет общественность. Отрадно, что общественность весьма и весьма активно начинает действовать в доме, где мы живем. Круг ее забот становится все шире: и воспитание коммунистических взаимоотношений в быту людей, живущих в одной квартире, на одной лестнице, в одном доме; и спортплощадка для детей; и клуб домохозяек; и озеленение двора; и борьба с пьянством, с тунеядцами.

Мы много говорим и пишем о лодырях и тунеядцах всех сортов, о людях, пришедших в наше общество из прошлого. Они есть, но они, выражаясь математическим языком, величина бесконечно малая по сравнению с великой армией честных людей. Не пора ли нам более «широким планом» переходить на работу разных учреждений без контролеров, кассиров и т. д.? Мы только кое-где в автобусах и троллейбусах ввели механические кассы. Почему бы не упразднить должность контролеров в кино, в театрах и других общественных местах?

...Страна наша в строительных лесах. Вырастают заводы, рождаются новые города и поселки. Страна накануне фантастического прыжка в будущее, страна накануне XXII съезда партии, который примет программу нашего движения к намеченной цели — к коммунизму.

Растет наша экономическая мощь, и вместе с нею умножаются и крепнут ростки нового в повседневной жизни миллионов советских людей всех национальностей.

...В Каунасе родилась хорошая идея — создать Торжественный парк. Сажать деревья в этом парке жители города будут в честь каких-либо важных событий в личной жизни: юноши и девушки — в день получения паспорта, молодожены — в день свадьбы, молодые родители — в честь своего первенца...

Пройдут годы—и зашумит пышной листвой огромный парк. И деревья, словно страницы необыкновенной книги, день и ночь будут рассказывать о людских радостях, о любви и счастье.

Да, мужают ростки коммунистического быта! Пройдет немного лет, и превратятся они в могучий лес, большой и красивый.

МАРКИ ГЕРМАНА ТИТОВА

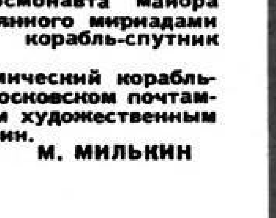

Министерство связи СССР выпустило памятную серию из двух марок. На первой из них майор Г. С. Титов запечатлен в кабине корабля-спутника «Восток-2» у пульта управления. Сквозь иллюминатор виднеется символическое изображение земного шара, очерченного орбитами советских космических кораблей.

На второй марке — портрет летчика-космонавта майора Г. С. Титова. На фоне темного неба, усеянного мириадами звезд, стремительно несется космический корабль-спутник «Восток-2».

На марках знаменательная дата: «Космический корабль-спутник «Восток-2» 6—7. VIII. 1961». На Московском почтамте памятные марки гасились специальным художественным штемпелем. Автор этой серии — И. Л. Левин.

М. МИЛЬКИН

Когда присутствуешь на заседаниях V Международного биохимического конгресса и слушаешь доклады ученых, чувствуешь, что самым смелым и фантастическим замыслам человека суждено превратиться в действительность. Химические заводы будут работать по принципам реакций, которые происходят в живом организме. Изучение химии живой клетки готовит подлинную революцию в химической промышленности. Экономично и быстро можно будет получать полимеры и другие сложные соединения.

Познание процесса фотосинтеза позволит создать на Земле полное изобилие. Из воды и воздуха при помощи солнечного света человек научится получать самые различные продукты питания.

А медицина? Можно ли устранить поломку в машине, если хорошо не знать, как она устроена, как работает? Понимание тонких физико-химических процессов в живой здоровой клетке даст ключ к лечению многих серьезных заболеваний. Например, разрешение проблемы рака — дело, по-видимому, недалекого будущего, ибо на него сегодня подняли меч биологи, химики, физики и врачи.

О ЖИЗНИ И

ДЛЯ ЖИЗНИ

...Более 5 тысяч ученых из 58 стран мира обсуждают сейчас проблемы и последние достижения биохимии. Почти пятьдесят процентов ныне здравствующих лауреатов Нобелевской премии составляют биохимики, и большинство из них приехало в Москву. Самые крупные научные делегации на конгрессе: делегация СССР — 1 650 человек и США — 1 000. Наука требует контактов между учеными, требует широкой научной информации.

По традиции международных научных конгрессов, один или два основных пленарных доклада посвящаются ключевым проблемам данной науки.

На V Международном конгрессе биохимиков одна из таких проблем — превращение энергии в живых клетках из одной формы в другую. Лауреат Нобелевской премии, крупнейший советский ученый академик Н. Н. Семенов, выступая недавно в печати, определил две главные, принципиальные задачи науки XX столетия: одна — из области физики, другая — раскрытие тайны жизнедеятельности, в частности процесса трансформации энергии в растениях и животных организмах. Современная энергетика не знает машины, которая могла бы химическую энергию прямо превратить в механическую. Молекулярная же машина организма — мышца — делает это с коэффициентом полезного действия, близким к семидесяти процентам. А превращение энергии солнца в химическую может совершать пока только зеленый лист...

Пленарный доклад на открытии конгресса сделал крупнейший американский ученый Д. Грин. Доклад был посвящен новейшим данным о структуре и функциях частиц клетки — биохимических машин, как их образно назвал ученый. В этих биохимических машинах происходят важные энергетические преобразования, сгорает топливо и высвобождается энергия для живой клетки.

...Во второй половине XX века древняя и самая гуманная наука — наука о жизни — превращается из описательной в точную, проникает в сущность живого и неудержимо влечет к себе не только биологов и медиков, но и физиков, химиков, математиков.

Расширяются контакты между учеными самых разных специальностей, важные научные проблемы решаются не келейно, а в тесном сотрудничестве ученых всех стран. Пример этому — V Международный биохимический конгресс.

М. РОСТОВ

Фото Р. Лихач.

Девушка, поющая «Интернационал».

ВЕТЕР МИРА

А. ЖУКОВА

«...В твоей кисти есть ветер мира...», «Ты даешь землю, хлеб своей живописью...» — так пишут современные поэты об итальянском художнике Ренато Гуттузо. Перед его синими, золотыми, алыми картинами нельзя остаться равнодушным.

Истерзанный пытками человек стремится вырваться из рук убийц, но его удерживает палач, а сзади, как призрак, стоит детина в белом колпаке куклуксклановца. Это — «Убийство Лумумбы».

Рабочий в красной клетчатой рубахе сидит во дворе и одиноко слушает музыку; у его ног стоит патефон. Но разве можно отдаться отдыху, когда жизнь так беспросветно трудна? И в широко раскрытых глазах калабрийского рабочего в Риме тягостное раздумье...

Посетители московской выставки картин Гуттузо смотрели на суровые и упрямые лица скованных, но непобежденных «Батраков»; на цветы, яркие краски которых освещают зал, словно солнце; на строгие натюрморты, где изображены вещи тружеников и батраков, — плетеные корзины, молотки, клещи...

В книге отзывов люди писали: «Гуттузо — это Гойя XX века. Глаза рабочего, наверно, будут мне сниться», «Италия — страна солнца, света, чудесных красок, воплощение красоты. Гуттузо показал другую Италию — страдающую, борющуюся».

На выставке побывали сто тысяч зрителей. В Советском Союзе Гуттузо среди друзей, как и его реалистические полотна.

30 июля в Музее имени Пушкина был день открытых дверей для молодых воинов Советской Армии. Они ходили по залам, слушали объяснения экскурсоводов. Вдруг один шепчет другому: «Ты знаешь, говорят, здесь Гуттузо!»

Это правда. Накануне Гуттузо приехал в Советский Союз, и в этот день он посетил свою выставку. Солдаты попросили Гуттузо сфотографироваться с ними. Крепко обняв молодых друзей, художник становится перед объективом.

— Я очень рад сфотографироваться с вами! Ведь я тоже служу делу мира своей живописью...

Солдаты с уважением смотрят на отважного человека, который за участие в движении Сопротивления получил партизанскую медаль, а за свои антифашистские рисунки — Золотую медаль мира.

Я слышу за своей спиной шепот:

— Он прятал в своей мастерской типографский станок для антифашистских листовок!..

— Значит, он коммунист? — тихо спрашивает светловолосый паренек.

— Конечно! — отвечает сосед. — Он член ЦК Итальянской компартии!

Друзьям не хочется уходить из зала, где висят картины Гуттузо, где находится он сам, крепкий, темноволосый и белозубый человек. Посетители выставки просят художника рассказать о его картинах.

— Я расскажу о тех вещах, которые дороги для меня больше других, — говорит он. — Наиболее близкими мне кажутся сейчас «Смерть рабочего», «Человек, который ест спагетти» и «Буги-вуги в Риме». Эти работы занимают меня по разным причинам.

«Смерть рабочего» я написал в 1953 году. В 1951 году усилилась борьба рабочих в Модене. Начались столкновения с полицией. Шесть человек были убиты. Я хочу подчеркнуть: это был не единственный случай. Это — один из случаев. Поэтому «Смерть рабочего» не портрет. Это — изображение героя наших дней — рабочего, пострадавшего во время столкновения с полицией. Я писал эту картину с большой любовью. Обилием бинтов я пытался передать впечатление от госпиталя, где умер скромный герой. Рядом с ним товарищи поставили красное знамя... Мне кажется, эта картина имеет связь с традициями итальянского искусства: я хотел уйти от тенденций современного экспрессионизма. Ракурс, в котором изображен рабочий, не имеет отношения к ракурсам экспрессионизма. Он драматичен, а я делаю очень большое различие между экспрессионизмом и драматизмом. Мне именно хотелось быть драматичным!

Вторая картина, близкая мне, — «Человек, который ест спагетти». Это очень итальянская картина. Она тесно связана с южной Италией, где я родился. В Италии любят спагетти, особенно на юге. Но напрасно думают, что итальянцы едят их каждый день. Еще несколько лет назад спагетти были роскошью, да и сейчас многие едят их только по воскресеньям. Есть спагетти — значит иметь некоторый жизненный успех. Крестьяне и рыбаки едят хлеб и рыбу — то, что им дают земля и море. Но чтобы рыбак поставил на стол спагетти, ему ведь надо сначала поймать рыбу, продать ее, а потом уже купить спагетти. Всю эту историю я и хотел вложить в картину.

«Буги-вуги в Риме» — третье полотно, о котором мне хочется сказать. Я думаю, что здесь моя задача была не в том, чтобы сделать карикатуру. Я ведь должен изображать правду! Юноши и девушки, танцующие буги-вуги в Риме, — обыкновенные люди. Просто они очень много перенесли и иногда заблуждаются. Я отношусь к ним по-братски, но... не критиковать их не могу!

В своих картинах, — говорит Гуттузо, — я пользуюсь подчеркнутым рисунком. Те же принципы у меня и по отношению к цвету. Но обо всех этих разграничениях цвета и рисунка можно говорить только тогда, когда картина готова. А когда работаешь, то работаешь с жаром и забываешь обо всем.

Гуттузо добавляет:

— Я очень рад, что репродукции с моих картин появятся в «Огоньке». Я рад приветствовать своих новых друзей. Теперь их у меня стало так много!

Ренато Гуттузо на своей выставке в Москве, в Музее имени А. С. Пушкина.

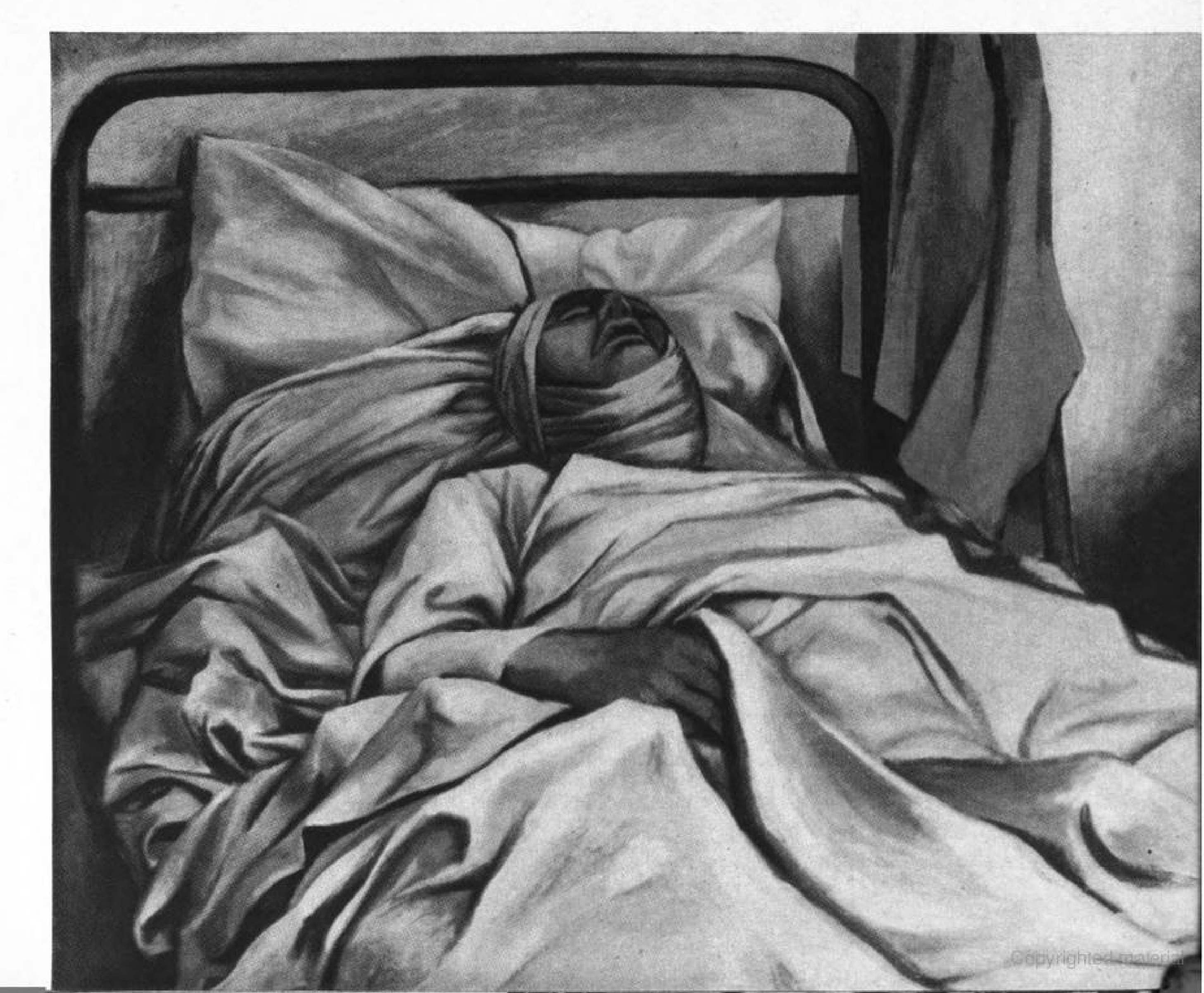
Фото Е. Умнова.

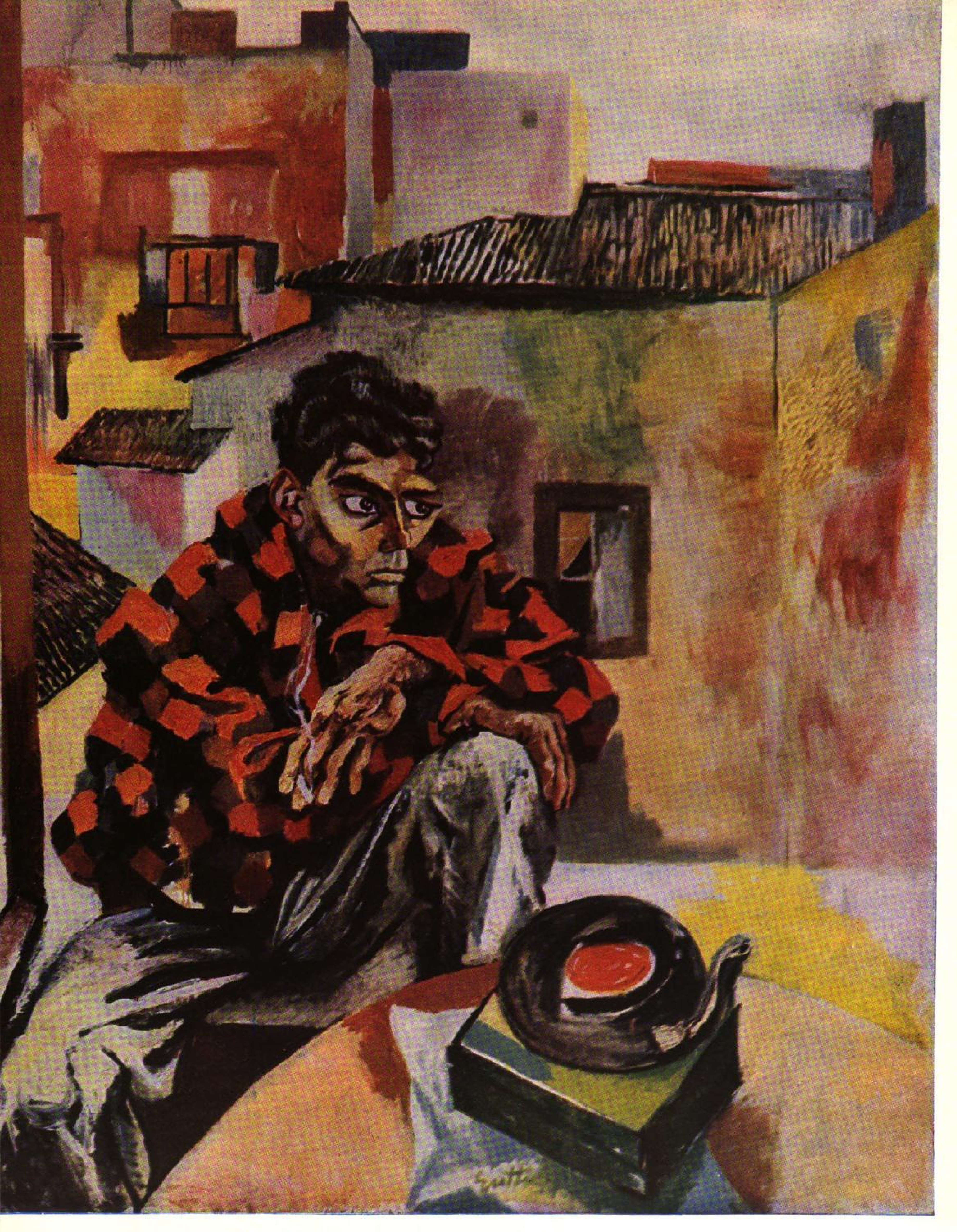
БАТРАКИ, 1949.

С выставки произведений Ренато Гуттузо в Москве

СМЕРТЬ РАБОЧЕГО, 1953.

«Огонек».

Ренато Гуттузо. ВОСКРЕСЕНЬЕ У КАЛАБРИЙСКОГО РАБОЧЕГО В РИМЕ, 1960—1961.

Максим РЫЛЬСКИЙ

ВЕЧЕРНИЕ БЕСЕДЫ

МОЕ И НАШЕ

Одному моему доброму знакомому, любовно копающемуся в небольшом своем пригородном садике, о «доходах» с которого можно говорить разве только иронически, сказали как-то:

— Как жаль, что эти красавицы березы растут не у вас!

Березы действительно зеленели и шелестели на солнце за пределами сада, отгороженные от него забором.

Мой знакомый ответил:

— А почему, собственно, жаль? Разве от этого они стали менее красивы? Или, по-вашему, забор мешает мне любоваться ими?

Однажды он остановился перед молодым цветущим абрикосом. Бесчисленные пчелы гудели и работали на деревце, что доставляло моему знакомому особую радость. Снова маленький разговор:

— Ведь это не ваши пчелы? У вас, кажется, нет ни одного улья?

— Не мои. Нет у меня ульев. Это соседские пчелы, а может быть, они издалека...

— Так чему ж вы радуетесь? Помогают опылению?

— Помогают, а как же! Но не в этом дело! Вы только послушайте, как гудят! Вы только поглядите, как работают! Ну, а если вы так уж настаиваете на практическом выводе, то имеется и таковой: будет мед у людей — будет и у меня...

Я уже рассказывал как-то о таком эпизоде: старушка мать (а возможно, это была теща) одного председателя колхоза перебирала в погожий осенний день у себя во дворе необычайно крупный лук с приусадебного огорода.

— Вот это лук так лук! — воскликнул я, залюбовавшись ловкой работой старухи.

— А у нас в колхозе не хуже! — гордо отозвался хозяин дома — председатель колхоза.

А теперь мне хочется привести совсем иной пример.

Это было вскоре после окончания второй мировой войны. Один почтенный «творческий работник» — скажем, художник или писатель — хлопотал о предоставлении ему квартиры вместо прежней, разрушенной войной. Хлопоты его, участника этой войны, были вполне обоснованы и законэрны. Но получилось так, что ему пришлось вступить в конфликт с другим гражданином, который, правда, не был «творческим работником», но так же воевал, так же потерял жилье и, естественно, так же имел право на новое. «Творческий работник» проявил большую настойчивость в достижении своей цели и полнейшее равнодушие к человеку «нетворческому». Проявил, прямо скажу, типичнейший эгоизм.

— А ведь это у тебя получается в прямом противоречии с тем, что ты пишешь. Ты ведь прославляешь черты нового человека,— сказали ему.

— Э, да при чем тут это! — досадливо отмахнулся «творческий работник».

Спор о «моем» и «твоем», о «моем» и «нашем» — извечный спор; он берет свое начало из глубины веков. Вокруг него, собственно, и обращается вся история человечества до Октября. Исследователи народного творчества не раз становились в тупик перед совершенно противоположными формулами так называемой народной мудрости: с одной стороны, «община — всему кончина», «лучший союз — жена да муж», а с другой — «в единении сила»... Это показывает, кстати, неоднородность того, что мы называем фольклором. Легко можно свести дело к классовому происхождению этих поговорок: первые две, мол, придуманы богатеями, мироедами, кулаками, а третья — бедняками, незаможниками. Мне кажется, что дело сложнее. Тот мой односельчанин Иван, что зарубил топором своего брата в споре «за надел», за клочок земли, был очень беден (как и его брат). Маланка в «Fata morgana» Коцюбинского, которая так мечтала о своей земле, тоже не была богачкой. И опять-таки о «земельке» мечтал зажиточный на всю округу, ненасытный Калитка из комедии Карпенко-Карого «Сто тысяч»:

«Ох, земелька, святая земелька,— божья ты доченька! До чего ж радостно загребать тебя в кучу, в одни руки... Собирал бы тебя без счету. Легко по собственной своей земле ходить. Посмотришь кругом — все твое; там стадо пасется, там поднимают пар, а тут уж зазеленела пшеница, заколосилась рожь: и все это деньги, деньги, деньги...»

Все это деньги. Земля, собственность, деньги. До чего эти «идеалы» доводят, в какое моральное чудовище, в какого социального преступника превращают они человека, свидетельствует одно место из другой комедии Карпенко-Карого «Хозяин», где действует, так сказать, старший брат Калитки, Терентий Гаврилович Пузырь.

Разговор происходит между Пузырем и его «экономами» — Зеленским и Лихтаренко — о найме работников на свекловичные плантации.

«Пузырь. ...Ну так как же это вы, господин Зеленский, до сих пор еще не взнуздали мануйловских мужиков? Где ж это видано, чтобы на бураках платить работнику по тридцать пять копеек в день? (Лихтаренку.) Порфирий! Почем у тебя в Чагарнике работали и работают поденно?

Лихтаренко. С начала весны по пятиалтынному, потом по двугривенному, а уж нынче, в горячую-то пору, по четвертаку, на своих харчах!

Пузырь. Слышите? И по четвертаку многовато, но все-таки ведь не тридцать пять! Да еще, почитай, и кормите?

Зеленский. Кормлю.

Пузырь. Боже ты мой! И кормите?.. Так нельзя, вы не умеете создавать дешевого работника!

Зеленский. У нас условия одни, а в Чагарнике, у Лихтаренка — другие.

Пузырь. Условия люди создают.

Зеленский. Место месту — рознь. В Мануйловке народ куда позажиточнее будет... А работник — сами знаете — только там и дешев, где земли нет, где не к чему руки приложить, где нищета.

Пузырь. Так вы создавайте в Мануйловке нищету!»

Вот тут-то «приобретательство» уже отнюдь недвусмысленно переходит в преступление. Маниакальная жажда обогащения свойственна многим героям «Человеческой комедии» Бальзака, свойственна она и Герману Гольдкремеру Франка, черной тучей нависла она над веками, над людьми, над делами людскими.

Богачи жаждали все большего обогащения (и на кой черт это им нужно было? Это «на кой черт» можно отнести и к нынешним заморским рыцарям наживы).

А бедняки стремились заполучить хоть клочок земли, чтоб не помереть с голоду.

Трилогия Михайла Стельмаха — животрепещущий документ о той власти земли, о той жажде земли, которой было проникнуто наше крестьянство до Октябрьской революции и которую очень нелегко было преодолеть в себе, превратить в радость обладания общей землей, радость труда на этой общей, обобществленной земле.

Октябрь перепахал вековечные межи. В этом его бессмертная и неоспоримая историческая заслуга. Но легче — хоть и это далось в тяжкой борьбе, с величайшими кровавыми жертвами,— легче перепахать физические межи на полях, чем запахать ту глубокую борозду между «твоим» и «моим», «моим» и «нашим», борозду, проложенную в душе человека.

Мы любим детей, мы стараемся воспитать из них советских граждан, будущих членов коммунистического общества. И вот мелочь.

Мать кормит кашкой своего маленького сынка и приговаривает: «Ешь, а то придет Петрусь (старший братишка) и съест, тебе не останется...» И малыш торопится есть, чуть не давится, чтобы только старший братик не отнял... Хорошо? Очень нехорошо.

Сторонники теории «священной собственности» утверждают, что чувство собственности врожденное, инстинктивное, исконное... Это неправда. Помню такое: маленький мальчик подбежал на улице к лотку со сластями, схватил конфетку.

— А где же твои деньги? — смеясь, спросила добродушная продавщица.

Глазенки широко раскрылись. Деньги? Какие деньги? И почему нужны деньги, чтобы взять конфетку, которую так хочется съесть?

А бывает и так, что ребенок не успокоится до тех пор, пока не оделит каким-нибудь лакомством папу, маму, сестренку, всех. Хоть по кусочку. Хорошо? Очень хорошо.

Лев Толстой был глубоко растроган, когда его любимый сынок (он умер очень рано) по поводу разговора старших о том, что эти, мол, поля принадлежат такому-то, а те — такому-то, серьезно заявил: «Всё всехнее».

Чувство собственности, разумеется, не врожденное. Но оно отравило немало клеток человеческого существа, и отраву эту чрезвычайно важно изгнать, изгнать из всех клеток; порой она откладывает отпечаток даже на людей с большими заслугами перед общественностью, перед революцией, даже на людей с партийным билетом в кармане. И это случается чаще, нежели можно было бы предполагать. И отраву эту искоренять — первейший наш долг и обязанность.

Тодось Чуприна в Романовке, старый в ту пору человек, сажал как-то дубки перед своим забором. Ему сказали:

— Да ведь вы, дедушка, и не увидите, как эти дубки вырастут!

Опираясь о заступ, Тодось сказал:

— Только дураки сажают для того, чтобы только самим видеть.

Этих вот «дураков» мы должны беспощадно уничтожать и в первую очередь в самих себе.

Ничего, впрочем, не следует упрощать и вульгаризировать. Современные достижения науки, например, расщепление атомного ядра, использование атомной энергии, завоевания космоса,— заслуга большого коллектива ученых. Без совместных коллективных усилий достижения эти были бы немыслимы. А, однако, вправе ли мы зачеркивать отдельные гениальные имена участников или предшественников этого коллектива? Разве не закономерно, что создатели космического корабля и Гагарин, совершивший на этом корабле свой в веках прославленный подвиг, вспомнили в первую очередь имя великого Циолковского? Не имеет ли права выдающийся ученый, изобретатель, инженер, рабочий на это слово — мое? Мое изобретение, мое открытие, мое достижение... Тут мое становится могучей прогрессивной силой, мощным рычагом, и людское желание славы, доброй славы в таких случаях вполне оправдано.

Не надо забывать, что один из даров, глав-

МИРАЖ В ЛЕДЯНОЙ ПУСТЫНЕ

Наш экспедиционный санно-тракторный поезд медленно двигался по леднику. Путь лежал с береговой базы на купол ледникового щита, где предстояло соорудить научную гляциологическую станцию — Ледораздельная Института географии Академии наук СССР.

Находясь на высоте около 800 метров над уровнем моря, мы вдруг ясно увидели на востоке Карское море. Вскоре после этого на западе заметили и Баренцово море! Это было уж слишком. Ведь мы твердо знали, что с ледораздела Новоземельского щита на 76° северной широты их не видно. В чем же тогда дело?

На поверку оказалось, что нас обманула игра света в атмосфере — так называемый верхний мираж, возникший в результате резкого изменения плотности воздуха. Верхние слои имели меньшую плотность, чем охлажденные нижние, находящиеся над ледниковым покровом. Благодаря различной плотности слоев в них происходило сильное искривление световых лучей, идущих от поверхности обоих морей. Вот почему мы и смогли непродолжительное время зрительно воспринимать как бы приподнявшиеся Карское и Баренцово моря, невидимые на вершине.

Надо сказать, что верхний мираж — довольно частое оптическое явление, встречающееся в Арктике.

Мы ждали на станции Ледораздельная санно-тракторный поезд с береговой базы. Глаза проглядели в этом томительном ожидании. И вдруг одновременно с геодезистом В. С. Корякиным я отчетливо увидел в молчаливой снежной пустыне черную точку. Странно: она не двигалась. Решили, что трактор, очевидно, застрял, и сами пошли к нему навстречу.

Каково же было наше удивление и огорчение, когда вместо мощного «С-80» мы обнаружили в нескольких метрах от себя в плотных снежных застругах... обыкновенную спичечную коробку!

Полярным путешественникам хорошо знакомы подобные явления. В высоких широтах Арктики и Антарктики белизна снежной поверхности, а также неодинаковая плотность слоев атмосферы, отсутствие теней, которые создавали бы хоть какой-нибудь контраст, часто скрадывают расстояние. Особенно это заметно в пасмурный день при ровном рассеянном свете.

Евг. ЗИНГЕР,
научный сотрудник
Института географии
Академии наук СССР

Чуткие сплавы

«Замечательные пироги получились!» — эту фразу можно услышать от хозяек во многих домах, где стоят новые газовые плитки. Они выпускаются тем же заводом «Газоаппарат», что и старые, но имеют термометр, который по заказу хозяйки сам регулирует температуру. Конструкция термометра очень проста. В нем нет ни спирта, ни ртути. На стержень надета пружина, к ней прикреплена стрелка. Конструкцию дополняет шкала с цифрами. Вот и все. Но самое интересное в этом нехитром механизме — пружина. Она состоит из сплава двух металлов, которые по-разному реагируют на изменение температуры. При нагревании пружина изгибается и с помощью специальных механизмов уменьшает отверстие, через которое поступает газ в горелку. Температура в духовке снижается. Что же это за чудесный сплав? — спросите вы. Называется он прецизионным, от французского слова «прецизион» — точность.

Создали его в институте прецизионных сплавов при Научно - исследовательском институте черной металлургии имени академика Бардина.

Такие отрасли науки и техники, как точное приборостроение, электроника, радиопромышленность, уже не могут обойтись без прецизионных сплавов.

Они также широко применяются в бытовых приборах: электрический утюг с терморегулятором, газовая плита новой конструкции, экономно расходующий электроэнергию холодильник «Саратов»... Даже часы идут точно благодаря маленькому волоску, сделанному из чутких сплавов.

Человеческий волос имеет толщину около 40 микрон. Но в технике порой требуется проволока раза в 2—3 тоньше. Возможно ли сделать такой металлический волосок? В институте прецизионных сплавов уже получили проволоку диаметром в 10—20 микрон. Она найдет применение главным образом в электронике и радиопромышленности.

В. ТЕРЕХОВ

РАЗДРОБЛЕННАЯ СЕКУНДА

В лаборатории времени и частоты Всесоюзного научно-исследовательского института метрологии имени Менделеева ощущаешь стремительный бег секунд. Наша житейская минута здесь воспринимается как очень большая величина.

Еще недавно самым верным методом проверки времени считались астрономические наблюдения. Не потеряли они своего значения и сейчас. Однако теперь установлено, что астронаблюдения тоже не очень точны, допускают погрешность до 20 миллисекунд.

Миллисекунда. (Одна тысячная доля секунды.) Много это или мало? Органы чувств человека не способны отметить эту единицу времени. Но старший научный сотрудник лаборатории Д. П. Марковский считает, что миллисекунда — это значительная величина. Сконструированная им установка малых промежутков времени УМПВ-1 может измерять отрезки времени, равные одной миллионной части секунды. Но недавно на пульте появился еще один прибор, и теперь установка отсчитывает даже четвертушки микросекунды...

В промышленности, в научно-исследовательских институтах ныне действуют тысячи установок и прибо-

---

нейший из даров, который принесет человечеству коммунизм,— это полное раскрепощение индивидуальности. В условиях коммунизма творческая индивидуальность неизменно развивается в полном согласии с коллективом, иначе быть не может.

Не стоит механически переносить отречение, отказ от слова «мое» на литературу, на искусство. Однажды мы с товарищем делились с одним значительным государственным и партийным деятелем мыслью о создании коллективной поэмы. «Ну что ж, желаю вам удачи! — сказал он.— По-моему, однако, коллективность хороша в сельском хозяйстве, в промышленности... а вот что касается литературы... кто его знает...»

Перечитывая теперь несколько коллективных поэм, написанных украинскими советскими поэтами и имевших в свое время немалое общественное значение, сразу же узнаешь: эту главу писал такой-то... А эта принадлежит перу такого-то... Главы остались каждая при своем характере и тоне, и авторы без зазрения совести печатают их как самостоятельные произведения в своих индивидуальных сборниках.

Все ручьи и реки нашей многонациональной и многокрасочной литературы текут и журчат каждая на свой лад, все голоса наших писателей — если они заслуживают того, чтобы их слушали,— звенят по-разному. Но все это сливается в одно море, и мы с полным правом говорим о нем: наше море.

ЧУДАКИ

Великий украинский философ Григорий Сковорода, от которого идет столько линий в развитии новой украинской литературы, культуры, общественной мысли, завещал, чтобы ему сделана была надгробная надпись: «Мир ловил меня, но не поймал». «Мир» — это современная Сковороде верхушка общества, это пышное панство и утопавшее в роскоши духовенство, это те «гробы повапленные», те «столпы церкви», которых он бичевал вслед за пламенным Иваном Вышенским, в полном согласии с народным творчеством, с народной сатирой. «Мир» этот считал его чудаком, к тому же опасным. А «старчик» Григорий странствовал между тем от села к селу, от города до города, сближаясь и братаясь с «простолюдинами», и хоть и казался кое-кому странноватым, но был из тех людей, к которым по тому времени можно было применить и название святого.

Лермонтов, изображая поэта и место поэта в жизни, написал своего «Пророка» с такими горькими строками:

Смотрите ж, дети, на него:
Как он угрюм и худ и бледен!
Смотрите, как он наг и беден,
Как презирают все его!

А за что презирают? Пророк говорит об этом ясно:

Провозглашать я стал любви
И правды чистые ученья...

Чудак! Не такой, как все! Побьем его камнями!

Шевченко свой образ поэта, певца рисует в образе Перебенди («старого та химерного»). Перебендя со своими сменами настроений («Заспіває весільної, а на журбу зверне») действительно казался некоторым, особенно людям практического склада ума, человеком с чудинкой. На это и намекает Шевченко в своей характеристике. Но дальше читаем:

Він усюди вештається
Та на кобзі грає.
А хто грає, того знають
І дякують люди...

В одном из самых поэтических рассказов цикла «Записки охотника» Тургенев выводит всем нам милого еще с юных лет крестьянина-бедняка Касьяна с Красивой Мечи. Касьян, по прозвищу Блоха, по собственному признанию, «плохой работник», здоровья у него нет, да и «руки глупы», сам не может рассказать, с чего он живет. Кучер Ерофей считает его юродивцем, говорит, что Касьян — «несообразный человек», «глупый человек», иронически называет Касьяна «лекаркой», добавляя при этом: «меня, однако, от золотухи вылечил...»

Но это посмешище людское, этот юродивец — благородный правдолюб. Он не только пытается «отвести» от охотника дичь, чтобы тот зря не убивал «божьих пташек», он говорит о купцах, которые приехали, чтобы «свести», вырубить рощу: «Тут у нас купцы рощу купили,— бог им судья, сводят рощу-то...»

И он поэт, этот карлик, похожий на старого мальчика, этот болезненный и незадачливый Касьян. И поэт не только потому, что сочиняет сам про себя бесхитростные стихи:

А зовут меня Касьяном,
А по прозвищу Блоха...

Он поэт и тогда, когда, идя по ссечке — вырубленному лесу,— подпевает и чиликанью поршка — молодого перепела и звонкому щебетанию жаворонка.

И полон поэзии задушевный его язык, когда он рассказывает о странствиях своих по земле:

«— Ведь я мало ли куда ходил! И в Ромён ходил, и в Синбирск-славный град, и в самую Москву-золотые маковки; ходил на Оку-кормилицу, и на Цну-голубку, и на Волгу-матушку, и много людей видал, добрых хрестьян, и в городах побывал честных... Ну вот, пошел бы я туда... и вот... и уж и... И не один я, грешный... много других хрестьян в лаптях ходят, по миру бродят, правды ищут... да! ...А то что дома-то, а? Справедливости в человеке нет,— вот оно что...»

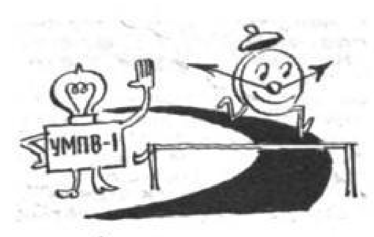
Поэт, мыслитель, искатель правды... И не выдумал этого Касьяна Тургенев, не мог выдумать. Наоборот: он не мог его не встретить. Множество тогда людей в лаптях ходили, правды искали...

Из цикла рассказов Франко о детях, автобиографичность которых — где в большей, а где в меньшей степени — не подлежит сомнению, один из самых очаровательных — «Маленький Мирон».

«Маленький Мирон — удивительный ребенок». Так начинает автор, так думают и соседи: «Какой-то не такой, как все дети». Да и сама мать Мирона в противоположность отцу, который считает весьма даровитым своего поздно появившегося на свет сынка, иногда называет его в сердцах «туманом восемнадцатым»...

Пытливость — главная черта маленького Мирона.

«— А чем это человек все видит? И небо, и

ров самых различных систем. Они контролируют быстроту работы релейных устройств, равномерность вращения валов моторов, точность хода часов и хронометров, течение реакций и физических явлений, полет ракеты — мало ли где применяются эти установки и приборы! Но правильны ли их показания, годны ли они для столь точных измерений? Ответ на этот вопрос могут дать в лаборатории времени и частоты. Вот почему с каждым днем все чаще вспыхивают на панели УМПВ-1 — нового электронного прибора — маленькие лампочки: установка экзаменует приборы, привезенные с заводов и институтов.

Но УМПВ-1 уже не удовлетворяет сотрудников лаборатории: появилась потребность измерять сотые доли микросекунды. Сейчас Д. П. Марковский, его помощники Е. М. Винников и Н. Н. Сарапкин заканчивают новый прибор.

А потом? Потом решение новой проблемы: надо овладеть еще более микроскопической единицей времени — наносекундой.

М. ВАСИН

ПЯТЬ С ПОЛОВИНОЙ ТЫСЯЧ ЛЕТ ДО НАШЕЙ ЭРЫ

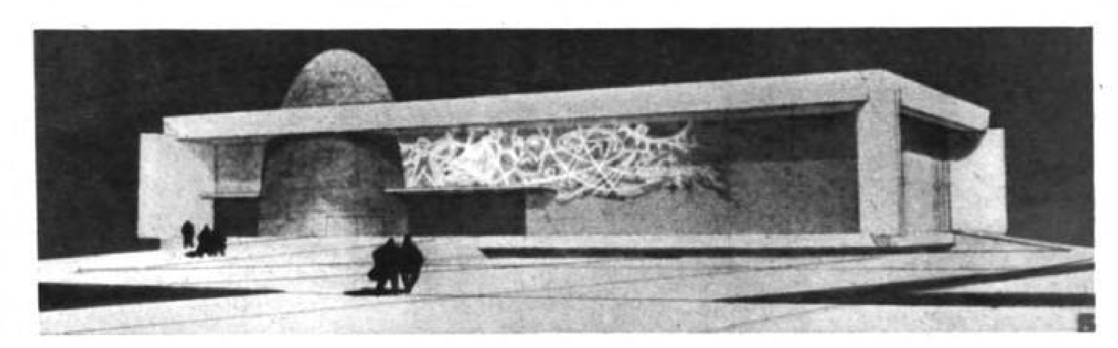
Английский археолог Меллари, проводя раскопки к югу от Анкары, обнаружил остатки строений древнего города Хасилар, который существовал 7 500 лет тому назад, то есть за 5 500 лет до нашей эры.

Это была неолитическая культура, предшествовавшая железному веку. Сельскохозяйственные инструменты все сделаны из дерева, камня, рога и кости. Население занималось земледелием, животноводством. Процветало кустарное производство и изобразительное искусство. Дома строились из дерева и кирпича. Некоторые были двухэтажными.

Раскопки Хасилара ставят под сомнение теорию о том, что наиболее древняя культура зародилась в Месопотамии.

И. РОБИН

Так представляют себе будущий музей авторы проекта «Калуга», удостоенного первой премии.

Фото М. Котельникова.

Космический музей

Калугу недаром называют городом Циолковского. Здесь решено создать музей достижений человека в освоении космического пространства.

В прошлом году Совет Министров РСФСР принял решение провести открытый конкурс на проект здания Государственного музея К. Э. Циолковского. Предполагается, что экспозиция музея будет состоять из двух разделов. Первый расскажет о жизни, педагогической и научной деятельности К. Э. Циолковского, второй — об осуществлении идей великого ученого в нашей стране, о подвигах советской науки и техники.

Сотни архитекторов и скульпторов, инженеров и художников приняли участие в этом интересном конкурсе, представив 224 проекта, среди которых много ярких и своеобразных работ.

Сейчас уже подведены итоги конкурса. Одиннадцать лучших проектов премированы. Первую премию получил проект, который был представлен под девизом «Калуга». Его авторы — архитекторы Б. Бархин, Н. Орлова, В. Строгий, К. Фомин при участии архитектора Л. Бабайцевой. Вторая премия присуждена проекту «Синяя формула». Третью получили авторы проекта «Золотой бизон».

Пройдет немного времени — и в Калуге будет воздвигнуто величественное здание музея Циолковского — музея покорения космоса.

Н. САЛАМАНОВ

Проект «Синяя формула».

землю, и отца с мамой?—возникает у него ни с того ни с сего такой вопрос.— Или чем слышит? Вон коршун кричит, куры кудахчут... Отчего это я все слышу?»

После нескольких опытов приходит Мирон к оригинальному выводу, что человек глазами видит, ушами слышит кудахтанье, а пальцами— шум... И до всего хочет он дойти маленькой своей головой, и чуть только задумается, кто-то уж шепчет: «Ну, сейчас какую-нибудь глупость выпалит...»

А глупости эти — свидетельство неспокойного, пытливого ума, доказательство одаренности мальчика...

«Что из него выйдет? Какой цветок разовьется из этой почки?» — спрашивает Франко в последней части рассказа. «Это предсказать нетрудно»,— отвечает он самому себе. Встречаются в наших селах довольно часто такие «удивительные явления», как маленький Мирон; горькая судьба уготована ему в обществе, которое его не понимает и не желает понимать.

«...выйдет из маленького Мирона плохой хозяин, или, еще того хуже, подавленная, но не уничтоженная живость и резвость характера толкнут его на злое, не дав развиться доброму; станет он забиякой, затем знахарем, верящим в собственные видения, и с чистым сердцем будет дурачить людей».

В последнем абзаце автор допускает мысль, что Мирону суждена иная доля, что он получит возможность учиться, и заканчивает так:

«В школе набросится ребенок на науку, будет упиваться ею, как больной свежим воздухом, а кончит тем, что, проникшись истинами науки, пожелает перенести их в жизнь. И станет маленький Мирон горячим проповедником этих истин, понесет их темным и обездоленным под родимые сельские крыши... Ну, и незавидна же будет его доля! Узнает он и стены тюремные, и всякие другие норы, муки и насилие людей над людьми, а кончит тем, что либо пропадет в нищете и одиночестве где-нибудь на глухом чердаке, либо вынесет из тюремных стен зародыш смертельного недуга, который преждевременно сведет его в могилу, либо, утратив веру в святую, высокую правду, начнет заливать тоску водкой до полного забвения. Бедный маленький Мирон!..»

Сколько таких бедных маленьких Миронов, о судьбе которых столь правдиво рассказано в этом, одном из самых лирических среди суровой прозы Франко рассказов, знало старое, дореволюционное человечество! Вспомним, кстати, что Иван Франко иногда подписывал свои произведения псевдонимом Мирон, что Мироном назвал он героя самой трагической своей поэмы — «Похороны»...

Маленьких Миронов с такой черной судьбою советское общество не знает. Если в дореволюционной жизни талантливый певец, художник, ученый «из народа» были исключениями, счастливым стечением счастливых обстоятельств, то у нас и в странах народной демократии основные и передовые ряды деятелей культуры и науки составляют именно выходцы из трудовых масс. Да и не выходцы, ибо ни на минуту не утрачивают они кровной связи с той средой, которая их вырастила! Если судьба Шаляпина или Неждановой (из простой учительницы — звезда мирового искусства!) казалась современникам удивительной, то людей с биографией дочери рабочего Литвиненко-Вольгемут или крестьянской дочери Оксаны Петрусенко на нашей сцене и не счесть... Современные маленькие Мироны не только имеют возможность учиться, доискиваясь, чем человек слышит, а чем видит,— да нет! — трудно даже придумать обстоятельства, при которых они б не учились. Перед народными художественными талантами, по тем или иным причинам не ставшими профессионалами, открылось широкое поле для их развития и цветения в том прекрасном движении, которое именуется самодеятельностью.

Это так. Но не будет новостью, если я напомню, что общество наше, сметя с лица земли насилие человека над человеком, искоренив даже следы социальной и национальной несправедливости, построив на своей земле социализм и приступив к строительству коммунизма, — общество наше еще не избавилось от некоторых болезненных и ядовитых проявлений буржуазного мышления и буржуазной психологии, бороться с которыми — почетная наша задача. Порядочно еще у нас иногда «чудаков» и «туманов восемнадцатых» среди людей, заслуживающих совершенно иного определения. Например, наблюдатели природы — люди, которые «неведомо для чего» заносят в свои записные книжки, когда прилетают ласточки, когда откликнется первый соловей, интересуются, имеют ли временную связь, скажем, цветение бузины или калины — и нерест линей... Научное название этих людей — фенологи, но признаемся: в жизни немного потешаются над ними, подобно тому, как односельчане потешались над «не таким, как все», Мироном...

Мне рассказывал один белорусский товарищ о девушке, которую корили в комсомольской организации за то, что она «занимается глупостями»: изучает жизнь мух... А впоследствии оказалось, что ее наблюдения над жизнью мух получили большое практическое значение.

Нужно искоренять у нас небрежное и неумное отношение к так называемым чудакам! За этим отношением кроется подчас нечто худшее. Нашлись же люди, что и Гаганову назвали чудачкой! Ну еще бы! Отказалась «от хорошего заработка» и решила помочь отстающим. Тут я вхожу уже в сферу моральную, и не только моральную. Не одного меня, конечно, поражает, что до сих пор встречаются у нас молодые люди — советские молодые люди,— которые уверены и стремятся убедить в этом других, что «главное в жизни — это деньги!» О таких молодых людях, кстати, читали мы в газетах. Неужели эти люди с психологией и мировоззрением худших людей прошлого не читали «Двенадцати стульев» и «Золотого теленка»? Неужели забыли, в каком трагическом положении очутился «сын турецкоподданного» Остап Бендер в советском обществе со своим бессмысленным миллионом?

Впрочем, «сыновей турецкоподданного» у нас становится все меньше, а талантливая молодежь растет, развивается, крепнет в согласии, в дружбе, в труде, в исканиях, в товарищеском соревновании... Нужно только присматриваться к ней, нужно любить, лелеять ее... Как огня следует бояться неосторожного, несерьезного и поверхностного отношения ко всему, что не «так, как у людей»... Нужно твердо помнить, что наш уверенный поход в коммунистическое общество—это и есть поход за полное раскрепощение творческой человеческой индивидуальности во всей ее красе и неповторимости.

Авторизованный перевод с украинского Татьяны Стах.

В один из летних дней.

Самый лучший!..

Не спалось. Тамара встала в шесть утра, надела спортивные брюки, кожанку мужа и вскоре вместе с подругами уже бродила в лесной чаще. Очень хотелось отыскать хотя бы один белый гриб, но тут нужен особый прицел. «Вот Герман,— думала она,— настоящий грибник, он обязательно нашел бы».

Попадались все больше сыроежки. Ведро быстро наполнялось. Обычно собираешь грибы и так увлекаешься этим, что все забываешь.

Но в это воскресное утро все было как-то иначе.

В памяти всплывало то одно, то другое. Как они вместе с Германом собирали здесь же грибы, как они встретились впервые, вспоминалась импровизированная свадьба в кругу друзей-летчиков. А после свадьбы Алтай: Герман привез ее к своим родителям.

Однажды он ушел с отцом Степаном Павловичем на необычную охоту — бороться с хомяками. Решили отогнать их подальше от деревни дымом. Подожгли степную траву. И вдруг Степан Павлович забыл об «охоте» и начал быстро набрасывать на холсте картину: костер, лепешки, которые жарились на нем, стелющийся по земле дым...

Герман, не отрываясь, следил за отцом. Он всегда восхищался неожиданными приливами творческой энергии Степана Павловича. Картина получалась интересная, необычная. Но вдруг отец отложил походный мольберт и подбежал к костру. Увы, было поздно: лепешки превратились в черные угольки, мирно тлели старые фуфайки, те самые, в которых они когда-то бродили по лесам, катались на лыжах, помогали колхозникам в ночном.

...Вспомнились Сочи. Они были там недавно. Герман впервые видел Черное море. «Очень здорово! — говорил он. — А Сибирь лучше. Ни на какие края не променяю Сибирь!»

Подруги, родные сначала часто спрашивали ее: «Ну как семейная жизнь? Ты счастлива, Тамарочка?» Ответ всегда был один:

— Он у меня самый лучший!

Долгими зимними вечерами Герман и Тамара сидели за столом. Ей не удалось окончить среднюю школу. И вот месяц за месяцем Герман вместе с ней повторял математику, физику, литературу за девятый и десятый классы.

Раньше она не понимала Маяковского. И тогда Герман для нее одной читал отрывки из поэмы «Ленин», «Стихи о советском паспорте». Читал раз, другой, третий...

Герман любил петь, умел быстро переключаться с серьезного на шутку, пересыпал свою речь поговорками, пословицами. В концертах художественной самодеятельности он и декламировал, и был конферансье, и участвовал в музыкально-литературных монтажах. Зал хохотал, когда Герман читал басни Крылова, Михалкова.

С ним никогда не было скучно. На речке начнет делать акробатические прыжки и свое любимое упражнение — бесконечные стойки на руках. Он прекрасный спортсмен. Гоночных велосипедов купил сразу два: себе и Тамаре. Еще в юношеские годы отец подарил ему велосипед. Было это так: Герман учился играть на пианино, но без особой охоты. Степан Павлович подметил это.

— Толку мало, если не хочешь,— сказал он сыну. — Попробую купить тебе велосипед. Но с условием: не просто катайся — технику осваивай. Сначала велосипед, а потом и другие машины полюбишь.

С тех пор Герман увлекся техникой. Всегда сам ремонтировал велосипед, радиоприемник, любил слесарничать.

Тамара уже не ищет грибы, просто медленно идет по лесу. Предчувствие чего-то значительного с каждой минутой все больше охватывает ее.

Вернулась домой. Слушала по радио «Пионерскую зорьку», концерт русской музыки.

И вдруг зазвучали знакомые позывные Страны Советов. Вихрем ворвалось сообщение:

— Летчик-космонавт Герман Степанович Титов пилотирует спутник Земли — космический корабль «Восток-2».

Тамару бросились поздравлять, обнимать, целовать. Пришла Валя Гагарина с дочками.

Тамара, конечно, волновалась. Но это было ни с чем не схожее волнение. Никому из присутствующих даже не приходило в голову успокаивать ее. Ведь это было волнение гордое, радостное: самый близкий тебе человек сейчас очень далеко от Земли, и в то же время он стал близок всем людям планеты. Стал им знаком, дорог, нужен.

— Каков он? Расскажите о муже,— прошу я Тамару еще, еще и еще.

Она достает из белой маленькой сумки, которую Герман подарил ей перед отъездом, его фотографию. На снимке Герман заразительно смеется.

— Да вы его, вероятно, видели в фильме «Первый рейс к звездам», только не знали, что это мой Герман. Помните, на экране из сурдобарокамеры появляется человек с бородкой? Это и был он — космонавт-два. Я и сама первый раз видела его тогда с бородкой.

Но я-то чаще вспоминаю его другим — совсем юным, в лейтенантских погонах. Двадцать два года ему было. Меня поразила его удивительная серьезность. Фантастически требователен был Герман к себе и другим. Бывало, все идет у него гладко, нормально, а он недоволен. Анализирует, отыскивает какие-то недочеты, промахи.

Паузы между сообщениями ТАСС заполняет музыка.

— Наверное, он там слышит эти передачи, как и Гагарин, — замечает Тамара. — Жаль, не знают на студии, что любимые композиторы Германа — Глинка и Чайковский.

Осматриваю библиотеку Титовых. Вперемежку стоят классики и современные писатели. Оказывается, у Германа вошло в привычку читать попеременно то старых писателей, то современных.

— Лучше все познавать в сравнении,— любит говорить Герман Степанович.

Потом все услышали, что в корабле космонавт сделал физзарядку.

— Неужели свои любимые стойки на руках? — улыбается жена.

А когда сообщили, что Герман уже пообедал, то Тамара, как любая жена, тихонько промолвила:

— Эх, грибков бы ему сейчас отведать моих...

Она склонилась над ученической тетрадкой и записывает маршрут полета. Каштановый непокорный локон мешает ей, падает на лоб, она отбрасывает его и погружается целиком в передачу, не замечая никого вокруг.

Голос диктора радует всех: космонавт чувствует себя отлично. Но жена не скрывает своего беспокойства:

— Как ему там, наверное, трудно. Успокоюсь окончательно, когда объявят о приземлении. Как это будет чудесно, когда он вернется! Ему говорили после полета Юрия Гагарина: берегите силы, на вашу долю выпадет еще более сложное путешествие. А он был в восторге от рейса своего друга и повторял: «Всем нам хватит космоса. Пусть потягаются с нами американцы».

...На следующее утро Тамара проснулась еще раньше, чем накануне. Ждала приземления удивительно спокойно.

— Он глубоко верил в успех,— говорила она. — И я глубоко верю.

И вот долгожданная посадка совершена. Тамара, словно маленькая девочка, чуть не прыгает от радости, а потом выходит из дому и идет к лесу. Мы прощаемся, желаем Тамаре и Герману побыстрее встретиться, желаем большого счастья — счастья, достойного их.

В. ПЕТРУСЕНКО

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ!

О сердца современников, нету вам роздыха:
Вы от подвига бьетесь до нового подвига.
То парите мечтой, то ракетой взвиваетесь.
Пусть потомки потом умирают от зависти,
Узнавая, как ныне дорогой нетореной
Мы вели за собой к Коммунизму Историю,
Как с войною и злом совладали, чтоб вывести
Человечество в праздничный мир справедливости.
О сердца современников, нету вам роздыха:
Наступила пора беспрерывного подвига.
Пусть за самыми смелыми, самыми первыми
Мчатся новые Юрии, новые Германы,
Все туманности выяснят,
звезды исследуют...
Это — только начало.
Продолжение следует!

Мих. ВЛАДИМОВ

О. МИХАЙЛОВ
Фото Я. РЮМКИНА.

Герои иркутской книги

Эта книга написана языком самым строгим. Ее стиль совершенно лишен словесных завитушек. Более того: тут нет ни одного красочного эпитета, ни одного глагола и прилагательного. Тут лишь имена и фамилии.

Но эта книга читается, как живой рассказ. Она создается самими героями, ее действующими лицами. Они пришли на эти страницы из жизни, принеся с собой жаркое дыхание сегодняшнего дня.

Она называется так: «Книга трудовой доблести и народной славы». Ее задумали в Иркутске городской комитет партии и исполком городского Совета депутатов трудящихся. Она пишется в честь XXII съезда КПСС.

Еще не все страницы заполнены. Еще много славных строчек будет вписано сюда. А когда этот объемистый том подойдет к концу, внизу, на последней страничке, поставят: «Продолжение следует». И новые имена войдут в летопись Иркутска — славного русского города, который в этом году отпраздновал свое 300-летие.

Мы хотим языком фотографии рассказать о героях книги, показать их в жизни. Вот они, знакомьтесь...

Сергея Петровича Сергеева (в центре) мы увидели с чертежами танкера в руках: он обсуждал со своими товарищами по бригаде А. Муратовым и Ю. Кононенко план работы на день. Тактика действий у них одна: опережать график. Раз уж бригаде присвоили звание коммунистической, надо держать марку высоко!

Сергеев
Сергей Петрович
бригадир бригады коммунистического труда судосборщиков ремонтно-эксплуатационной базы флота

Из далекого села Тангуй вышел в большую жизнь бурят Иннокентий Егоров. Его судьба сложилась просто и ясно. Учился в школе, потом в институте — Иркутском горнометаллургическом. Работал геологом в Бурятской АССР и в Читинской области. А с 1958 года — в Иркутском геологическом управлении. Тут вступил в Коммунистическую партию. Сейчас под руководством Иннокентия Егорова, главного геолога Белозиминской экспедиции, ведутся очень важные работы — разведка агроруд. Это должно обеспечить всю Сибирь прекрасными удобрениями на многие десятилетия.

Тяжелы бывают пешие маршруты геологов, но не устают они в поиске!

Егоров
Иннокентий Игнатьевич
Главный геолог Белозиминской экспедиции

Блажиевская
Елизавета Александровна

Елизавета Александровна Блажиевская, врач городской клинической больницы, пользуется у своих пациентов непререкаемым авторитетом. И, вероятно, поэтому так хорошо вылечиваются болезни: ведь вера в искусство врача — половина успеха.

У Елизаветы Александровны есть причины испытывать профессиональную гордость: на ее участке, например, уже четыре года нет ни одного случая инфекционного заболевания.

Алетин
Анатолий Яковлевич

Анатолий Яковлевич Алетин, можно считать, половину своей жизни провел в воздухе. В самом деле, попробуйте сделать расчет, сколько времени нужно, чтобы налетать четыре миллиона километров. Да учтите при этом, что двадцать лет назад, когда Алетин впервые поднялся в небо, скорости самолетов были совсем небольшие.

Сейчас Анатолий Яковлевич, пилот первого класса, командир подразделения реактивных самолетов Гражданского воздушного флота, водит воздушные лайнеры на пассажирских линиях, пролегающих через Иркутск на восток и на запад.

Савельева
Элеонора Владимировна
повар столовой завода „Автотрактородеталь"

Если подходить к вопросу строго формально, то Элеонора Савельева не имеет никакого отношения к продукции, выпускаемой заводом «Автотрактородеталь». Она всего лишь старший повар столовой при заводе.

Но кто сказал, что отменно вкусный борщ не влияет на состояние духа?! Повар Савельева плохо не накормит, и мы будем недалеки от истины, если скажем: ее руки тоже участвуют в выпуске заводской продукции.

Витязев
Геннадий Александрович

Геннадий Александрович Витязев совсем недавно учил своего внука ходить. Теперь, так сказать, можно пожинать плоды: приятно прогуляться вдвоем под сенью деревьев.

Геннадий Александрович — шофер, водит автобус, возит пассажиров. Много людей его знают, и все, кто знает, любят и уважают. Он коммунист с 1940 года.

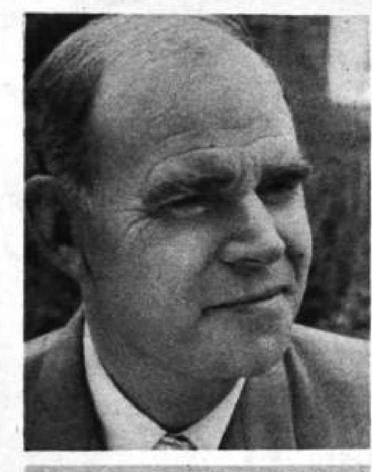

Профессора Михаила Михайловича Кожова, заведующего кафедрой Иркутского университета, коренного иркутянина, знают во многих странах мира. Всю свою сознательную жизнь он посвятил изучению Байкала и его фауны. Он доктор биологических наук. Его специальность — лимнология, а по-русски — озероведение. Труд Михаила Михайловича «Моллюски озера Байкал» — большой вклад в науку. Михаил Михайлович — член Международного объединения лимнологов.

Всех, кто с ним общается — по совместной ли работе, или просто по праву знакомства,— Михаил Михайлович заражает душевностью и жизнерадостностью.

Стало уже привычным делом, что все делегации, посещающие Иркутск, обязательно хотят побывать на Байкале, на лимнологической станции АН СССР, где ведут работы профессор Кожов и его коллеги.

Вот и мы застали у Михаила Михайловича гостей: с живейшим интересом внимали ему друзья из Кореи.

Лепендин
Тимофей Федорович
директор завода ЖБИ треста
Востсибэлектрострой

Кожов
Михаил Михайлович
[illegible]

Директору завода железобетонных изделий треста «Востсибэлектрострой» члену партии с 1938 года Тимофею Федоровичу Лепендину 62 года. Вот строки из его биографии.

С 1922 по 1927 год — старший техник и мастер на строительстве первенца советского гидростроения — Волховской ГЭС.

С 1927 по 1934 год — на строительстве Днепровской ГЭС.

С 1934 по 1937 год — на Волгострое.

С 1937 по 1941 год — начальник участка на сооружении москворецких мостов.

С 1941 по 1946 год — начальник участка Аргазинстрой.

С 1946 по 1950 год — начальник участка на строительстве Краснополянской ГЭС.

С 1950 года по настоящее время — на Иркутской ГЭС.

Кажется, довольно и этого: о человеке лучше всего говорит его труд.

Орденами Ленина и Трудового Красного Знамени награжден Тимофей Федорович Лепендин.

Волков
Аркадий Иванович
главный инженер Кожевенного завода

В 1930 году в химическую лабораторию Иркутского кожевенного завода пришел работать лаборантом только что окончивший Иркутский университет молодой человек — Аркадий Волков.

Теперь Аркадий Иванович — главный инженер завода.

Прозаично выглядит такой факт: если в 1958 году завод выпустил 1 923 тонны кожаных товаров, то в 1960 году — 2 253 тонны. Но вот другая перекличка чисел: в 1961 году завод работает по плану 1965 года — последнего в семилетке. Отличная проза жизни!

Озолина
Елизавета Карловна
учительница начальных классов средней шк. № 17

Что сказать о Елизавете Карловне Озолиной? Что сказать о человеке, тридцать лет подряд ровно, честно, прямо шагающем по пути, который выбран был еще в пору юности? Она учительница.

Сейчас лето, и занятий в школах нет. Но все равно учительница и ученики видятся часто. Вот пришли двое к Елизавете Карловне домой. В четвертом классе они начнут изучать родной язык, хотят взять учебник: не мешает познакомиться заранее...

Плотник Иван Кузьмич Поздеев, что бы ни строил, все делает прочно, красиво. Вот уже тридцать первый год Иван Кузьмич ходит по лесам иркутских новостроек.

Сорок два человека в плотницкой бригаде Ивана Кузьмича. И народ подобрался под стать вожаку. Не подведут, не уронят высокого звания ударников коммунистического труда!

Поздеев
Иван Кузьмич
[illegible]

Болота — дело прошлое

И все они — Евы.

В особенности РКП отстаивает: ...широко проведенную систему мелиорации.

Программа, принятая на VIII съезде партии.

Цели и свершения

Н. ТАРАСЕНКОВА

Фото Б. КУЗЬМИНА.

Белоруссия. Колхоз «Красная смена». Вместе с председателем Кузьмой Ивановичем Шаплыко колесим мы на «газике» по колхозным дорогам.

Шаплыко когда-то был в том колхозе шофером. А с 1944 года стал руководителем сельхозартели. И вот бессменно, по сей день. Здесь выбрали его в депутаты Верховного Совета СССР. Здесь получил Звезду Героя.

Человек он неразговорчивый. Отвечает на вопросы односложно. И как будто все время хочет сказать: «Не до этого мне сейчас. Дела...»

И вдруг оживился:

— Вы просили показать красивые места в колхозе? Останови, Леонид.

Мы вышли из машины. Все было очень обыкновенно. Маленькая речушка. Утята идут вереницей. И ровные поля зеленых всходов. Они такие ровные и такие просторные, что, кажется, где-то далеко врезаются в небо.

— Вот она, красота, и есть! — проговорил Шаплыко.

Он, видимо, заметил недоумение на наших лицах, заговорил горячо и торопливо:

— Здесь же болота были еще в пятьдесят седьмом году, непроходимые болота...

...Огромны поля колхоза «Красная смена», Любаньского района. Если объехать колхоз по окружности — будет сто сорок километров, не меньше. Говорят, в Любаньском районе были такие глухие места, что люди выезжали оттуда только зимой, по морозцу.

И вот на тех просторах, где были болота,— теперь хлеба и высокая, сочная тимофеевка. И асфальтированная, ровная, как стрела, дорога. Дорога там, где раньше никакая б машина не рискнула проехать.

...Мы побывали в тех местах, где остались болота. И где усердно работал экскаватор. Они последние в этом колхозе.

— Сейчас по всей Белоруссии идет огромное наступление на болота. А у нас в колхозе этап этот почти пройден,— сказал Шаплыко.— Познакомьтесь лучше с нашими девчонками из деревни Орлёво. Болота — дело прошлое. А настоящее — это земля и тот, кто на ней хозяйничает.

— А чем знамениты девчонки?

— Ничем. Просто пришли на ферму, когда рабочие руки нужны были позарез.

...Вот они, девчонки из Орлёва. Окликнули одну из них: «Ева!»... А обернулись почти все. Очень популярно в этой деревне имя Ева.

Что рассказать о них? Какая у них биография? Еще никакой. О таких говорят: «У них еще все впереди».

Все они учились в школе, в разных классах. И ушли из школы на ферму, не сговариваясь. Так всегда бывает: одного достиг, и сразу возникает тысяча новых дел. Не для того же отвоевывали у болот землю, чтобы хозяйничали на ней одуванчики. Пусть колосится пшеница и коров побольше будет.

Не так-то все было просто. Может быть, кто-нибудь из девчонок не один раз спросил себя: «Зачем ушла из школы?» Может быть, Ева Галай жалела, что не поступила в пищевой техникум? Окончила она десять классов. Куда идти? Подружки решили — в пищевой. Она и не думала раньше об этом техникуме, но раз подружки...

Но она пошла на ферму. Девчонки не жаловались и не говорили об этом друг с другом. Они были всегда веселые. Веселые и певучие.

...Утро. Кричит петух на заре. Надрывается. Еще очень рано. Только доярки уже встают. Надо идти на дойку. Девчонки домой пришли часа три тому назад. В клуб на центральную усадьбу, в кино и на танцы ходили. А до клуба километра четыре, если не больше. Новый клуб уже построили в Орлёве. Вот-вот распахнутся двери... Хочешь не хочешь, а вставать надо. Коровы любят режим и точность.

Девчонки часто собираются на ферме, говорят и спорят: как повысить удой молока? Мало иметь опытные руки доярки. Надо хорошо вычистить стойла. Хорошо и вовремя накормить коров. И точно по часам начать дойку. У каждой из них по десять коров.

...На вторую дойку девчонки едут на велосипедах, обгоняя повозку с бидонами, по кочкам и бездорожью несутся в лес. А там на лужайке посидят минут пять — десять, попоют, посмеются... Но вот два часа. Подъем. Дойка. И сразу же другими становятся они: серьезными и озабоченными.

Ева Веремейчик — учетчица. К ней несут доярки полные ведра молока, выливают в бидоны. Очень озабочены девчонки в момент дойки. Они и после дойки не сразу уходят, стоят и спорят, взволнованные и разгоряченные. Почему вчера было больше надоено молока, чем сегодня, в чем причина? Советуются с заведующим фермой Григорием Антоновичем Петровичем.

...Обратно лошадь идет тише. Бидоны полные. А девчонки несутся на велосипедах, не разбирая дороги.

На осушенной земле.

← «Деревенский будильник».

↑ Последнее болото в колхозе «Красная смена». Такими были когда-то и эти земли. ↓

H E

ПРИКАЯННЫЕ

Артур МИЛЛЕР

Рисунки В. ГОРЯЕВА.

Глава седьмая

Они едут уже совсем по другим местам. Тут не растет даже полынь, кругом бесплодная, белая, солончаковая пустыня. Полдень.

Гай сидит за рулем, рядом с ним Розалин. Остальные — на заднем сиденье. Гвидо, запрокинув голову, пьет виски прямо из бутылки. Все немножко навеселе. Гвидо передает бутылку Розалин; она молча из нее отпивает и передает дальше Гаю, который, сделав маленький глоток, возвращает ее обратно. Гвидо не сводит мрачного взгляда с Розалин. Она полуоборачивается на сиденье, протягивает бутылку Пирсу; тот, выпив, ставит ее на колени, пристально всматривается в белесую пустыню за окном.

Резкий свет слепит им глаза и заставляет щуриться. Они едут уже давно. Машина перегоняет фургон с лошадьми, прицепленный к новенькому автомобилю, и, когда они проезжают мимо, Пирс высовывается из окна и машет ковбою в широкополой шляпе, который сидит за рулем. Потом обращается к Розалин, возобновляя беседу, которая было замерла.

Пирс. Руку эту я ломал дважды в одном и том же месте. Ежели притворяешься, будто падаешь, руку не сломаешь, дудки! Я никогда не притворяюсь. Некоторые валятся с лошади и лежат, как мертвые. Для фасону. Я вот никогда не фасоню, правда, Гай?

Гай. Что правда, то правда. Ты и есть дуралей нескладный, уж таким уродился.

Розалин. Что ты! Это замечательно... когда человек такой. (Пирсу.) Я вас понимаю. Я вот танцевала... в разных местах, и все мне говорили, что я сумасшедшая... Понимаете, а я старалась! Но люди не видят разницы.

Гвидо смотрит на нее лихорадочно блестящими глазами так, словно все его представления о ней то и дело рушатся.

— А что вы танцевали?

Розалин (смущенно). Да... то, что называют характерными танцами. В кабаре. Ну, вы знаете.

Пирс просовывает голову между ней и Гаем.

— Я один раз ходил в кабаре, в Канзас-сити. Называлось «Голая правда». И они не врали!

Он смеется, но тревога на ее лице портит ему веселье.

Гай воскликнул:

— Вот и доехали!

Все с интересом смотрят на открывшийся перед ними город. Впереди дорога плавно, постепенно сворачивает — она, как бетонная арка, висит над дном долины из белого гипса. В дальнем конце дороги виден ряд деревянных построек, а за ними горы, похожие на кучи шлака, черные, как сажа. Унылость этого пейзажа кажется отсюда почти сверхъестественной; непостижимо, как люди могли здесь поселиться. Нигде ни деревца, ни кустика, ни капли воды. По обе стороны простирается голая, белесая равнина, кое-где увлажненная пятнами сырости, оставшейся от весенних дождей. Но постепенно этот вид приобретает для вас какую-то особую, причудливую красоту. В нем такая цельность, уродство его так неприкрыто и вызывающе, что он начинает вас покорять своей откровенностью, прямотой, которая ничего не прячет и не стыдится,— это город, построенный возле железной дороги, чтобы отправлять гипс с ближнего завода.

Гай и Гвидо бывали здесь много раз на ежегодных родео; остальные — никогда. Шоссе выпрямляется, и показывается самый город. Молчание в машине нарушает Гай: он, смеясь, объясняет, что это последний открытый город на Западе. Тут нет полиции и, в сущности говоря, нет закона. Посторонних здесь не бывает, если не считать дня родео, а большинство обитателей состоит в таком тесном родстве, что само может решать свои споры. Гай говорит это с улыбкой, но, отнюдь не шутя, советует Розалин далеко от него не отходить. Тут тебе никто не поможет; может, все и пройдет гладко, но драки бывают: здесь до сих пор у пояса носят оружие, а иногда и пускают его в ход.

— Как в кино,— говорит Розалин; глаза ее широко раскрыты, в них блестят смешинки, но она не смеется —не от страха, а от нелепости того, о чем ей говорят, такой бессмысленной, что у нее даже есть своя логика, свои правила, губительный закон, — вот так можно погибнуть под велосипедом или быть убитой, когда едешь под венец. И вдруг неожиданно они видят, что город набит людьми — тут тысячи две народа. Он теснится на шоссе между железнодорожными путями и какими-то зданиями. Сквозь окна машины до них доносятся рев, гул, рокот толпы, заброшенной сюда за сотни миль от дома, прикованной по собственной воле к этому выжженному солнцем царству белой пыли.

Гай замедляет ход, чтобы объехать первых встречных, стоящих посреди шоссе, болтающих, заглядывающих к ним в окна. По обочине вытянулись машины — большей частью старая рухлядь, но есть и современные модели, запорошенные белой пылью. Дверца одной из них открывается, оттуда выскакивают девочка лет двенадцати и маленький мальчик; оба уверенно кидаются в густую толпу. На солнцепеке стоит старик с облупившейся кожей и жует табак, вглядываясь в проходящую машину. Она теперь попала в самую гущу толпы и еле движется.

Пирс вдруг высовывает голову из машины.

— Вон старый Руби! Эй, Руби! Как ты там? — Руби машет в ответ.— Эй, вон старик Берни! Как ты там, Берни?

Берни машет в ответ. Пирс втягивает голову в окно и просовывает ее между Гаем и Розалин.

— Эх, и лихие же здесь сегодня собрались наездники! Надеюсь, мне попадется хороший конь!

Гай. Ты только постарайся выйти из этого дела живым, не забудь: завтра нам ехать за мустангами!

Розалин смотрит на лицо Пирса — оно теперь совсем рядом, его глаза горят жаждой славы. У нее пробуждается к нему новое чувство: какая-то жалость, личная заинтересованность в его победе.

Он отдергивает голову назад, чтобы через секунду снова закричать в окно:

— Вон Франклин! Эй, Франклин, друг милый!

Машина въезжает в самое сердце толпы.

Здесь много ковбоев в рабочих костюмах и много ковбоев в тесно облегающих рубашках и штанах, которые они повидали в кинофильмах. Много тут и детей, наряженных, как взрослые. Есть тут и фермеры в комбинезонах и женщины, одетые по-праздничному. Какой-то ковбой пытается вывести лошадь задом из небольшого прицепного фургона прямо в гущу толпы; идут три девочки лет по пятнадцати, позади — кучка ковбоев, которые к ним пристают; мать, протискиваясь сквозь толпу, крепко держит за руку свою молоденькую дочку; два очень грузных блюстителя порядка с огромными кольтами на ляжках раскачивают «кадиллак», пытаясь освободить его бампер от ветхого «пикапа», который прицепился к нему сзади. В «пикапе» сидит компания ребятишек, у руля — фермер. В «кадиллаке» с опущенным верхом три завсегдатая скачек и хористочка подпрыгивают вверх и вниз, стараясь сохранить достоинство и не уронить свои темные очки.

Рев толпы и машин перекрывает какофония звуков: каждый бар запустил свою радиолу, и разноголосый джаз гремит по улице вовсю; пластинка сменяет пластинку по мере того, как машина продвигается от одного бара к другому. Громовой голос из соседнего репродуктора возвещает что-то неразборчивое; потом слышен вой толпы, как на стадионе,— в конце улицы находится арена, где идут состязания ковбоев — родео.

Розалин вдруг оборачивается, чтобы разглядеть какого-то индейца: он стоит, как изваяние, а толпа обтекает его с обеих сторон. Он глядит на что-то вдаль, а может быть, в никуда, зажав под мышкой узелок с одеждой.

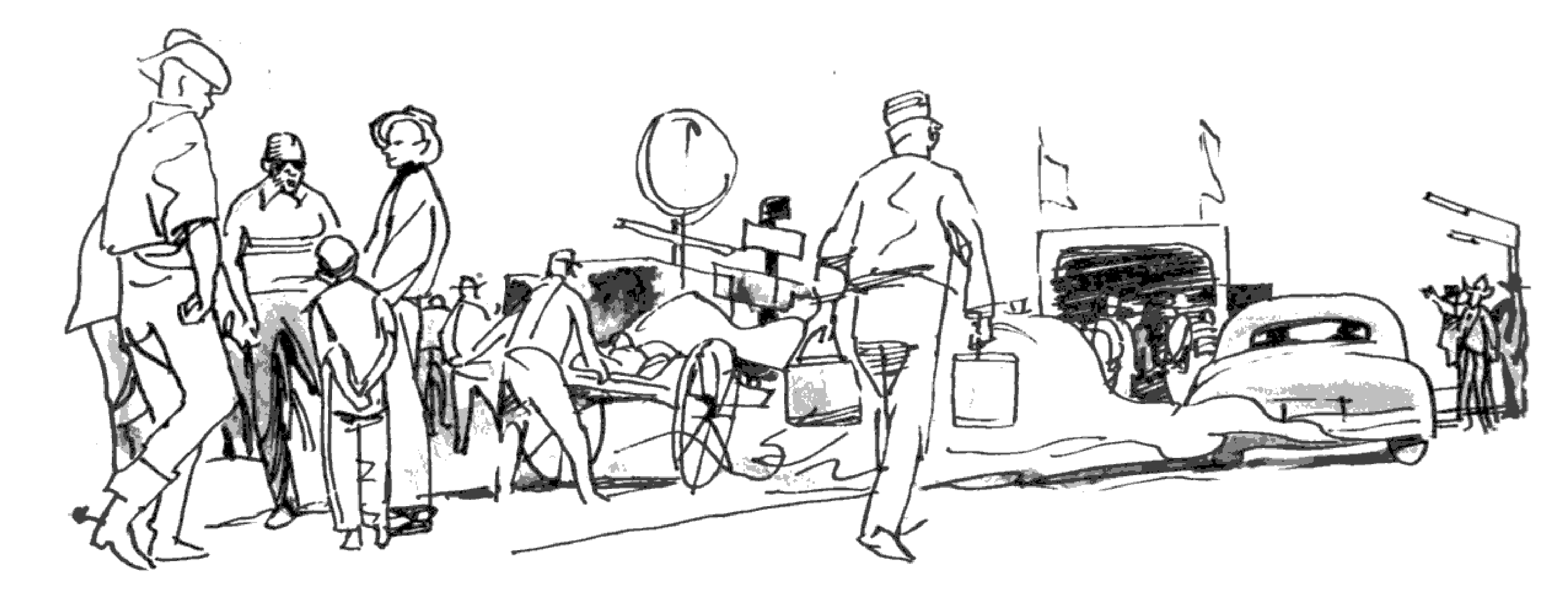
Гай выводит машину налево, расталкивая людской поток ее крылом, и останавливается перед одним из баров. Он берет Розалин за руку и выводит ее из машины; все четверо, расталкивая наседающую толпу руками, кое-как протискиваются в бар. На переднем сиденье остается собака, она спокойно озирается вокруг, переводя взгляд с одного знакомого лица на другое. Из двери выходит старик, замечает собаку и подходит к машине. Она смотрит на него. Глаза у него мутные, грудь рубахи залита табачным соком, нос густо усеян угрями. Он сует руку в карман и вытаскивает оттуда горсть монет, пересыпанных белой гипсовой пылью. Он швыряет двадцать пять центов собаке, и та, сопя, обнюхивает монету, смотрит на старика с недоумением. Тот, подмигнув ей, скрывается в толпе, унося свою тайну.

Звон денег заставляет людей обернуться; сквозь толпу пробирается симпатичная старушка, яростно потрясая ящичком для сбора пожертвований; ящичек набит монетами. На седых волосах ее криво сидит старомодная шляпка, а парчовое платье достает до щиколоток. Из горла у нее вырывается малопонятный щебет, и она кокетливо улыбается, поглядывая на толпу сердитыми старческими глазами. Потянув дверь, она протискивается в бар.

Бар около пятидесяти шагов в длину. Посетители заполняют весь зал и заказывают напитки через головы стоящих впереди. Кажется, что огромный паук шевелит сотней лап, перенося по воздуху полные стаканы и обратно к стойке бара — пустые. Две радиолы передают одновременно разные пластинки, истошно орет телевизор, подмигивая глазком экрана. У стойки из красного дерева лицом к толпе стоят пять барменов, они подают напитки и получают деньги, угрюмо поглядывая по сторонам, не покушается ли кто-нибудь на пирамиду бутылок у них за спиной. Над ними отраженная в зеркальной стене голова лося мрачно взирает на эту картину сквозь облако табачного дыма. Под ней на веревочке висит плакат: «Не стреляйте в этого лося, он уже мертв»,— но внимательный глаз может заме-

---

Продолжение. См. «Огонек» №№ 31—33.

тить дырки от пуль, выпустивших из лося уже не кровь, а опилки.

Старушка подбирается к стойке, где стоит ковбой с девушкой, и трясет своим ящичком перед изумленными глазами.

Старушка. Дамский церковный комитет, Том.

— Понятно.— Он опускает монету в ящик для пожертвований.

Старушка оборачивается к девушке:

— Ну, а ты, грешница?

— Ах, мамаша, у меня еще нет денег.

Старушка трясет ящик перед носом следующей жертвы.

— А ну-ка, Франк! На дамский церковный комитет!

— Вы меня уже поймали в соседнем баре!

— Научишься не прыгать, как блоха. Ну давай!

Он со стоном опускает деньги в ящик.

Розалин, Гай, Пирс, Изабелла и Гвидо, держа в руках бокалы, которые им с трудом удается поднести к губам в этой тесноте, стоят посреди оглушающего гомона, словно в вагоне подземки. Лохматый старик с ослепительно серебряными волосами проталкивается через толпу и ставит на стойку семилетнего мальчугана. Придерживая ребенка за коленки, старик объясняет Гаю:

— Приходится держать его силком, не то еще удерет в школу!

Гай сочувственно кивает, на лице старика пьяная улыбка.

— Эх, Коз, немного же нас осталось!

— Да, дела теперь повсюду дрянь, папаша.

Старик орет бармену:

— А ну-ка, Лестер, налей моему внучонку шипучки! — Он настроен по-праздничному и, взяв у мальчика бильбоке, говорит Гаю:—Ты когда-нибудь видал эту штуку? Чертова ерунда! Никак с ней не сладишь! А ну, посторонись!

И с этими словами он начинает подбрасывать и ловить увертливый шарик, а люди вокруг закрывают руками лицо от его беспорядочных взмахов. Бармены настораживаются.

Розалин кое-как удалось высвободить руку, чтобы поднести ко рту бокал; она поспешно пьет и кричит:

— Эй, я умею это делать! Хотите, попробую?

Старик, чувствуя, что будет потеха, сразу же отдает ей игрушку.

— Бьюсь об заклад на два доллара, что ты не поймаешь и десяти раз!

Пирс. Принимаем! А ну-ка, покажите ему, Роз!

Розалин раскручивает резинку.

— Положим, я смогу больше десяти. Надеюсь, что больше!

Оттесняя спиной толпу, старик расставляет руки.

— Посторонись, посторонись, у нас тут идет пари.

Это известие каким-то чудом оттесняет толпу к стене, и вокруг Розалин образуется свободное место. Она начинает подбрасывать и ловить шарик и делает это хорошо. В одной руке у нее все еще стакан с виски. Пирс считает удары, держа в руке два доллара. Когда счет доходит до шести, какой-то ковбой кричит Пирсу:

— Пять монет, что она не дойдет до пятнадцати!

Пирс, кивнув, продолжает считать:

— Девять, десять, одиннадцать...

Пирс протягивает руку к изумленному старику, и тот кладет в нее два доллара.

Второй ковбой. Десять долларов, что она не поймает двадцать раз!

Пирс. Тринадцать, четырнадцать, пятнадцать, шестнадцать, семнадцать, восемнадцать, девятнадцать, двадцать, двадцать один, два, три, четыре, пять, шесть...— Пирс забирает деньги у обоих ковбоев, продолжая считать.

Со всех сторон зала голоса выкрикивают новые пари и со всех концов передают деньги.

— Десять с меня!

— Пять!

— И я ставлю пять!

— С меня пятнадцать!

Розалин теперь кидает и ловит шарик уже не шутя, в то же время потягивая свое виски. Она начинает пьянеть, и ей все труднее рассчитывать движения. Изабелла считает вслух вместе с Пирсом. Она поднимает стакан, отхлебывает и смотрит на него с отвращением. Видит рядом бутылку виски, наливает оттуда себе в стакан, пьет и ставит стакан на стойку. Рядом с ней сидит малыш и самозабвенно смотрит на то, что Розалин проделывает с его шариком; он поднимает свой стакан с шипучкой, в который Изабелла нечаянно долила виски, пьет, удивлен тем, какое это производит на него действие, и снова пьет.

Толпа хором выкрикивает счет Розалин. Маленькая старушка пытается пробиться сквозь строй, окружающий Розалин, но ей с трудом удается заглянуть через чье-то плечо, и она видит все увеличивающуюся пачку денег в руке Пирса. Жадность придает ей новые силы, и она проталкивается к Пирсу, который выкрикивает:

— Тридцать шесть, тридцать семь, тридцать восемь, тридцать девять, сорок! Сорок один, сорок два...

Вдруг Розалин начинает бросать шарик об пол и подхватывать его на лету. В ответ на это в зале раздается восторженный гул. Даже бармены вытянули головы и встали на цыпочки, чтобы получше видеть.

— Десять долларов, что она не дойдет до семидесяти!

Пирс кивает, берет деньги, не сбиваясь со счета:

— Пятьдесят четыре, пятьдесят пять...

Второй ковбой внезапно выходит вперед и похлопывает Розалин пониже спины. Гвидо, стоящий рядом с Гаем, поднимает глаза и видит, что Гай слегка раздражен. Гай обводит взглядом лица в толпе. Все глаза словно раздевают Розалин. Гвидо разражается смехом.

— Ну, эта все может! — И Гай видит у Гвидо выражение той же похоти, что и у других.

В баре раздается рев.

Теперь она ловит шарик у себя за спиной и одновременно пьет. Рядом с ней Пирс продолжает свой счет; увлеченный, молодой, он словно одно с Розалин и подзадоривает ее своими выкриками. Старушка подскакивает вплотную к Розалин и кричит ей в ухо, тряся своим ящиком:

— Бей во славу Создателя! Крепись, грешница!

Розалин (в испуге). Прошу вас...

Старушка обращается к Пирсу, требуя деньги, зажатые у него в руке:

— Дай на добрые дела, парень, дай, пока на тебе есть божия благодать.

Пирс. Семьдесят один, семьдесят два... Заткнись... четыре, семьдесят пять...

Толпа криком приветствует новую победу. Розалин сейчас стоит почти рядом со вторым ковбоем, спиной к нему; он хватает ее сзади и принимается целовать. Гай кидается на него с поднятыми кулаками, но ковбоя оттаскивают. Два бармена перепрыгивают через стойку. Гвидо появляется рядом с Гаем и тянет его за рукав, схватив другой рукой Розалин, он тащит их обоих к двери.

Старик оборачивается к внуку, хочет снять его со стойки и замечает его осоловелый взгляд. Он берет из маленькой ручки недопитый стакан, нюхает его, пробует на вкус. Сперва сквозь хмель проникает недоумение, но сразу же старика обуревает жадность, и он канючит:

— Лестер! — (Он наклоняется к сонному личику ребенка.) — Где ты взял на это деньги?

На улице Гай вытаскивает Розалин из толпы в свободный проход между двумя машинами. За их спиной Пирс, Гвидо и Изабелла пересчитывают деньги в шляпе Пирса. Тронутая желанием Гая уберечь ее, Розалин берет в свои ладони его лицо.

— Прости, Гай! Я не хотела, чтобы это было так долго! Но спасибо, что ты меня вызволил. Тебе за меня стыдно?

Страх потерять ее, который он только что почувствовал, и вожделение других лишают его всякой осторожности:

— На тебе я бы женился!

Розалин с радостью, к которой примешивается грусть:

— О нет, Гай, тебе этого вовсе не надо. Но спасибо, что ты это сказал.

Их с жаром перебивает Пирс, позади которого стоит Гвидо:

— Сто сорок пять долларов! Ну и девушка! Такой еще мир не видывал!

С этими словами Пирс обхватывает ее рукой и сует ей пачку денег. В тот же миг из-под руки Пирса появляется старушка и трясет своим ящиком.

Изабелла. Не смейте трясти у меня под носом! Я уже расплатилась за свои грехи сломанной рукой.

Внезапно она видит кого-то в толпе, кричит: «Чарльз!» — и исчезает в людской сутолоке.

Старушка, тряся ящиком у самого лица Розалин, вперила в нее свой миссионерский взор.

— Грешница! Я вижу, ты хочешь сделать большое пожертвование. Я читаю это в твоих хорошеньких глазках. Ты жаждешь, чтобы тебя озарил небесный свет; я понимаю тебя и люблю за твой горестный, грешный путь. Отдай твои деньги той, кто тебя понимает, той, кто одна только и может тебя любить в бесплодной пустыне твоего бытия!

Сначала смеясь, потом негодуя, но все же прислушиваясь, потом даже слегка испуганная и почему-то захваченная безумным желанием старухи привести ее на путь благодати, Розалин собирается отдать ей всю пачку денег.

Но тут вмешивается Гай:

— Не так уж много она грешила! — Дает старухе бумажку. — Вот десятка... — Добавляет еще: — А вот еще десять, итого двадцать.

Старуха. Благодарение господу! Теперь мы построим ограду вокруг кладбища, чтобы эти ковбои не пасли своих лошадей на могилах. Душенька, ты помогла нашим покойничкам почивать в мире! Да спасет тебя бог!

Из толпы к Розалин бросается Изабелла:

— Ты подумай, кто здесь! Нет, деточка, ты только подумай, кто здесь!

— Кто?

— Мой муж. Глазам своим не поверила. Они в отпуске.

— А-а... Его жена тоже здесь?

— Ну да, Клара. Помнишь, я тебе рассказывала о Кларе? Она была моя лучшая подруга. Стала еще милее, чем раньше!

Гай. Наверно, раз вы ей так обрадовались.

— Ах, Чарльз все равно не смог бы со мной жить! Я как-то раз умудрилась потерять пылесос! — Мужчины разражаются хохотом, и она смеется вместе с ними, помахивая рукой своему бывшему мужу, который, видимо, стоит где-то в самой гуще толпы. — Они его до сих пор не нашли! Пойдем, я вас с ними познакомлю.

Гай их останавливает:

— Давайте, Изабелла, встретимся попозже. Нам ведь надо еще достать лошадь для этого молодого человека.

— Ладно, мы будем где-нибудь поблизости. Но я с вами за мустангами не поеду. Чарльз и Клара остаются на недельку у меня погостить. — Берет Пирса за руку, пожимает. — Желаю вам удачи, дружок! — Похлопав Розалин по руке, она исчезает в движущейся толпе, весело размахивая рукой. — До скорого, детка!

Сдавленные людским потоком, четверо движутся в конец улицы к арене родео. Пирс просовывает голову между Гаем и Розалин:

— Можно мне поцеловать ее на счастье?

— Один раз.

Пирс целует ее на ходу.

Гай оттаскивает его от Розалин.

— Зачем тебе столько счастья? Ладно, идем, тебе надо записаться.

Он уходит с Пирсом, улыбаясь через плечо Розалин. Она машет ему, когда он теряется в толпе.

Арена родео — это самодельный загон, окруженный переносной оградой из столбов и штакетника; вдоль одной стороны тянется трехъярусная открытая трибуна. В конце загона дощатый коридор, откуда выезжают всадники, и рядом с ним небольшая вышка для судьи. Арену окружает целое море автомашин. С трибуны видна только церковка, наклонившаяся в ту сторону, где вдали вздымаются отроги гор; ее дощатый крест перекосился от непогоды и принял форму буквы «Х».

Трибуны до отказа набиты людьми, толпа кольцом окружила ограду. Внутри этого кольца все время происходит какое-то брожение: люди ищут друг друга — отцы — дочерей, жены — мужей, парни — своих девушек, а одиночки, постоянно живущие высоко в горах, хотят просто потолкаться среди людей, ибо такая возможность не представится им опять целый год.

На арену выскакивает всадник. Судья на вышке с хронометром на толстой золотой цепочке в руке пьет прямо из бутылки, поглядывая то на часы, то на всадника. Участник соревнования едва удерживается на крупе черного коня, который скачет прямо к ограде, и толпа поспешно откатывается; на месте остается только индеец; он невозмутимо взирает на происходящее. Лошадь круто сворачивает в сторону, зрители снова придвигаются к ограде, индеец исчезает в толпе.

Розалин и Гвидо стоят на трибуне. Гвидо смотрит на арену довольно равнодушно. Розалин поглощена незнакомым ей зрелищем. Он, обернувшись, не сводит с нее глаз, жадно вглядываясь в линии ее лица, шеи, всего тела.

Вдруг толпа издает рев, и люди вокруг них приподнимаются со своих мест. На лице Розалин испуг. Наездник удирает из-под мелькающих копыт лошади.

— Господи, я и не подозревала, что это так опасно!

Гвидо говорит четко, словно желая сообщить ей о своих намерениях:

— Как и все, что стóит делать в жизни.

Она смотрит на него с удивлением. Но виски и солнце разрушают его стратегический замысел, и он только смотрит ей в глаза с тоскливым желанием. Она отворачивается и видит, как конюх подходит к лошади и отстегивает ремень.

— Что это он сделал?

— Специальный ремень. Подтягивает лошадь там, где ей это совсем не нравится. Они от этого становятся на дыбы.

— Ну, это нечестно!

Гвидо чуть было не засмеялся, но ее тон вовремя его остановил.

— Но тогда не для чего устраивать родео!

— Значит, не надо!

Зрители внезапно вскакивают и снова начинают реветь; встают и Розалин с Гвидо, но он смотрит не на арену, а на нее; она же следит за тем, как бьющая копытами в воздухе лошадь гонится за своим наездником и заставляет его перепрыгнуть через ограду. В нескольких ярдах от них Гай и Пирс, свесив ноги, сидят верхом на ограде. Гай разглядывает народ на трибунах.

— Надеюсь, ты трезвый.

Пирс, следя за взглядом Гая:

— Какого черта! Я брал призы, даже когда не мог сообразить, как называется город, где я нахожусь! — Видит Розалин на трибуне и машет ей: — Вон она!

Теперь ей машет и Гай; она машет в ответ своим пушистым свитером. Гвидо поднимает руку.

Пирс, радуясь, что она так сердечно его подбадривает, говорит Гаю:

— Я и не собираюсь ее у тебя отбивать... имей в виду! Разве что тебе это все равно...

Гай даже краснеет:

— Господи, конечно, мне это не все равно!

Оба смеются над этим нечаянным признанием своего соперничества. Гай дружески хлопает Пирса по спине, когда из загона у их ног выводят лошадь.

— Ну, я пошел. — С помощью Гая Пирс соскальзывает с барьера прямо на спину необъезженной лошади и поднимает глаза на Гая. — Мой адрес: Блэк Ривер...

Его прерывает голос из микрофона:

— На необъезженной лошади Пирс Хауленд из города Блэк Ривер, штат Вайоминг.

— Штат Калифорния, а не Вайоминг! — орет Пирс через плечо.

Один из ковбоев подтягивает ремень на брюхе у лошади. Лошадь бьет копытами по доскам загона.

Гай. Ты готов?

Пирс. Давай! Давай!

Гай. Открывайте!

Конюх отворяет ворота; лошадь выносит Пирса из загона. Толпа ревет. Пирс держится на спине у лошади. Лошадь отчаянно брыкается, взвивается на дыбы.

Гвидо оживился:

— А ну-ка, покажи им, парень!

Розалин, не отрываясь, смотрит на арену, она надеется на победу Пирса, но ей очень страшно, она смотрит, заткнув уши.

Судья пьет, держа в руке хронометр.

С ограды загона Гай поглядывает на трибуны, где стоит Розалин. Она следит за лошадью глазами, полными слез. Та сейчас совсем рядом, и на секунду Розалин может разглядеть оскаленное от напряжения, обращенное к небу лицо Пирса, которого высоко подкидывает лошадь.

Лошадь мечется и швыряет Пирса из стороны в сторону, подбрасывает его при каждом прыжке. Розалин кричит, словно она может этим спасти Пирса, зовет его по имени. Она с мольбой оборачивается к Гвидо. Тот бьет по воздуху кулаком, на лице его безумное возбуждение, какое-то животное торжество. Розалин потрясена и чувствует свое одиночество теперь, когда одна испытывает такой ужас. Она снова глядит на арену.

Вдруг из толпы поднимается рев, и Гай привстает на ограде; на лице у него веселое возбуждение, но он готовится бежать на выручку Пирсу. Лошадь наконец сбросила Пирса. Он упал ничком и замер.

Гай соскакивает с ограды и бежит к Пирсу. Гвидо проталкивается вниз по рядам трибуны на поле. Розалин так и осталась стоять на своей скамье, вытянув голову, чтобы хоть что-нибудь увидеть; глаза ее расширены, она плачет, лицо ее помертвело, будто ее ударили. Потом она начинает спускаться по рядам на поле.

Гай подбегает к Пирсу и старается поднять его на ноги. Подходит Гвидо, и они вдвоем тащат его к воротам в ограде; Гвидо нахлобучивает Пирсу на голову его шляпу.

Они выходят на стоянку автомобилей, и тут их нагоняет Розалин. Перед церковью стоит санитарная машина.

Розалин. Где доктор?

Пирс. Где моя шляпа, папаша?

Гай. У тебя на голове.

Пирс внезапно вырывается и орет на Розалин, схватившую его за руку.

— А ну, пусти, Фрида!

Гай подходит к нему, протягивая руку, чтобы его успокоить.

— Спокойно, парень, это не твоя сестра.

Пирс с недоумением глядит на Розалин. Та похолодела от страха. Но мужчины ведут его дальше. Они подходят к санитарной машине. Там стоит санитар, благодушно им улыбаясь.

— Ага, вижу, вы сковырнулись не с того конца лошади! — Держит голову Пирса, нажимая ему на скулы своими волосатыми лапами.

Розалин. Дайте ему сесть.

Сажает Пирса на пол санитарной машины. Санитар и не думает торопиться. Она смотрит на него с недоверием.

Розалин. Вы доктор?

Пирс пытается подняться.

— Не нужно мне доктора!

Санитар. Заткнись. Никакой я не доктор. Я просто тебя малость почищу.

Сажает Пирса на место, вытирает руки о штаны и лезет за чем-то в машину.

Розалин со все возрастающим чувством беспомощности:

— А разве здесь нет врача?

Санитар появляется, держа марлю и бутылку спирта.

Гай. Ни одного миль на шестьдесят в округе.

Гай наклоняется и внимательно разглядывает лицо Пирса, которое промывает санитар; потом он выпрямляется:

— Да он не очень покалечился.

— Почем ты знаешь? Давай отвезем его! — Розалин нагибается, чтобы поднять Пирса.— Поедемте со мной. Я вас свезу на моей машине.

Гай властно и не слишком таясь оттаскивает Розалин от Пирса.

— Ты только не вздумай тут распоряжаться, слышишь?

— Он же твой друг, правда? Ей-богу, ничего не понимаю.

Громкий крик заставляет ее повернуться к Пирсу: санитар наклеивает ему на нос пластырь. Пирс, сидя на полу санитарной машины, осторожно дотрагивается до своего носа. Гай нагибается к нему.

— Как ты себя чувствуешь, а, Пирс?

Пирс испускает страдальческий вздох и продолжает ощупывать свой нос.

— Пирс, тебе плохо?

Пирс моргает и, все еще не совсем придя в себя, поднимает глаза на Гая:

— Скажи, а я досидел до свистка?

— Почти. Но ты был молодцом.

— Уж больно отчаянная попалась мне лошадь, видал?

— Просто убийца. Но ты был молодцом.

Пирс хочет встать на ноги, но падает на колени и упирается руками в землю. Розалин поспешно нагибается, чтобы его поднять.

Гай. Оставь его в покое, Роз, он сейчас встанет.

Отводит ее от Пирса, который с минуту стоит на четвереньках, чтобы перевести дух.

В полнейшем ужасе, ничего не понимая, Розалин, как потерянная, смотрит на Пирса. Он с большим трудом встает на ноги. Гвидо отдает ему шляпу, которая опять свалилась у него с головы. Слышен нечленораздельный шум громкоговорителя.

Пирс. А-а... Это меня?

Гай. Еще нет. У тебя еще есть минута-другая.

Розалин. Зачем?

— Ему надо скакать на быке. А ну-ка, Пирс, пойдем, тебе лучше немножко размяться.

Гай закидывает руку Пирса себе на шею и ведет его по проходу между машинами. Пирс ходит еще не очень твердо, но уже держится увереннее. Они медленно прогуливаются в этом стальном лесу.

Розалин. Но, Гвидо, не пойдет же он туда опять!

Гвидо, не очень убежденно отстаивая мужскую честь:

— Видно, ему хочется попытать счастье на быке.

— Но ведь...— Растерянная Розалин подбегает к Гаю и Пирсу и идет с ними рядом.

— Пусть разомнет ноги, Роз, не мешай,— говорит Гай, отстраняя ее от Пирса.

Ей трудно протискиваться между машинами с ними рядом; иногда, натолкнувшись на крыло или радиатор, она вынуждена идти сзади.

— Пирс, зачем вам все это надо? Послушайте, возьмите лучше то, что мы выиграли в баре! — Дергая замок у сумки, чтобы вытащить из нее деньги, она старается не отстать от мужчин.— Вы ведь помогли мне выиграть, берите их, пожалуйста! Смотрите, тут больше ста долларов! Вам незачем туда идти!

Он останавливается. Она протискивается поближе. Он смотрит на нее с недоумением. Она осмелела. С умоляющей улыбкой она ласково дотрагивается до его щеки.

Пирс. Вот посмо́трите на меня теперь! Ох и здорово же я езжу на быках!

— Но зачем вам это нужно?

— Что значит зачем? Ведь я же записался!

Из микрофона снова раздается нечленораздельный лай.

Пирс. А ну-ка, Гай, доведи меня. Я уже, кажется, размялся.

Они направляются к арене. Розалин спешит за ними. Гвидо идет следом, все еще потешаясь над ее тревогой. Он пьянеет все больше и больше.

Розалин. Ну, Гай, я прошу тебя!

Но Гай и Пирс молча шагают к загону.

Пирс оборачивается и говорит ей через плечо:

— Вот посмо́трите на меня теперь, Розалин. Не бойтесь, все в порядке.

Розалин оборачивается к стоящему рядом с ней Гвидо, словно прося у него помощи. Он делает вид, будто тоже встревожен, но она чувствует, что он равнодушно приемлет то, что сейчас происходит. Он рассудительно ей говорит:

— Да им нравится, когда их увечат!

Она быстро от него отворачивается, оглядываясь, не придет ли кто-нибудь ей на помощь. Но вокруг ни живой души, только ряд за рядом стоят машины — бездушная и немая сталь. Рев толпы смешивается с громким кваканьем репродуктора.

Под ногами Пирса и Гая, сидящих на ограде, появляется белая морда громадного быка с налитыми кровью глазами. Служители почтительно готовят быка к выходу на арену. Один из них пропускает ему под брюхо ремень, но еще не затягивает его. В широко раскрытых глазах Пирса страх, но он уже примеряется, как совладать с опасным противником. Он часто моргает, чтобы прогнать из головы туман, и медленно перекатывает за щекой шарик жевательного табака. Бык стоит сейчас прямо под ними, и Гай переводит взгляд с него на Пирса. В этом взгляде — грубоватая гордость за друга.

— Ну как, отошел, дружище? Попробуешь?

Пирс медлит, глядя вниз на быка; он еще взбудоражен недавним падением.

— А, черт, была не была! — вырывается у него наконец. Он уже перегнулся вперед, чтобы вскочить на быка.

— Пирс!

Пирс, а за ним Гай, смотрят туда, откуда слышится крик. Гай с гордостью, чуть насмешливо улыбается Розалин; она взобралась на нижнюю перекладину ограды в нескольких шагах от них.

— Гай, не пускай его! Пирс, вот твой приз! Послушай...

Она протягивает ему деньги. Рядом с ней Гвидо, он не улыбается.

Ее слова заглушаются голосом из репродуктора:

Сергей ОСТРОВОЙ

Из книги «Я иду по земле!»

Кем была она? Девочкой маленькой?
Или, может, невестой строгой?
Или женщиной синеглазой,
Зачерпнувшей глазами небо?
Я не видел ее ни разу,
Никогда не встречался с нею,
С той, что синим цветам однажды
Навсегда подарила имя.
Может, где-то в степи весенней,
Утопая в цветах и травах,
Шел пастух со своею дочкой
И сорвал ей цветок на память.
Он сорвал ей цветок на память,
Синий-синий, синее неба,
И цветок тот подкинув к солнцу,
Озорно закричал: — Лови!
И поймала цветок девчонка,
А глаза у девчонки синие,
Как цветок, что она поймала,
Или даже еще синей...
Я не знаю, как это было.
Может, этой весенней степью
Шел жених со своей невестой
По тропинке, бегущей к солнцу.
Степь хмелела от жаркой силы,
От весеннего буйства жизни,
И жених в подарок невесте
Сплел из синих цветов венок.
И надела венок невеста,
А глаза у невесты синие,
Как венок, что она надела,
Или даже еще синей...
Я не знаю, как это было.
Может, вовсе не так. Иначе.
Может, где-то в степи однажды
Вышла женщина встретить солнце.
И пошла она рядом с солнцем
По горячей траве, босая,
И бежали цветы навстречу,
Чтобы тоже шагать с ней к солнцу.
И она их рвала горстями,
И глаза у нее синели,
Как цветы, что она срывала,
Или даже еще синей...
Я не знаю, как это было.
Я не видел ее ни разу.
Ту, что синим цветам однажды
Навсегда подарила имя.
А ведь кто-то встречался с нею,
Кто-то ласково звал Анютой,
Кто-то даже сравнил с цветами
Дорогие глаза любимой.
Я за тех, кто живет открыто,
Кто любви от людей не прячет
И торжественно в честь любимых
Называет цветы и звезды.
Я за этих! Всегда! А ты?

* * *

Я видел, как зима с весной боролась.
Как плакал лед. Как снег летел с берез.
Метались тени. Вьюга выла в голос.
И на весну наскакивал мороз.

Потом весна накапливала силы
И снова шла на приступ озорно.
И вновь зима огонь ее гасила.
И становилось глухо и темно.

Земля шаталась — так они боролись!
То стыло все, то плавилось в огне.
И ветер дул. И где-то льды кололись.
И солнце вылетало на коне.

Оно рубило огненною саблей
Косматых туч поганую орду.
И тучи расползались. Тучи слабли.
И снова оживали на ходу.

Все напряглось, все сжалось от азарта.
Все было смысла вещего полно.
Я это видел. В середине марта.
В воскресный день. В селе Бородино.

Одна

Ворчит береза старая. Ворчит.
Все зябко ей. Болят сухие кости.
И воздух по утрам уже горчит.
И птицы к ней не прилетают в гости.

А ведь земля все так же воду пьет.
Все то же солнце ту же землю греет.
Так отчего же старость сушит рот
И тело постепенно каменеет?

Бывало, ветер жегся горячо,
Весна на ней по просекам бежала,
Когда она на белое плечо
Каких синиц, каких щеглов сажала...

Ах ты, ворчунья старая моя,
Тебе ль пенять на прожитые годы?
Сбежались у опушки сыновья
И заняли все выходы и входы.

Они не пустят в этот лес грозу,
Беда к тебе дороги не узнает,
И туча спит, как баба на возу.
И облако бесшумно пролетает.

Так почему в душе твоей торчит
Осколок зла? Будь щедрой. Ты богата.
...Ворчит береза старая. Ворчит.
Наверное, погода виновата.

* * *

Я хочу росы напиться,
Окунуться в синь...
Бьет стекло в лесу синица.
— Синь...
синь...
синь...

Я иду. Свищу невнятно.
Трубочкой ладонь.
Скачут солнечные пятна,
Как живой огонь.

По тропинкам разогретым
Важно ходит зной.
Пахнет солнцем. Пахнет светом.
Пахнет тишиной.

— Ну, ребята, как вы думаете, кого мы сейчас увидим опять? Не перевелись еще у нас на Дальнем Западе настоящие мужчины! Верхом на породистом быке снова Пирс Хауленд из Блэк Ривер, штат Колорадо!

Толпа ревет.

Розалин немеет перед этим неумолимым ходом событий. Она опускает глаза, чувствуя, что потерпела поражение.

— Гай! — неуверенно зовет она.

Гай помогает Пирсу спуститься и влезть на быка. Сидя верхом, тот поворачивается к Розалин:

— Ну, теперь гляди, подружка!

Один из служителей с силой затягивает ремень на быке. Бык вскидывает голову, ворота распахиваются, бык бросается вперед и выносит Пирса на арену.

Розалин стоит у прохода и ощущает, как дрожит земля под копытами быка, слышит тяжелый топот. Все плывет у нее перед глазами, и сквозь пелену страха до нее доходят лишь какие-то обрывки впечатлений: вздутые канатами жилы на шее быка, его до странности стеклянные глаза, застывшие в жажде мести, и топот, который как будто отзывается в недрах земли. Животное вскидывается вверх и бросается в сторону, тело Пирса изгибается дугой, складывается пополам, он выпрямляется только для того, чтобы снова скрючиться в три погибели, словно он привязан к концу бича. Лицо его с судорожно сведенными челюстями искажено гримасой страдания, он падает после очередного прыжка обратно на спину быку, запрокинув голову назад, к темнеющему небу, как кающийся грешник.

Толпа ревет, но Розалин ничего не слышит. Зрители машут в воздухе кулаками; кругом оскаленные, точно в схватке с нечистой силой, рты; заливаются лаем собаки; вдребезги разлетаются бутылки из-под газированной воды; незнакомые люди хватают друг друга за руки; переносный радиорупор во весь голос рекламирует кухню на самолетах какой-то авиакомпании; даже солнце, и то не стоит неподвижно: оно садится за потускневшие горы. А Розалин окружена пустотой, глухой стеной непонимания; перед глазами у нее стеклянные, неумолимые зрачки быка, голова Пирса, неестественно закинутая назад, как у куклы, мужественная решимость его рта, с которой спорит беспомощное отчаяние в глазах.

Гвидо больше не кричит. Чутье подсказывает что-то его хмельному сознанию, и он поворачивается к Розалин, чтобы ее утешить, но она уже бросилась бежать назад, в толпу. Хриплый крик, новый рев, протяжное «Ох-х!», вырвавшееся из тысячи глоток, заставляют ее повернуться к арене.

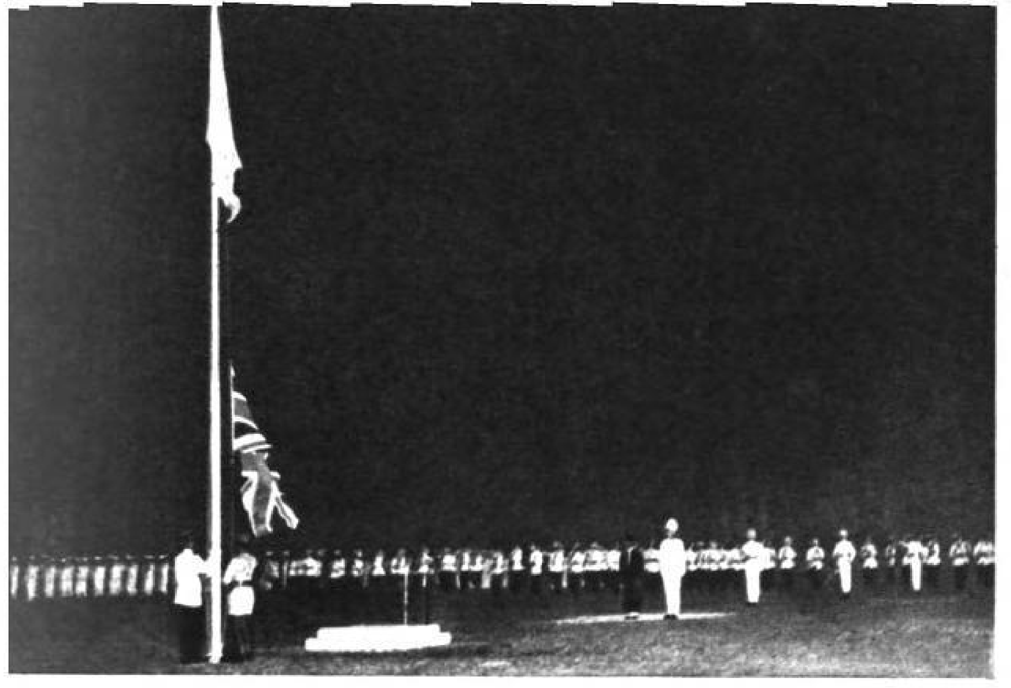
Пирс лежит в пыли, половина его лица прикрыта вывернутым плечом. Тишина, висевшая над горными вершинами, опустилась теперь и на арену и на трибуны для публики. Бык без седока вслепую бьет копытами и роет землю рядом с распростертым телом Пирса, а ковбой на коне пытается оттеснить его обратно в загон; на лице ковбоя нет и следа спортивного азарта, он отчаянно увертывается от наскоков белого быка.

Гай бежит наперерез быку. Вот он отскакивает назад и обегает быка кругом; на миг его загораживает лошадь, и он успевает оттащить Пирса по мягкому песку к самой ограде. Гвидо помогает ему перекинуть приятеля через ограду.

Толпа молча стоит и смотрит. Слышится только хриплое, грозное дыхание быка. Над ареной нависло облако серой пыли, но его уже гонит прочь поднявшийся вечерний ветер.

Продолжение следует.

Перевели с английского
Е. Голышева и Б. Изаков.

27 апреля во время праздника независимости. Спущен с флагштока английский флаг, ввысь поднимается национальный флаг Сьерра-Леоне.

Демонстрация протеста против колониализма на улицах Фритауна.

В стране

О. ОРЕСТОВ

Как «открывали» Сьерра-Леоне

Спросите в Сьерра-Леоне, почему страна носит столь романтическое название — «Львиные горы», и вы получите самые разнообразные ответы. Одни скажут, что название это дал португальский мореход Педро да Синтра, который в 1460 году увидел одетые в зелень горы, вершины которых были окутаны облаками и туманом. Оттуда доносилось громыхание, напоминавшее рычание льва. Другие настаивают, что рычание льва напоминал звук прибоя у берегов Сьерра-Леоне. Наконец, третьи утверждают, что очертания горы над нынешней столицей — Фритауном показались первым путешественникам похожими на льва, готового прыгнуть в Атлантику.

Так или иначе, название не имеет никакого отношения к настоящим львам, которых в Сьерра-Леоне нет.

Единственный лев, которого долгие годы приходилось опасаться народу Сьерра-Леоне, как и многим другим народам Африки, был лев британский, державший эту страну в цепких лапах ни много, ни мало — сто пятьдесят лет.

Но, как известно, ныне британский лев захирел. Даже на карикатурах в западной печати его рисуют с облезлой шкурой и выпавшими от дряхлости зубами. Одна за другой вырываются страны Азии и Африки из его когда-то крепких когтистых объятий. Вырвалась теперь и Сьерра-Леоне, провозгласив 27 апреля 1961 года свою независимость.

История страны своеобразна. Как пишут в справочниках, ее «открыли» в XV веке португальцы. Колонизаторы любили «открывать» чужие страны, особенно те, что послабее. Жили здесь африканские народы со своей древней культурой, торговали, иногда воевали с соседними странами. Очевидно, этим народам и в голову не приходило, что их надо «открывать». Иначе думали европейские завоеватели, немедленно превратившие «открытую» ими Сьерра-Леоне в крупнейший рынок рабов.

В конце XVIII века на земле Сьерра-Леоне появились англичане. Король племени темне Наимбана продал им двадцать квадратных миль территории «за ром, мушкеты и вышитый жилет». Так был заложен Фритаун, откуда англичане начали распространять свое влияние по всей стране и захватывать новые районы, не платя за них даже расшитыми жилетами.

Когда в начале XIX века Англия запретила работорговлю, многие освобожденные рабы, в том числе из Америки, Конго и Нигерии, были поселены на побережье Сьерра-Леоне. Они именовали себя «креолами» и говорили на своеобразном языке крио. В английской литературе идет много споров о том, можно ли считать крио самостоятельным языком.

Если слушать креола, говорящего на крио, создается впечатление, что это своего рода английский язык, но понятны только отдельные слова. Основа крио — упрощенный и искаженный английский язык, на котором, очевидно, говорили рабы, увезенные из Африки на плантации Ямайки или Америки. Позднее в язык попало много слов из португальского и местных языков Сьерра-Леоне. И поныне на крио говорят несколько десятков тысяч креолов, живущих во Фритауне и вокруг него.

Англичане поддерживали креолов, сделав из них привилегированную группу населения. Они опирались на них в своем продвижении в глубь страны. Пользуясь покровительством администрации и церкви, более образованные, чем остальные народности, креолы долгое время держали в своих руках почти все посты, которые были доступны африканцам. Это вело к антагонизму между основным, местным населением и креолами, который ощущается до сих пор.

Пришла независимость

Народ Сьерра-Леоне всегда добивался независимости. Но колонизаторы еще не были «готовы». Они утверждали: для провозглашения независимости условия в Сьерра-Леоне пока еще, дескать, не созрели.

Как и в других своих колониях, англичане готовили в Сьерра-Леоне почву для того, чтобы и после провозглашения независимости их экономические и другие интересы не пострадали. Нужна была политическая партия, которая согласилась бы на все предложенные Англией условия и пообещала не затрагивать английские капиталы. Такой партией оказалась «Народная партия Сьерра-Леоне», возглавляемая премьер-министром Милтоном Маргаи.

«Народная партия» оказалась у власти, и в прошлом году на конференции в Лондоне была достигнута договоренность о дате провозглашения независимости — 27 апреля. Маргаи принял подготовленный Лондоном проект конституции Сьерра-Леоне и дал согласие на подписание военного соглашения с Англией, по которому последняя получает право иметь в Сьерра-Леоне военно-морскую базу.

Прибыв во Фритаун для участия в празднике независимости, мы, журналисты, поселились на высоком холме, господствующем над городом. На вершине холма еще развевался английский флаг. Внизу расстилался город, лежащий на берегу огромной, глубоководной бухты, там, где в океан впадает река Рокель. (В годы второй мировой войны это была важная англо-американская военная база.) В бухте стояли серо-стальные военные корабли Англии, Канады, Нигерии и США, тоже прибывшие на праздник. Эта демонстрация силы как-то плохо вязалась с предстоявшим торжеством по случаю провозглашения независимости.

Фритаун — небольшой численький город с 90-тысячным населением (все население страны — 2 400 тысяч человек). Деловые и африканские жилые кварталы расположены внизу, близ моря. А за ними террасами поднимаются зеленые красивые горы. Асфальтовая дорога, извиваясь, ведет все выше. Становится прохладнее, все больше цветов, тенистых деревьев, тропинок для прогулок. Здесь в роскошных садах — особняки английских администраторов и бизнесменов. В этот уютный уголок до сих пор африканцам доступа не было. Теперь здесь поселился премьер-министр Маргаи.

Железная гора

Железо — одно из главных богатств Сьерра-Леоне. Еще в 1930 году его месторождения захватила в свои руки английская компания «Делько» («Сьерра-Леоне девелопмент компани»). Тридцать лет она выкачивала из страны прекрасную, высококачественную руду. Всего было вывезено 25 миллионов тонн концентрата, и компания стала богатейшим монополистом. Она построила в Сьерра-Леоне свой собственный порт Пепель для вывоза концентрата, обогатительную фабрику и свою частную железную дорогу до берега моря. К северу от Фритауна «Делько» — это царь и бог; представители компании имеют куда больше веса и влияния, чем местные чиновники...

Мы проехали 130 километров по холмам, джунглям и саваннам, мимо бедных деревушек и, наконец, прибыли в Марампа. Перед нами была гора, но с плоским верхом, будто кто-то срезал верхнюю половину.

— Это так и есть,— пояснял нам инженер из «Делько»,— за тридцать лет мы сняли примерно половину горы. Она вся, от вершины до подножия, состоит из руды, которая содержит примерно шестьдесят пять процентов железа. В 1960 году мы вывезли полтора миллиона тонн концентрата, а в этом году думаем довести цифру до двух миллионов тонн.

Независимая Сьерра-Леоне го-

Это курсы по ликвидации неграмотности — тяжкого наследия колониализма.

Столица Сьерра-Леоне Фритаун.

Львиных гор

товится просить помощи и займов у других государств. А в это время ее богатства вывозятся иностранными капиталистами и наполняют чужие карманы. Нам говорили, что одних только доходов Марампы хватило бы для финансирования всех потребностей молодого государства, при условии, что Марампа принадлежала бы народу Сьерра-Леоне, а не чужеземному капиталу...

Чтобы избежать текучести рабочей силы, компания делает коечто для устройства быта своих служащих и рабочих. Нам показали новые дома для рабочих, клуб (конечно, клуб для европейских служащих отдельный), спортплощадки, больницу и школу.

В школе нас встретили малыши в одинаковых костюмчиках и учительница-африканка. На стенах класса висели рисунки детей. На одном из них была нарисована детской рукой сценка из... «Репки». Те же дед и баба, внучка, собака и кошка, только тянули они не репу, а корень маниока. Учительница объяснила мне, что это старинная африканская сказка. Я хотел было спорить, но благоразумно воздержался. Кто знает, каковы настоящие корни этой сказки — похожие на африканский маниок или на русскую репу!

Дети приветствовали нас песнями, стишками, хлопали в ладоши. Но под конец впечатление было испорчено. Заметив, что нас сопровождает видный представитель компании, учительница явно переборщила. В заключение она обратилась к детям:

— Кто мы такие?

И ребята, притопывая ногами, хором отвечали:

— Мы все дети «Делько»!

— Кому мы благодарны? — спрашивала учительница.

— Да здравствует компания «Делько»! — снова закричали ребятишки.

Видно было, что такая система восхваления компании поощряется в районе Марампы, ибо дети знали свою роль назубок. Но это, очевидно, не было предусмотрено во время визита журналистов, и представитель компании покраснел, смутился и быстренько увел нас из школы. Так отравляют умы ребятишек Сьерра-Леоне, так учат их подобострастию даже сейчас, когда страна становится на путь независимости...

Алмазы под водой

Другое богатство Сьерра-Леоне — алмазы. Оно принадлежит опять-таки не народу Сьерра-Леоне, а еще одной английской монополии, «Сьерра-Леоне силекшн траст», которая захватила обширные алмазоносные районы и нещадно их эксплуатирует. В 1960 году трест вывез алмазов на 4,3 миллиона фунтов стерлингов.

За последние годы английские власти в Сьерра-Леоне были встревожены ростом «незаконной» добычи алмазов. Каждую ночь на территории треста появлялись сотни, иногда тысячи людей, копавших и промывавших алмазоносную землю. Монополисты были в гневе: как смеют африканцы появляться на «их» землях? Они заявили правительству: «Или концессии треста будут должным образом охраняться, или Сьерра-Леоне придется закрыть все школы». Власти для борьбы со старателями бросили полицейские силы... Произошли серьезные столкновения.

Старателям из местного населения разрешено добывать алмазы только вне территории концессий треста. На реке Сева работает примерно 20 тысяч старателей. Держась рукой за длинный шест, вбитый в грунт, старатель ныряет и другой рукой быстро наполняет грунтом со дна реки мешок или котел, привязанный у него на шее. Землю он высыпает на плот и снова скрывается под водой. Этот метод добычи алмазов связан с большим риском. Случается, что старатель не возвращается со дна реки.

Алмазами и железом не исчерпываются богатства Сьерра-Леоне. Здесь есть богатые залежи хромитов, титана, ильменита, бокситов, золота, платины, корунда, талька, молибдена и т. д. Кому будут принадлежать эти сокровища сьерра-леонской земли, покажет будущее. Народу молодого государства придется отстаивать свои права на богатства родной земли от международных хищников.

Крылатые идеи

27 апреля тысячи людей собрались на залитом огнями прожекторов стадионе. После военного парада зрители смотрели танцы народов, населяющих Сьерра-Леоне.

Кончились пляски. Часы бьют полночь. Гаснут огни, и в темноте с флагштока спускают английский флаг. Когда снова вспыхнули прожектора, над нами уже был зелено-бело-синий флаг Сьерра-Леоне.

Церемонии шли по плану, было сделано много для веселья и развлечения. Но надо сказать откровенно, по-настоящему весело в городе не было, энтузиазма народа, какой я наблюдал при праздновании независимости, скажем, Конго, Того и других стран, мы не видели.

Во-первых, англичане и правительство прилагали все усилия, чтобы лишить празднества политической окраски. Всячески подчеркивалось, что это просто праздник, но что после него все останется по-прежнему. Министры в речах и беседах расхваливали английское правление и убеждали даже нас, журналистов, что народу Сьерра-Леоне «жилось под властью англичан совсем не плохо». Таким образом, народ так и не услышал от своих руководителей, какие же перемены принесет независимость.

Во-вторых, накануне праздника, когда мы уже были во Фритауне, прокатилась волна арестов. В тюрьму были брошены свыше тридцати активистов оппозиционной партии «Всенародный конгресс» во главе с ее лидером Сиака Стивенсом.

Эта партия, за которой идет передовая молодежь Сьерра-Леоне, выступила против проекта военного договора с Англией, против засилья феодальных вождей в парламенте, против коррупции в правительственных кругах и требовала, чтобы до независимости в стране были проведены новые всеобщие выборы.

Англичане и их прислужники напрасно думают, что и впредь смогут держать Сьерра-Леоне в изоляции от свежих ветров, дующих вдоль и поперек по Африке. Идеи свободы и прогресса все глубже проникают и в эту отсталую страну, только что сбросившую позорное название «колония».

Во Фритауне в гостиницу, где жили журналисты, пришел парнишка лет шестнадцати. Он засыпал нас вопросами о Советском Союзе, его политике, о социализме. В кармане у него был «Коммунистический манифест» на английском языке. Вопросы задавал со знанием дела. Видно было, что он знаком с марксистской литературой и жизнью нашей страны. Один из журналистов сказал ему:

— Литературы о Советском Союзе в Сьерра-Леоне нет. Где же вы приобрели эти знания?

— В библиотеке американской информационной службы, — ответил наш собеседник. Увидев недоумение на наших лицах, он рассказал:

— Я ходил в американскую библиотеку и заметил, что какую книгу ни возьмешь, в ней ругают Советский Союз, социалистические идеи, коммунизм. У меня появились сомнения: если империалисты ругают СССР — значит, тут какая-то фальшь. Иногда я ставил то, что пишут американские пропагандисты, с головы на ноги, и получалось, что правда за Советским Союзом. Потом я стал доставать и правдивую литературу, увлекся идеями социализма. Только в них спасение для нас...

Нет, идеи не сдержать, они сильнее полицейских запретов и тюремных решеток. В руках молодежи Сьерра-Леоне будущее страны.

Борец против войны

Этот снимок был сделан 3 сентября 1911 года. 1 июля немецкая канонерка «Пантера» совершила свой «прыжок» в Агадир, и события в Марокко, казалось, вели к войне между Францией и Германией. В Берлине на митинге протеста выступил Карл Либкнехт, бесстрашный вождь немецких трудящихся, испытанный борец против империалистической войны. Важнейшей темой его выступления была мысль, до конца сохранившая свое значение сегодня и подчеркнутая в проекте Программы КПСС: «ОСНОВНОЙ ВОПРОС СОВРЕМЕННОСТИ — ВОПРОС О ВОЙНЕ И МИРЕ. Единственный источник военной опасности — империализм».

Эта мысль была развита в книге Карла Либкнехта «Милитаризм и антимилитаризм» — книге, за которую ее автор был обвинен в «подготовке государственной измены» и брошен в крепость Глау. Эта мысль лежит в основе его сенсационных разоблачений деятельности Круппа. Этой мысли подчинено знаменитое, прозвучавшее на весь мир выступление 2 декабря 1914 года, когда Либкнехт — единственный из ста десяти социал-демократических депутатов рейхстага — проголосовал против военных кредитов — против войны, кайзеровской империи и социал-демократического предательства. Этой мыслью проникнуто все, что писал в годы войны узник каторжной тюрьмы Люкау, который, выйдя на свободу, стал вместе с Розой Люксембург организатором Германской компартии.

В конце 1918 — начале 1919 года мир видел в Либкнехте будущего председателя Совета Народных Комиссаров Германии. Почти каждый уездный город России называл его именем улицу или площадь. К нему были прикованы мысли тех, кто получил «воспитание под Верденом...» Именно поэтому 15 января 1919 года, во время разгрома восстания берлинских рабочих, каратели из гвардейской дивизии, исполняя приказ командующего — правого социал-демократа Густава Носке,— уничтожили человека, о котором В. И. Ленин писал: «...это имя есть символ преданности вождя интересам пролетариата, верности социалистической революции... символ действительно искренней, действительно готовой на жертвы, беспощадной борьбы с капитализмом».

13 августа исполнилось 90 лет со дня рождения Карла Либкнехта. Сегодня борьбу за его идеи продолжают миллионы немецких патриотов. Эту борьбу ведет Германская Демократическая Республика, руководимая партией, с гордостью называющей Карла Либкнехта одним из своих основателей.

М. КОРАЛЛОВ

СЕРДЦЕМ С ПАРТИЕЙ

Я беспартийная, но с первых дней своей сознательной жизни я сердцем с партией. Да разве можно отделить свою жизнь от жизни нашей партии?

Мне она, партия, много, слишком много дала.

У меня четверо детей. Муж мой металлург завода «Серп и молот», я методист областного института усовершенствования учителей. «Шесть ртов, а двое кормильцев, трудно жить»,— говорили раньше.

Не то теперь. Государство помогает нам растить детей.

Старшая дочка сейчас отдыхает в лагере от завода «Серп и молот», младшая и два сына-близнеца — на даче с детским садом. У наших детей есть все — начиная от привлекательных лошадок-велосипедов и дорогих кукол, кончая библиотекой. Это дала нашим детям партия в век социализма. И вот передо мной документ — проект Программы Коммунистической партии. Прочитала я его, и сердце возликовало за всех матерей.

Проект Программы Коммунистической партии выражает самые заветные наши мечты.

Но за воплощение мечты нужно бороться, и партия призывает нас к борьбе не оружием, а трудом.

Мир — вот что нужно нам, чтобы через 20 лет наше поколение жило при коммунизме.

Нашим врагам не остановить нашего твердого шествия к коммунизму.

Мы, работники народного образования, не подведем партию. Мы зажжем идеи коммунизма в сердцах наших детей, мы вырастим их настоящими коммунистами, пленительный образ которых видели наши отцы в Ленине.

З. КОПАЧЕВА

Москва.

«ОГОНЕК» РАЗГОВАРИВАЕТ С ЧИТАТЕЛЯМИ

В Измайловском парке культуры и отдыха состоялась очередная встреча сотрудников и авторов «Огонька» с читателями.

Вечер открыл главный редактор журнала А. Софронов.

Заместитель главного редактора Б. Иванов рассказал собравшимся о работе редакции, о задачах журнала в связи с предстоящим XXII съездом КПСС.

Поэты Е. Долматовский, В. Журавлев и С. Островой прочитали свои новые стихи.

С большим интересом были выслушаны выступления корреспондентов «Огонька» А. Старкова и А. Сербина, писательницы В. Карбовской, художника Ю. Черепанова, старшего тренера сборной команды СССР по легкой атлетике Г. Коробкова и сотрудника «Огонька» С. Егорова.

ДЕЛЕГАТ ФРОНТА

ДАЛЕКОЕ — БЛИЗКОЕ

Ив. ОСЬМОВ

Иван Владимирович Осьмов — член КПСС с марта 1917 года. В партию вступил на румынском фронте.

С октября 1917 года по 1922 год — на выборно-партийной работе в Гусь-Хрустальном (в 1918 году — одновременно заведовал Гороно) и в Красной Армии. С 1922 года — во Владимире — сначала заведующим Губпрофобром, а с 1923 года — ответственным редактором губернской газеты «Призыв». С той поры до 1955 года — редактор газет, журналист. В настоящее время — персональный пенсионер.

В начале мая 1917 года мне привелось первый раз побывать в редакции «Правды» в Петрограде. Запомнился адрес: Мойка, дом 32, второй этаж.

Я приехал в революционный Питер с фронта за литературой. Посланцев из действующей армии здесь было много. Делегаты с фронта — так их называли — должны были послушать ораторов на митингах и собраниях, разузнать все новости и, главное, привезти в часть литературу.

Миллионы солдат, как земля в засуху — дождя, жаждали правдивой информации о войне, о революции, о партиях, каждая из которых заявляла, что стоит за народ.

Уже в те дни широкие солдатские массы с особым вниманием прислушивались к голосу нашей партии, особенно к высказываниям недавно вернувшегося в Россию В. И. Ленина, статьи которого печатались в «Правде». Спрос на нашу газету рос не по дням, а по часам. Но удовлетворялся он тогда далеко не достаточно. К тому имелись две причины. Во-первых, у большевистской партии, только что вышедшей из подполья, было скудно с деньгами, не было типографий, не хватало бумаги. Во-вторых, уже с первых дней революции давал себя знать саботаж буржуазной машины, особенно в распространении большевистской печати.

Бывало, как манны небесной, ждем в полку «Правду». Наконец приходит целая кипа газет. Но «Правды» среди них нет. «Где-то задержалась»,— объясняют на полевой почте. Мы, конечно, отлично понимали, что это были за задержки.

ЦК РСДРП(б) принимал энергичные меры к скорейшему развитию партийного издательского дела. Был объявлен сбор средств на приобретение собственной типографии. В «Правде» от 13 апреля (26 апреля) 1917 года напечатано обращение под названием «Товарищи, соберите в 5 дней 75 тысяч рублей»:

«Наша партия не имеет еще собственной типографии. Мы не можем печатать «Правды» в том количестве, как это нужно. Приходится удовлетворять спрос только наполовину...» Далее в обращении говорится:

«Товарищи, заведующие нашим партийным хозяйством после больших усилий нашли типографию, которую можно купить. Наша партия с большим трудом может собрать сейчас только часть необходимых денег. Нужно во что бы то ни стало достать в ближайшие же дни еще 75 тысяч рублей. Иначе типография будет продана в другие руки и мы останемся при разбитом корыте...»

Призыв ЦК нашел широкий отклик прежде всего, конечно, у рабочих. В «Правде» регулярно печатались отчеты о сборе средств. Только за 16 и 17 апреля было собрано 28 681 рубль 81 копейка. В «Правде» перечислялось: «Поступило от завода Геслера через Смирнова 146 р. 80 коп., от группы наборщиков Сенатской типографии — 31 р. 25 коп., от служащих петроградских аптек — 20 р. 65 коп. и т. д. Рабочие и работницы механического завода Сургайло постановили послать «нашей газете отчисленный нами однодневный заработок». Мотоциклетная команда штаба III армии прислала «честномыслящей и свободолюбивой газете «Правда» 43 серебряных и 1 бронзовую медаль»...

Уже 21 мая по старому стилю «Правда» могла поместить на своих страницах такое объявление: «Типография Центрального Комитета РСДРП (большевиков) принимает от партийных и профессиональных организаций заказы на печатанье журналов, брошюр, листовок, воззваний, повесток и проч.»...

Я пришел в редакцию «Правды» как раз в разгар этой кампании.

В коридорах и кабинетах — рабочие, матросы, солдаты. Везде идут беседы, тут же буквально на ходу составляются заметки для газеты.

Я нашел комнату секретаря редакции Марии Ильиничны Ульяновой, сестры В. И. Ленина. И сразу же был ею принят. Объяснил цель моей поездки. Было видно, что Марии Ильиничне слышать об этом не внове. Она усадила меня, обещала помочь приобрести большевистскую литературу и стала расспрашивать о положении на том участке фронта, где стояла моя часть. Особенно интересовало ее братание. Этому вопросу «Правда» уделяла тогда большое внимание. Расспросив также о работе большевистских организаций в частях, Мария Ильинична предложила мне написать в «Правду» корреспонденцию о братании на нашем фронте. Тут же написав небольшую заметку, я показал ее Марии Ильиничне. Она внимательно просмотрела корреспонденцию, в основном одобрила и сказала: «Пойдет». Действительно, через несколько дней в газете появилась заметка под заголовком «О братании на правом фланге Румынского фронта». Это была моя первая корреспонденция, напечатанная в «Правде».

Побывав у Марии Ильиничны, я убедился в том, какое важное звено в редакции массовой газеты — секретарь. Мария Ильинична была идеальным секретарем редакции. Непрерывно приходили к ней самые разные люди, к ней же поступало множество писем. Со всеми посетителями Мария Ильинична успевала поговорить, выспросить у них именно то, что нужно, убедить, а если надо, то и помочь написать корреспонденцию для газеты, записать фамилию, адрес для дальнейшей связи. Письма не залеживались у нее без ответа.

Для подбора и получения литературы Мария Ильинична направила меня вниз, в типографию.

Там в это время находился работник хозяйственного комитета при ЦК РСДРП(б) В. Д. Бонч-Бруевич. Я нашел его посреди машин, наборных касс, талеров, кип газетной бумаги, бумажного срыва — в обстановке, характерной для старых типографий. Когда я вошел, он вместе с рабочими копался возле машины и охотно вступил со мной в разговор. С увлечением стал он рассказывать свежему человеку о том, как успешно идет сбор средств на партийную типографию, какие отличные печатные машины он скоро купит. Видно было, что человек буквально живет этими заботами.

Бонч-Бруевич и другие сотрудники редакции и издательства помогли мне отобрать для фронта груды брошюр, листовок и отдельных, особо примечательных номеров «Правды». Всего набралось литературы весом, вероятно, около 10 пудов.

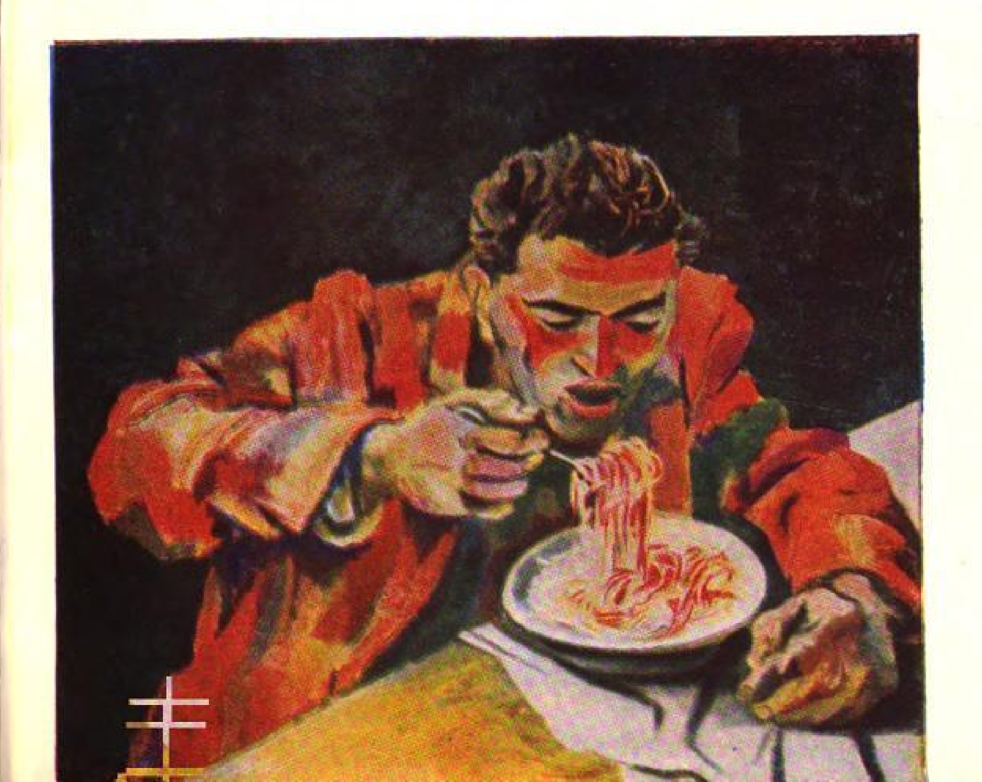
Когда я вернулся на фронт, мне и моим товарищам удалось быстро распространить привезенную литературу по частям 9-й армии.

Спустя 2—3 месяца после поездки в Питер мне случилось видеть официальные запросы чуть ли не из самого военного министерства Временного правительства о том, что на румынском фронте распространяется «пораженческая» газета «Правда» и другая большевистская литература. В этих бумагах предлагалось пресечь «беспорядок».

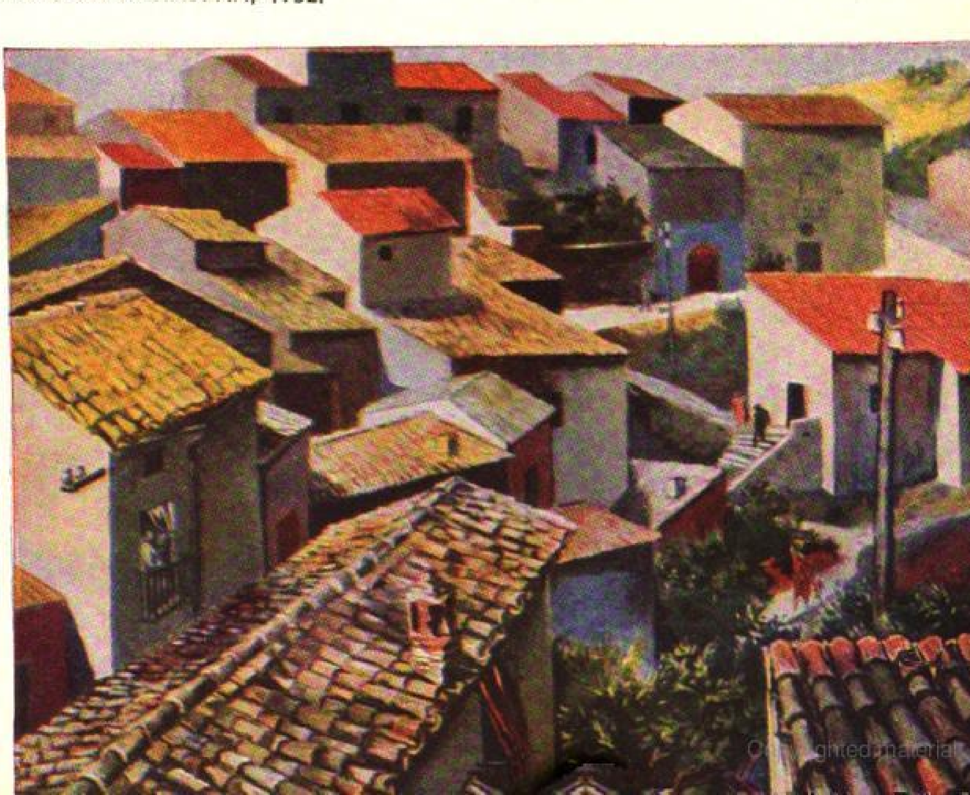
Но было поздно. Солдаты на нашем участке фронта, как и трудящиеся всей страны, уже получили правдивую информацию и сделали свой выбор в революции, неуклонно шедшей к Октябрьскому торжеству.

Ренато Гуттузо. ШВЕЯ, 1949.

ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ ЕСТ СПАГЕТТИ, 1956.

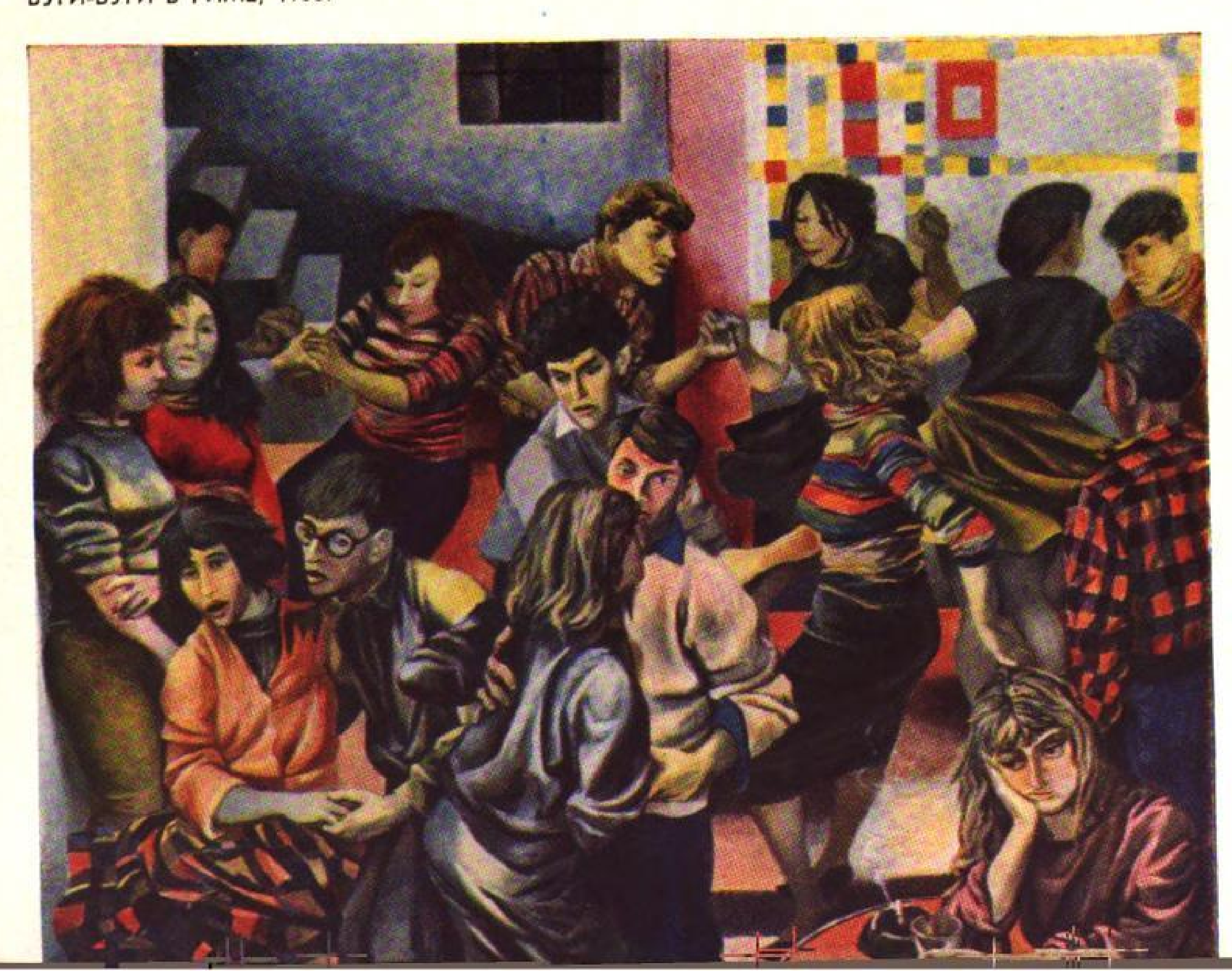

ПЕЙЗАЖ КАЛАБРИИ, 1952.

Ренато Гуттузо. ЦВЕТЫ, 1957.

БУГИ-ВУГИ В РИМЕ, 1953.

Наш Герман

К. ЧЕРЕВКОВ

Фото Г. Копосова и Л. Парая.

День, казалось, не предвещал ничего особенного. Обычный трудовой день военных летчиков. И вдруг на аэродром ворвалась новость, которая взволновала и взбудоражила буквально всех. Правда, строгий ритм воинской жизни ни на секунду не нарушился, но оживление чувствовалось всюду. В часть, будто по тревоге, примчались свободные от полетов офицеры, выбежали из казарм солдаты.

— Наш Герман! Ура! Наш Титов! Наш!

Полет Германа Степановича Титова здесь не был чем-то абсолютно неожиданным. Офицеры, да и не только они, знали, что Герман переучивается с летчика-истребителя на летчика-космонавта.

Знать-то знали, но, когда торжественный голос Москвы возвестил всему миру о беспримерном подвиге их товарища, никто не остался равнодушным.

...Однажды поздней осенью в часть прибыли офицеры, только что окончившие военно-авиационное училище. Все аккуратные, подтянутые, чем-то похожие друг на друга. Но один, невысокий, подвижной и общительный, как-то сразу стал близок всем. Он входил в воинскую часть, как в родной дом: обо всем он расспрашивал, всем интересовался. Короче говоря, «свой парень». И все тут! Это был лейтенант Герман Титов.

Через несколько дней Титов был уже в курсе всех дел и однажды сказал своему другу Л. Григорьеву:

— Повезло нам с тобой. В такую часть попали!..

А часть действительно была знаменитая...

Летчики подразделения, в котором теперь служили Титов и его друзья, уничтожили сто семь фашистских самолетов.

Летал Герман Титов на ястребке-«МИГе». Летал много, настойчиво изучал технику. Любил вникать во все тонкости. Сделает, бывало, три круга, посадит истребитель и начинает сам проверять тормоза: не перегрелись ли, правильно ли тормозил? И, если не понравится что-то, качает головой и сам себе говорит: «Сечь тебя надо, Титов. Никуда не годится так тормозить!»

Многие однополчане узнавали Титова в полете по присущему ему своеобразному почерку.

— В его полетах была своя творческая жилка, — рассказывает Владимир Иванович Никитин. — Да вы не подумайте, что мы хвалим Германа, потому что он стал всемирной известностью, нет! Просто так оно и было. Иначе не быть бы ему космонавтом. Мне приходилось с ним летать в одной паре, и я-то знаю, какой он прекрасный летчик. Действовал он в воздухе всегда спокойно, уверенно, смело.

И не только в воздухе. Коммунисты не без оснований считали его прирожденным агитатором и пропагандистом. Он вел занятия в солдатском политкружке, умел увлекательно и просто говорить о сложных проблемах.

Комсомольцы выбрали Германа в комитет части. И в комсомольскую работу он вкладывал свой юношеский задор.

Много у Германа Степановича в части искренних, душевных друзей. С одними он подружился во время выполнения боевых заданий, с другими на комсомольском поприще, с третьими в спортивных секциях и кружках художественной самодеятельности. А вот с летчиком Владимиром Филипповичем — в поликлинике космонавтов. Оба решили «покататься» по вселенной и посмотреть, что там и как. Медицинскую комиссию проходили в одно время. Все исследования, какие известны медицине, испытали на себе друзья-однополчане.

— Придет, бывало, сестра и скажет: «Титов, вам к хирургу, а вам — к терапевту», — вспоминает Владимир Филиппович.— Сходим к врачам, потом соберемся и обсуждаем: пропустят или не пропустят. В свободное время спортом занимались. Герман держал себя просто, шутил по поводу наших прогнозов. Да, это была строжайшая комиссия, какой, может быть, не подвергался никто и никогда. Герман с честью выдержал экзамен. Здоровье у него оказалось вполне «космическим», а меня забраковали, вернули обратно.

— В общем, космонавта из Владимира Филипповича не вышло,— говорили мне в части, — но летчик он первоклассный, лучшего и желать не надо. Первоклассный!

Все двадцать пять часов, пока Герман Титов совершал вокруг Земли один виток за другим, однополчане не выключали радиоприемники, следили, как проходит полет в космосе. А жизнь текла своим чередом. «Ястребки» взлетали в заоблачные выси и опускались на родную землю. Учеба не прекращалась ни на один час. У самолета, на котором летал Титов, хлопотал техник И. Е. Кузнецов.

— Кто полетит на истребителе Титова?

Оказалось, что никто не полетит. Пионеры, услышав о подвиге Германа Титова, гурьбой идут в часть, просят показать самолет героя. Что ж, придется, видимо, сегодня эту машину в план полетов не включать.

В столовой вполголоса разговаривают трое: Мария Маралева, Римма Селиверстова, Елизавета Осипова.

— Ну, как ты думаешь, скоро закончится полет? Двадцать пятый час в космосе! Как он там питается? — беспокоится Римма Селиверстова.— А помните, придет обедать, и спрашивает: «Лапша домашняя есть?». Очень уж любил он лапшу.

Радио передает новое сообщение ТАСС: Герман Степанович Титов благополучно приземлился в заданном районе. Офицеры садятся за стол. Перо быстро скользит по бумаге:

«Дорогой наш Герман! Прими горячее сердечное поздравление с полетом в космос от твоих однополчан. Все мы восхищены твоим героическим подвигом и гордимся, что еще не так давно вместе с тобой служили в одной части. Крепко обнимаем тебя, надеемся в скором времени видеть тебя у нас».

Тренировка продолжается. →

На этом «ястребке» летал будущий космонавт.

ЧЕЛОВЕК ЧЕЛОВЕКУ — ДРУГ, ТОВАРИЩ И БРАТ

ПИСЬМА МА

Снова возвращаемся мы к письмам, которые получил и продолжает получать матрос-водолаз Виктор Ворожейкин, спасавший товарища на дне моря [1].

Все письма — а их многие сотни — объединяет одна благородная идея, одна мысль, которая входит отныне в моральный кодекс строителя коммунизма:

Человек человеку — друг, товарищ и брат.

СЕВЕРЯНКА

Здравствуйте, Виктор!

Не буду писать вам о своих соболезнованиях, так как не терплю всяких сюсюканий и вздохов.

Хочу поделиться своей победой, что ли, в большом споре о современном молодом человеке.

Знаете, мы живем в таком городе, где, хочешь ты или не хочешь, сами обстоятельства проверяют, на что ты годен. Наш город в Заполярье. Мороз, тундра и отдаленность нагоняют порой такую кислятину, что человек начинает думать: «А зачем я здесь? Ведь где-то тепло...»

Недавно к нам приехали работать двое молодых специалистов, окончивших институт в Горьком. Естественно, мы стремились втянуть их в общественную жизнь цеха, в комсомольскую работу. Двое комсомольцев, недавние студенты — для нас важное пополнение.

И вот тут-то я столкнулась с такой моралью, что просто волосы дыбом встали. Услышала от них примерно такое:

— Достаточно того, что мы в институте взносы платили... Каждый человек делает что-либо только потому, что каждый день хочет есть. А все, что написано и будет написано, — это тоже работа тех, кто хочет есть. Человек никогда не сделает так, чтобы ему было плохо, а кому-то от этого легче.

Вот какая мораль! И знаете, кто мне помог в споре с ними? Вы, Виктор, ваш поступок, ваш подвиг. Рассказывая о вас, я просто, извините, утерла им нос.

Вы заставили их задуматься! Заставили по-иному посмотреть на жизнь. Не знаю, что с ними будет дальше. И все же вы еще раз можете порадоваться своей победе над мещанской моралью: «Своя рубашка ближе к телу».

Утомила я вас своим письмом, да и написано оно с пятого на десятое. Но главное хочу сказать: вы молодец!

Не буду соваться со своими советами. Но не поддавайтесь никогда минутным слабостям. Минутная горечь, бывает, дает отзвук на целые годы.

Что говорят вам врачи?

Я очень верю в китайскую медицину, особенно древнюю, лечение иглами, когда вылечивают даже глухонемых от рождения. Я не специалист в этой области, но читала об этом, и, если вы заинтересуетесь, источники можно отыскать.

С искренним приветом

Людмила Михалева.

Норильск.

НАМ НЕЛЬЗЯ БЕЗ РАБОТЫ

Здравствуй, Виктор, земляк!

Я восхищаюсь твоим подвигом, проявленным при спасении товарища.

Теперь тебе нужна еще большая сила воли, выдержка, мужество, чтобы твердо стать на ноги. Учись, преодолевай трудности, ибо без них нет жизни на земле.

Вкратце про себя. Моя жизнь проходит в борьбе за жизнь, чтобы встать окончательно в строй. В августе 1954 года я был полностью парализован. Несмотря на это, закончил среднюю школу. Все эти годы систематически занимался лечебной физкультурой. Трудности были на каждом шагу (если только можно сказать так про меня — я ведь сначала был недвижим). Но я люблю жизнь! Пусть у меня было большое горе, но сердце билось, я мог дышать, и, значит, оставалась возможность борьбы. И я боролся.

Чуть только встал на ноги, поступил на работу. Нам, Виктор, нельзя без работы!

Сейчас я инвалид 2-й группы. У меня еще не действуют стопы ног. Но тренировками добьюсь своего!

Работаю в Ново-Буянском райкоме партии Куйбышевской области, заведую партийной библиотекой. Кроме того, командир народной дружины в райцентре, заместитель секретаря комсомольской организации, веду кружок по международному положению в артели «Новая жизнь», шахматный кружок при Доме пионеров, читаю лекции на фермах, сотрудничаю в районной газете «Колхозник». Собираюсь поступать в пединститут, на заочное отделение исторического факультета.

Вот и все, что я хотел написать. Как чувствуешь себя сейчас? Как тренируешься? Может быть, написать подробней, как я провожу свои тренировки? Что думаешь о дальнейшей своей судьбе?

До свидания.

С приветом и уважением

Еремеев Анатолий Тимофеевич.

ВСЕ ДОСТАНЕМ!

Дорогой Виктор, милый Виктор! Здравствуйте!

Извините меня, пожалуйста, за такое обращение к вам. Но иначе не могу. Так заставляют меня говорить мои совесть и сердце.

Да, пусть извинит меня ваша девушка и пусть не ревнует. Пусть прочтет это письмо. Думаю, что она поймет меня правильно.

Я только что прочла про вас, и волнение не оставляет меня. Я решила вам написать.

Я в медицине не разбираюсь и поэтому не знаю, насколько серьезно ваше заболевание. Судя по всему, оно очень серьезно.

Знаю, Виктор, что вам сейчас очень трудно, и будет ли легче в будущем — еще не известно. Поэтому, не стесняясь, обращайтесь за помощью к друзьям, знакомым. В частности, я и все мои друзья готовы помочь вам в случае необходимости.

Не подумайте, что я набиваюсь вам в друзья. Нет, я просто обязана быть вашим другом.

Вы очень сильный человек и независимо от обстоятельств должны быть всегда Человеком с большой буквы.

Я это говорю не для красного словца, а потому, что сильные духом всегда выживали. Да вы и без меня знаете множество примеров героических жизней.

Виктор! Мне столько же лет, сколько вам. Мне пришлось пережить многое. Судьба совсем не улыбалась мне. Все началось с войны, когда мы потеряли отца. Горе не смогло нас сломить. И вот мы с братом выросли. Я закончила техникум и работаю конструктором. Брат окончил в прошлом году 10-й класс, сейчас трудится на заводе вместе с мамой.

Можно долго рассказывать о переживаниях в трудные послевоенные годы. Но об этом в следующий раз.

В повседневной борьбе за жизнь я, Виктор, тоже вижу много героического.

Но пока хватит. Я и так уже злоупотребила вашим временем.

Глубокий поклон вашим родителям, сумевшим вырастить такого поистине русского богатыря.

До свидания.

Алла Французова.

Привет еще раз из Москвы!

Извините за беспокойство, Виктор, но в прошлом письме забыла спросить вас об очень важном.

Дело в том, что, зная точно диагноз вашего заболевания, можно будет подыскать в Москве опытных врачей, которые постараются вас поднять.

Поэтому напишите, как у вас сейчас со здоровьем. Что находят врачи? Отчего вы болеете? Оттого ли, что вас захватила кессонная болезнь, или от чего-нибудь другого? Если все было так, как написано в «Огоньке», тогда можно подробности не писать. Если же еще есть какие причины, напишите обязательно. Ведь, не зная точно, что с вами, неудобно обращаться к консультантам. Конечно, если вы вполне надеетесь на лечащих вас врачей, тогда, может быть, не стоит хлопотать в Москве.

Я связалась с редакцией «Огонька». Там мне сообщили, что вы больны уже четыре года. Как жаль, что мы поздно об этом узнали. Но не будем унывать! Пишите о том, в чем вы нуждаетесь. Все достанем!

До свидания.

Алла.

РАЗЪЕЗД 73...

Здравствуй, сильная морская душа Виктор!

Приветствую вас как победителя в битве за жизнь.

Пишет вам незнакомая девушка, зовут меня Нина, я проживаю в Калужской области, на разъезде 73, по профессии продавец промтоваров, но думаю скоро уйти работать в дом инвалидов. Пусть будет больше пользы людям.

Прочитав о вас, я дерзнула назвать вас про себя счастливым человеком. Вы скажете, может быть, на это: «Вот сумасшедшая. Ноги у человека не действуют, и в такие молодые годы. А она говорит: «Счастливый»...»

Но разве счастье только в том, чтобы жить, как в футляре, в семейном уюте?

Нет, человеку жизнь дана всего только раз. И надо прожить, как звезда, освещающая небо. А когда придет срок, угаснуть достойно. Пошленькая, мелкая жизнь — это не жизнь.

Желаю вам одного: чтобы время не в силах было капля за каплей ослабить вашу веру, вашу волю, вашу любовь к жизни...

Нина Бурдукова.

УЧИТЕЛЬНИЦА И ЕЕ УЧЕНИКИ

Дорогой Виктор!

Простите, что воспользовалась очерком о вашем подвиге в воспитательных целях.

В 8-м «А» классе, где я классный руководитель, есть два мальчика, способные, хорошие ребята, но ленятся учить уроки, ссылаются на свое безволие. Понимают, что делают неправильно, что тянут класс назад, а «ничего с собой поделать не могут» (по их словам).

И вот мне попался на глаза «Огонек» с очерком о вас. Признаюсь, читая наедине, я меньше перечувствовала, чем второй раз, с ребятами. Вы бы видели глаза моих ребятишек! То мертвая тишина — все слушают, затаив дыхание, то возгласы... Каждый из них, наверно, мысленно был рядом с вами в труднейший момент вашей жизни.

После горячего обсуждения ребята решили написать вам коллективное письмо, но я предложила им высказаться каждому самостоятельно.

И вот перед вами письма, в которых вы увидите гордость и восхищение вами, детский трепет, пожелания скорейшего выздоровления и горячую просьбу помочь в

---

[1] См. «Огонек» № 51 за 1960 год и № 30 за 1961 год.

ТРОСУ ВОРОЖЕЙКИНУ

воспитании такой же, как у вас, воли.

Виктор! Я очень прошу ответить им. Нет, не каждому в отдельности, а одно письмо всему классу. Ребята уже высчитывают, сколько дней будет идти письмо, когда придет ответ. И, пожалуйста, несколько строк уделите Рейно К. и Володе Т., о которых я писала выше, помогите им советом.

Напишите, как вы сейчас чувствуете себя, чем занимаетесь, что читаете.

Желаю вам доброго здоровья.

С уважением к вам

Таисия Ивановна.

Из ребячьих писем:

...Виктор, я не представляю, как это вы перенесли такую боль. Откуда у вас брались силы? С таким мужеством, как у вас, человек переживет все!

Володя Т.

Здравствуйте, дорогой товарищ!

Я вас никогда не видела, но мне кажется, что я вас давно знаю.

Вы спасали товарища. Но уверена, что вы спасли бы любого человека, попавшего в беду. Пусть он житель США, Кубы, Камбоджи. Пусть негр, араб, украинец, казах, француз.

Правильно ли мое понятие?

Галя К.

...Если бы я был на вашем месте, то поступил бы так же, как и вы. А может быть, и не выдержал бы всего того, что перенесли вы на такой глубине и в барокамере...

Как бы я хотел быть похожим на вас!

Рейно К.

Пишу вам из Павлодара.

...Я преклоняюсь перед вашим мужеством, перед вашей волей. Я хоть и учусь еще в школе, но с этого момента хочу воспитывать в себе волю и мужество...

Николай П.

...Виктор, желаю вам поскорее справиться с кессонкой и поскорее вернуться на свой корабль.

Катя Н.

ДЕРЖИСЬ, ДОРОГОЙ!

Здравствуй, Виктор!

Я очень обрадовался, когда прочитал о тебе в «Огоньке». Давно слежу за твоей судьбой. Еще когда служил во флоте на Балтике, слышал, что ты лежишь в больнице в Москве. Но потом как-то о тебе не было слышно.

Кончил я службу, поступил в Ленинградский политехнический институт, сейчас на втором курсе. Часто вспоминаю друзей, с которыми служил на одном корабле. Флотская дружба всегда крепка. Расставаясь, мы сфотографировались на память, роздали каждому карточки, а на обороте написали: «Встретимся в Москве в 1965 году». Ты не служил с нами, но, может, тоже придешь? Ты ведь для всех нас друг!

Держись, дорогой! Чую, в тебе живет настоящий флотский дух. Раз ты встал на ноги, значит, будешь ходить.

У нас учится много моряков, все они шлют тебе привет.

Еще раз: держись!

Валентин Маслов.

ИЗ ПОЛЬШИ

Товарищ Виктор!

Мы прочли о вашем геройском подвиге.

Наши дети просят, чтобы вам послать сердечный привет.

Мы все возбуждены вашей отвагой.

Я учительница, и после чтения рассказа о вас все мальчики захотели быть водолазами, хотя наш городок далеко от моря.

Вы даже не представляете, сколько у вас теперь друзей!

Возможно, что буду в Москве. Собираюсь проведать своих приемных родителей. Я была эвакуирована во время войны и жила в СССР. В Казахстане была в детдоме, потом взяли меня к себе в дочки. А в 1946 году нашлась моя родная мать, и я вернулась на родину, в Польшу. Но свою военную маму в жизни не забуду. И уже два раза после войны была у нее. Теперь опять собираюсь вместе со всей семьей — с мужем, двумя дочками проведать мою вторую маму...

Алла Качмарская.

Польша, Влоцлавек.

СПАСИБО, ВИКТОР!

Вы настоящий герой, Виктор!

И не только одному водолазу вы спасали жизнь...

Слабовольных, потерявших веру в себя, в человека, в жизнь еще немало. К таким, кажется, отношусь и я, хотя я и совершенно здоровый человек.

Ваш подвиг — настоящий пример силы человека.

Как хорошо, что есть такие люди на свете!

Спасибо вам, Виктор!

Аделина М.

«СИЛЬНЫЕ ДУШИ»

В «Огоньке» № 30 был напечатан очерк А. Старкова «Сильные души». В нем рассказывалось об Александре Нунгессере, который прикован к постели и нуждается в мотоколяске.

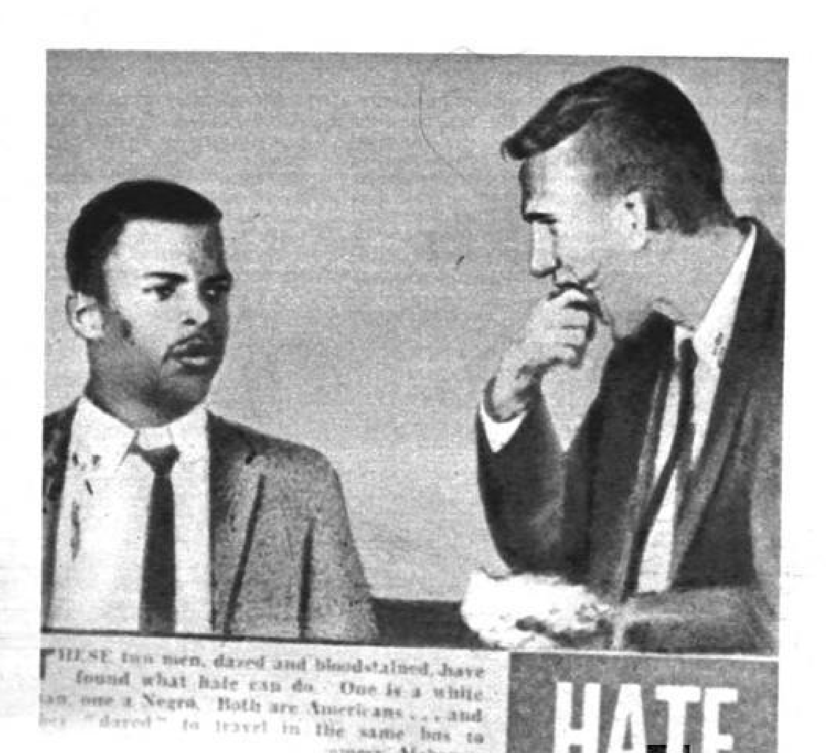
На днях редакция получила телеграмму из села Зарубино, Кемеровской области: «Мотоколяску получил бесконечно благодарен Саша».

Неравенство, расизм и ненависть...

АЛАБАМА (США). Окровавленные лица и одежда. Оба молодых американца избиты озверелой толпой расистов только за то, что они «черный» и «белый» — участники «Рейса свободы».

ЛИТТЛТОН (Южно-Африканская республика). Встревоженные событиями в Конго и Анголе, жены белых колонизаторов под руководством полицейских офицеров осваивают огнестрельное оружие. Они собираются стрелять в «цветных», которые ведут справедливую борьбу за свои человеческие права.

США и ЮАР разделены океаном, но как схожи дикие нравы расистов и человеконенавистников!

— В Москве начинаешь думать, что мир тесен, — говорит Люда Сидорина, артистка Украинского театра имени Саксаганского, приехавшая в столицу на гастроли. — Мне не удалось побывать в Киеве на концертах ганского ансамбля «Обадзенг», и я очень рада, что наша встреча с ним все же состоялась.

— Как видите, мы быстро поняли друг друга, — добавляет танцовщица Мемвис Амосадж.

Эстрадная площадка, где выступает югославский джаз под управлением Вацлава Симича. В 1960 году на Международном джаз-фестивале в Жуан ле Пене (Франция) этот коллектив получил первую премию. И не удивительно. Большинство артистов — воспитанники Белградской консерватории, и все они страстно влюблены в джаз.

А вот уже льются чешские мелодии. Рассказывает нам руководитель оркестра народных инструментов радио и телевидения города Брно Ярослав Юрашек:

— Это было давно, в начале прошлого века. Русский литератор, большой любитель музыки А. Д. Улыбышев путешествовал по Чехии. Подъезжая к одному из постоялых дворов, он услышал изрядно разыгрываемый квартет Гайдна, а вскоре увидел и самих музыкантов — в домотканых свитках и аккуратных лаптях. Хозяин постоялого двора объяснил, что это музицируют крестьяне. С очень давнего времени музыка вошла в жизнь народа.

Вам нравится словацкий танец в исполнении нашей танцевальной группы? Именно так, в таких костюмах пляшут его жители Больших Кубр. Все наши песни, все наши танцы сочинил народ.

Что бы вы сказали, если бы вам предложили в течение одного вечера объехать весь свет на троллейбусе? Да, сесть в обыкновенный московский троллейбус и в течение трех... ну, скажем, пяти часов побывать в различных городах, на различных континентах? Вы удивлены, вы сомневаетесь в реальности этого путешествия и тем не менее вы согласны. Не так ли? Тогда на старт! Путешествие начинается...

НА СЦЕНЕ—ГОСТИ

Л. ОСИПОВА

Фото А. Князева и А. Бочинина.

Лучи солнца еще не осветили верхушки пальм и конусообразные соломенные крыши, а на деревенскую площадь уже вышел барабанщик. Он бьет ладошами по туго натянутой коже тамтама, и веселые призывные звуки заполняют пространство. Африка просыпается. Африка принимается за работу. Африка начинает танцевать.

Четкий ритм рабочих движений, красота гибких, мускулистых тел... Радость стремительного танца.

Это Гвинея, свободная Гвинея. С нею знакомит москвичей Национальный ансамбль Республики Гвинея.

Из глухих, затерянных в джунглях селений местный комитет демократической партии отобрал в ансамбль лучших танцоров и певцов. Самой старшей артистке 17 лет. Искусство их великолепно.

Из Африки мы отправимся, пожалуй, в Мексику, но по дороге завернем в Ярославль. В театре Вахтангова проходят гастроли Ярославского драматического театра имени Ф. Волкова.

Идет пьеса немецкого драматурга Фрица Куна «Кредит у Нибелунгов». Западная Германия; разъеденные скептицизмом, разочарованные в жизни герои. Страшный, ошеломляющий шантаж — Гитлер жив.

Исполненная большой политической остроты, пьеса эта была «открыта» главным режиссером Ярославского театра Ф. Шишигиным и им же впервые поставлена.

Старейший русский театр по-молодому жизнедеятелен, он привлекает новых драматургов, выводит на сцену об руку с мастерами молодежь и не стареет.

Знаете ли вы, что в Мексике даже на серьезных собраниях речи перемежаются выступлениями певцов и танцоров?..

Мексика — родина чудесных песен. Но самые веселые из них порой отзываются грустью, а самые грустные вдруг прерываются шутками, дробью кастаньет и шумом трещоток.

Так поют мексиканские песни замечательные артисты знаменитого трио «Лос Панчос».

Чучо Наварро, композитор, певец, гитарист, представляет своих товарищей зрителям:

— Вот этот слева от меня — Альфредо Хиль, наша маленькая гитара, наделавшая так много шума по всему миру. Мой друг Джонни Альбини — первый голос, который придает сладость всему нашему трио. И, наконец, самый толстый — это я.

«Лос Панчос» заканчивает свое третье кругосветное путешествие. Вслед за ними в миллионных тиражах совершают это путешествие напетые пластинки...

А здесь идет соревнование — встретились коллективы двух городов. Пока все участники выступают успешно; во всяком случае, болельщики — а их немало — довольны. Эта дружеская встреча — соревнование между молодежью Ленинградской эстрады и их московскими коллегами.

Конечно, в афишах она называется просто — совместный концерт. Но зрители-то понимают: это — соревнование. Москвичи объективны и, выходя из зрительного зала, спрашивают: а как фамилия той милой ленинградской певицы, которая пела на английском языке? Знакомьтесь: Нонна Суханова.

И вновь трогается наш троллейбус. Ближайшие его остановки — встречи с ансамблем Чили, с артистами Польши и Объединенной Арабской Республики, с известным французским мимом Марселем Марсо...

Путешествие продолжается!

Два очка

Будет ли гол?..

Вратарь киевлян О. Макаров — надежный страж ворот.

Фото А. Бочинина.

Михаил АЛЕКСАНДРОВ

На стадионе имени В. И. Ленина в Москве подходил к концу матч торпедовцев столицы с армейцами Ростова, когда по радио было передано сообщение о результатах футбольных встреч в других городах.

— В Минске играли московские динамовцы с местной командой «Беларусь»...

Тихо стало на огромном стадионе. Казалось, даже футболисты, разыгрывающие очередную комбинацию, прислушались, замедлили темп. Ведь именно от исхода матча в Минске зависело, быть или не быть популярнейшему коллективу динамовцев Москвы в заветной «золотой десятке». Трудным путем пробиралась эта команда к промежуточному финишу. Ей обязательно надо было выиграть этот последний матч с «Беларусью». Два очка, только два, давали динамовцам право продолжать борьбу за высокое звание, которым они столько раз владели.

— Встреча закончилась со счетом 2 : 0...

Диктор сделал паузу. Десятки тысяч москвичей, забыв на несколько секунд о событиях, развертывающихся перед ними на поле, нетерпеливо глядели на громадные серые репродукторы.

— ...в пользу...

Ну, не тяните же, скорее!.. В пользу «Динамо», конечно?! У динамовцев в воротах снова, после небольшого перерыва, стоит Лев Яшин... Уверенно, в атакующем стиле одержали динамовцы победы над киевлянами, над московским «Спартаком»...

— ...в пользу хозяев поля!

Грохнули трибуны шумом, свистом. Свист звучал сердитый, говор на трибунах выдавал огорчение и растерянность: что случилось, отчего опять споткнулась в своем разбеге команда, споткнулась, когда остался до цели один шаг?..

Подробности узнали позднее, из газет, со слов очевидцев матча. Ничего не случилось особенного. Просто московские динамовцы снова играли без души. Поговорили об этом любители футбола на своих многолюдных, стихийных собраниях подле разноцветных фигурок футболистов, стоящих лесенкой на щитах у оград стадионов. Поговорили, покачали головами: «Что ж, виноваты сами...» И заспорили с новым запалом о тех, кто попал-таки в «золотую десятку».

Поступим и мы так же, оставив разбор невеселого события, случившегося с московским «Динамо», на долю футбольных специалистов. Трудно, конечно, представить себе решающие поединки без участия одного из знаменитейших футбольных коллективов. Но факт — упрямая вещь, двух очков не хватило...

Итак, вот она, заветная десятка, попасть в которую так стремились двадцать две сильнейших футбольных команды страны:

	Очки	Мячи
«Торпедо» (Москва)	33	48 : 20
ЦСКА (Москва)	29	55 : 28
«Динамо» (Киев)	29	41 : 19
«Локомотив» (Москва)	26	35 : 23
«Авангард» (Харьков)	26	22 : 15
«Спартак» (Москва)	25	38 : 21
«Динамо» (Тбилиси)	25	36 : 22
«Спартак» (Ереван)	23	27 : 26
«Пахтакор» (Ташкент)	23	30 : 33
СКА (Ростов-на-Дону)	22	39 : 22

Таблица эта красноречива для каждого, кто любит футбол. При всей логичности и неопровержимости цифр она оставляет широчайший простор для предположений и догадок.

Да, разумеется, уже сейчас, на старте заключительного этапа борьбы, торпедовцы, армейцы-москвичи и киевские динамовцы ближе к золотым медалям, чем другие команды. Разумеется, запас в очках, набранных ими, внушителен. Особенно у «Торпедо», которое на десять очков уже опережает футболистов из Еревана, Ташкента... Практически это значит — фора в пять выигранных встреч, которую очень трудно будет компенсировать.

Но при всем уважении к цифрам, кто решится сегодня предсказать, как будет выглядеть та же таблица поздней осенью, когда каждая команда сыграет положенные ей десять решающих встреч? Здесь уместно, пожалуй, сравнение с бегунами на старте долгой, трудной, изнуряющей дистанции бега. Представляется, как они стоят, десять полных сил и боевого задора атлетов, на белой стартовой линии в ожидании звонкого хлопка пистолета. Все они опытные, сильные спортсмены, знающие, что такое борьба. У каждого из них свой характер и свой взгляд на борьбу, свои расчеты и возможности.

Футбол, конечно, не бег. Футбол, думается, сложнее по расчетам, ибо считать приходится по-разному перед каждой новой встречей коллектива с коллективом, учитывая при этом несметное число всевозможнейших факторов — от погоды до настроения того или иного игрока, не говоря уж о выборе тактических решений. Один тренер недавно жаловался после внезапного и крупного проигрыша своей сильной команды:

— Я знал, что мы проиграем. Понимаете, невозможно объяснить, почему, но вдруг у ребят перед игрой возникло этакое расслабленное, благодушное настроение... Говорят, что хорошие актеры с утра начинают входить в образ, который им предстоит играть вечером в спектакле. Так вот, ребята вовсе не думали о своем спектакле, вовсе... Ну, и не «собрались», конечно, как надо.

Задумываясь над таблицей участников финала футбольного чемпионата, многое вспоминаешь. Представляются лучшие снайперы нападения: А. Мамыкин, армеец-москвич, и Г. Красницкий из «Пахтакора», неувядаемый В. Ворошилов, лидер московских футболистов-железнодорожников, и Г. Гусаров из «Торпедо»... Счастливы коллективы, сумевшие воспитать таких умелых и волевых спортсменов! Представляется трудная и ответственная «работа» лучших наших вратарей и защитников, сумевших привести свои команды к поре решающих игр с минимальными цифрами в неприятной графе «Пропущенные мячи».

Представляются тактические поиски тренеров и коллективов. К сожалению, в тактике мы мало что увидели интересного, нового. Иные команды напрасно, как нам кажется, слепо копируют знаменитый «бразильский» тактический вариант 4—2—4, творчески его не развивая. Часто, слишком часто приходилось скучать зрителям на трибунах, наблюдая за бесплодными попытками той или иной команды атаковать тремя игроками. Странно было видеть острых по стилю игры нападающих в роли помощников защиты. Стремительная, широко развернутая атака, гибкость наступательных маневров и защиты — этот принцип всегда был ведущим в нашем футболе. Зачем от него отказываться? Нельзя не согласиться также с метким замечанием нашего итальянского гостя Джанни Брера. «Право же, двадцать человек, — приметил он, наблюдая за одной из игр в Москве, — бегали сами куда больше, чем перемещался мяч». Хорошая штука — быстрый темп, но когда он становится простo суетливостью на поле, это плохо. Думается, наши мастера слишком часто предпочитают пас мяча в ноги партнеру передаче на свободное место в поле. Крайне редко также искусство освобождаться от опеки — отсюда и суетливость, и огромное количество брака в передачах, и невозможность применить свою технику...

Вспоминаются многие игры весны и уже уходящего лета. Вспоминаешь и, честное слово, диву даешься: такие порой немыслимые контрасты демонстрировали команды в играх, стоящих по времени рядом! Множество можно бы привести примеров. Вот московский «Спартак» в блестящей, резко атакующей манере выигрывает у лидера своей подгруппы — ЦСКА, а перед этим захватывающим матчем едва сводит вничью встречу с «глубоким аутсайдером» — таллинским «Калевом», не сумевшим одержать ни одной победы! Динамовцы Тбилиси — классная, темпераментная команда едва передвигается по полю в поединке с московским «Локомотивом» и без больших забот пропускает пять «сухих» голов в свои ворота. И эта же команда буквально прижимает к воротам соперников в матче с «Нефтяником»...

Вряд ли закономерны такие контрасты, вряд ли они кому-нибудь нужны. Вряд ли закономерна и нужна также серая, будничная игра, которую демонстрировал во многих встречах с разными соперниками чемпион СССР прошлого года — московское «Торпедо». Торпедовцы как бы шажком, не торопясь, подбирались к финишу, а ведь само звание чемпиона обязывает их, раз уж они оказались во главе бега на дистанции, задавать хороший, рекордный темп.

Мощный, ровный, рекордный бег, полный захватывающей, честной спортивной борьбы, — вот чего ждут от финальных матчей сильнейших все, кому дорог наш большой футбол.

Десять команд снова на старте. Мы расчертили таблицы и нетерпеливо ждем. Предстоит очень много интересного. В сущности, все начинается снова. Каждой команде надо сыграть по два матча с коллективами, пришедшими из другой подгруппы. Как сыграют между собой «Торпедо» и «Спартак», динамовцы Тбилиси и ЦСКА, киевляне и московские железнодорожники?..

Десять матчей — дистанция. Каждый матч — два очка, шаг к победе.

Красота без пристанища

Н. ТОЛЧЕНОВА

Почему-то не положено рецензенту, ценителю прекрасного, делиться с читателем закулисной, черновой стороной своей работы. А меня вот так и подмывает поломать, нарушить это суровое «положено» и «не положено»... Хотя, наверное, куда проще было бы написать о выставке сульфидного стекла — раз уж я там все равно побывала — очень тепло, очень приветливо, но по возможности избегая всяких подробностей. Написать лишь о том, какие чудесные, замечательные пришлось увидеть вещи, настоящую красоту!.. Это и действительности не противоречило бы да и всему разговору придало бы праздничность, радостное настроение.

Но только, если без утайки сказать, это значило бы отговориться от того, что встало за пределами выставки, уйти от того острого, трудного, что выглянуло из-за благополучия красоты...

...Вот теперь уж и выставка закрылась. Завернуты, упакованы и увезены с улицы Щусева вещи из сульфидного стекла. Посмотрите их на четвертой странице обложки, правда, хороши?..

Нет уже в Москве и автора этих вещей Е. А. Ивановой. Но я среди множества неотложных редакционных дел как-то все время помню о ней, разыскиваю разных людей и, отрекомендовавшись, начинаю беседу, стараясь говорить самым бесстрастным тоном:

— Разрешите обратиться к вам по поводу сульфидного стекла Ивановой...

Разговоры порою затягиваются надолго. Я слушаю, записываю, опять спрашиваю и вдруг ловлю себя на том, что мне не все равно, что говорят о стекле Ивановой, что говорят о выставке Ивановой, что говорят о самой Ивановой... И тогда я снова перехожу к чисто деловым вопросам:

— А не будете ли вы любезны пояснить, в чем заключается тяжелый характер Ивановой?..

В ответ я слышу столь же корректную и деловую фразу:

— Иванова гастролирует по заводам, преследуя личный успех.

— Но ведь не для себя же делает Иванова свое стекло? Ее выставка так много дала людям!

Наступает молчание. Потом мой собеседник спрашивает недовольно:

— А что это еще за выставка?

— Выставка в Москве. В Доме архитектора.

— Надо бы проверить право Ивановой на выставку! — неожиданно взрывается гневом собеседник.— Сульфидное стекло разрабатывает наша лаборатория.

— Но ведь авторское свидетельство на стекло принадлежит Ивановой? Кажется, Иванова первая открыла это стекло, работая в лаборатории?..

— Мало ли кто из нас что открыл в свое время! А жизнь, знаете ли, движется дальше...

Собеседник умолкает.

Мы разговариваем с главным инженером Ленинградского завода художественного стекла товарищем Кирьененом. Наш разговор еще не окончен...

— Иванова, насколько мне известно, не архитектор.

— Да, но ее пригласили художники из Дома архитектора. Выставка прошла с огромным успехом,— дополняю я.— Видели бы вы книгу отзывов!..

...Вот эта книга. Очень многие записи в ней начинаются так: «Почему эти вещи отсутствуют в магазинах?» А еще чаще: «Нет слов описать это необыкновенное стекло!».

Я пошла посмотреть его в поздний час, после закрытия выставки. Горевшая наверху люстра озаряла большие, круглые, тяжелые на вид блюда и чаши, и они матово блестели всеми цветами радуги, словно огромные опалы. Таинственно, сказочно светились кувшины, рюмки, фужеры, излучая вокруг себя удивительные, красочные блики непонятной и чарующей силы. Казалось, самый воздух вокруг этих вещей был насыщен светом и цветом. Во всяком случае, многие

Ц. СОЛОДАРЬ

Рисунки Л. САМОЙЛОВА.

РОКОВАЯ ИНДЕЙКА

Когда Никанору Саввичу Голопятову объявляли, что его снимают с должности, он не протестовал, а деловито справлялся:

— Формулировочка, надеюсь, не порочащая?

— Что вы, Никанор Саввич! — успокаивали его.— Весь район знает вашу стопроцентную личную честность!

И в трудовом списке Голопятова появлялась еще одна проникнутая достоинством запись: «В связи с переброской на другую работу...»

Правда, однажды, когда Никанора Саввича перебрасывали из сферы физкультуры и спорта на ниву кинофикации, кто-то робко предложил:

— А не записать ли ему «как не справившегося с работой»? Во всем районе завалил и футбол и городки!

Но секретарь райисполкома Ластиков, на долю которого выпало сформулировать восемь постановлений о назначении и столько же о снятии Голопятова, укоризненно возразил:

— За что человеку личное дело марать? Разве он футбольные мячи себе забрал? Или казенные городки теще снес? Нет, у Голопятова налицо небывалый показатель личной честности. По нормам предусматривается энный процент боя хоккейных клюшек: в пылу игры, сами знаете, лед рубят — клюшки летят! А у Голопятова на складе все клюшечки в наличии. И без единой зазубринки!

Хоккеисты могли бы объяснить, каким нехитрым способом достигнута такая редчайшая сохранность спортивного инвентаря: Никанор Саввич выдавал им клюшки фабричного производства только летом, в день физкультурного парада.

Но Ластиков в такие тонкости не входил. Его восхищало другое: Голопятов ни разу не был замечен в том, что на протокольном языке именуется использованием служебного положения в личных целях. Из уст в уста передавалась быль о том, что Никанор Саввич в бытность руководителем парикмахерских района не только не требовал после стрижки двойной порции тройного одеколона, но принципиально стригся дома с помощью жены.

Весною на главной улице районного центра воздвигли просторную столовую с летним павильоном. Работники райпотребсоюза долго ломали голову, кому доверить заведование новой «точкой». Боясь промахнуться, они пришли за советом к Ластикову.

— Повезло вам, товарищи потребители! — воскликнул он.— Никанор Саввич вчера сдал Дом культуры и сегодня еще в резерве. Завтра на него будут претендовать две системы: «Утильсырье» и райстрах. Но мы отдадим его вам!

— Пощупать бы, как у него с кулинарными знаниями,— нерешительно почесал за ухом один из райпотребсоюзовцев.

— Опять-таки диета и калорийность,— поддержал его другой.

— Витамины...— начал было третий.

Ластиков решительно отверг эти сомнения:

— Не калорийность, братцы, решает, а чистота личного дела! Посадите на столовую специалиста по калориям, так он гусятинку домой потащит, а питающимся одни витамины оставит. Словом, за Голопятова я ручаюсь, как за... нет, больше, чем за самого себя.

Собрав работников новой столовой для первой беседы, Никанор Саввич задал им бесхитростный вопрос:

— Для чего, по-вашему, открывается наша показательная столовая?

Краснощекая Катюша, которая поступила в официантки с твердым убеждением, что «накормить человека, чтобы он ушел с хорошим настроением,— тоже не последнее дело», улыбнулась в ответ:

— Для того, чтобы люди могли вкусно, дешево и быстро поесть. Ну... и еще для того, чтобы жены поменьше корпели над плитой.

Загадочно усмехнувшись, Голопятов посмотрел на шеф-повара.

— А вы, товарищ специалист, как полагаете?

— Девушка ответила в общем и целом верно,— начал повар, но тут же был прерван решительной репликой директора:

— Девушка ошибается и в общем, и в целом, и в частности! Запомните: столовая создана, во-первых, для выполнения показателей и, во-вторых, для достижения экономии. И я добьюсь экономии по одним только приправам на семьдесят один процент! Да, да! Приправа к блюду — такое же излишество, как, допустим, кинохроника перед художественным фильмом. Когда я руководил кинофикацией района, то на кинохронике сэкономил время на дополнительный сеанс. Тем более при-

вазы как бы повторяли сами себя на поверхности обыкновенного стола, будто в увеличительном зеркале. Переливчатые цветовые отражения лежали всюду — чуть туманные, трепещущие, удлиненные.

Цвета и оттенки красного, розового, зеленого, желтого точно спорили друг с другом, состязаясь в красоте. Но и самые резкие, неожиданные и самые певучие, мягкие сочетания форм и красок были совершенны.

— Вы как хозяйка Медной горы,— сказала я Ивановой.

— Нет, — улыбнулась она мягко.

Я посмотрела на нее и увидела, что действительно нет! Уж если вспоминать Бажова, так тогда — Катерину, невесту Данилушки, которая, помните, никого не побоялась и с той же неприступной властительницей земных недр пошла на страшный спор.

Да, пожалуй, как раз и было что-то у Ивановой в лице такое же, как у бажовской Катерины: сила и мысль, ясная открытость, душевность... На висках ее чуть заметно проступала седина, но лицо было свежее, с чистым и высоким лбом. Я про себя все по-женски прикидывала: сколько же лет может быть Ивановой? Но она, словно угадав мои хитрости, вдруг призналась, усевшись возле меня:

— Умаялась сегодня. Вот что значит пенсионный возраст-то подходит!..

— Грех вам о пенсии думать,— ответила я.

— Конечно, грех, — живо согласилась Иванова.— Хоть и пятьдесят пять скоро, но лет двадцать еще вполне поработаю. Диссертацию защитить надо, написать вот об этом.— Она кивнула на стекло.

— Как же все это делается? — спросила я.

— Да совсем просто! — весело ответила Иванова.

Вот тут, может, и надо мне было ограничиться кратким пояснением автора выставки. Но начавшийся разговор о сульфидном стекле был так образен и интересен, что мы с Ивановой решили встретиться еще раз.

Квартира, где остановилась ленинградка Евгения Александровна Иванова, была погружена в сон: кому-то надо было рано вставать, кому-то нездоровилось... И давно уже наша беседа вполголоса перешла с технологии стекла на жизненные обстоятельства, на человеческие отношения, на удачи и трудности в творчестве.

— У меня тяжелый характер,— вдруг сказала сама Иванова.— Я не очень-то умею ладить с людьми, вот теперь мне и негде делать мое стекло: у меня нет производственной базы!.. Кроме того, я инженер-технолог, химик. Меня не хотят считать художником: говорят, что художник должен иметь диплом, а не вещи...

А кругом, словно живой узор, стояли эти вещи, похожие на цветы, на стихи, на картины... И еще — лежали авторские свидетельства, утверждавшие талант, силу воли, проникновение в тайны материала, находчивость и сметку...

Одно из свидетельств выдано на двух авторов: Иванову Е. А. и Кирьенена А. А. «Предмет изобретения,— так было написано здесь,— рецептура красителей».

Как же могло случиться, что соавтор Ивановой вдруг стал отзываться о ней неприветливо, недоброжелательно?!

Я так прямо и спросила Александра Александровича Кирьенена об этом.

Его возмущение не поддается описанию! Он решительно отверг предположение о недоброжелательстве и заявил, что никакого конфликта у него с Ивановой нет и не было!..

— Отметьте себе, что Иванова от нас ушла по собственному желанию,— настойчиво повторяет он.— Иванову никто не увольнял. Она сама ушла!

— А, кстати, сколько лет она у вас проработала?..

— Какое это может иметь значение?.. Три или четыре года... И если бы она попросилась обратно, может быть, ее и взяли бы опять. Но она с такой просьбой ко мне лично не обращалась...

Е. А. Иванова.

— Значит, вы не заинтересованы в ее судьбе?

— Мы можем работать с ней, можем и без нее,— сухо отвечает Александр Александрович.

— Но ведь это как раз и означает, что вам все равно, — удивляюсь я.

— Да. Нам все равно,— подтверждает главный инженер. И еще раз уточняет: — Мы ведь

правы! Организованный клиент прекрасно съест котлету и без всяких соусов-кабулей и прочих майонезов!

— Вы, извините, недопонимаете суть кулинарной рецептуры,— сдерживая волнение, возразил шеф-повар.— Блюдо без приправы, что опера без увертюры. Вот, скажем, у меня в меню пойдет кисло-сладкое жаркое по-домашнему. К нему полагается лавровый лист...

— Неудачный пример,— прервал повара Голопятов.— Во-первых, кисло-сладкое я вам не завизирую! Как неоднократно подчеркивал товарищ Ластиков, расплывчатые формулировки порождают беспринципность. Что значит «кисло-сладкое»? Либо кислое, либо сладкое! Во-вторых, именно по лаврам я наметил стопроцентную экономию. Словом, о лавровом листе даже не заикайтесь!

Заикаться, оказывается, нельзя было о многом. Шеф-повар с горечью узнал, что картофель придется очищать вручную, а поблескивающая никелем картофелечистка — во избежание износа! — будет стоять для украшения. Катюше было объявлено, что накрахмаленным салфеткам место под замком, в полной боевой готовности к переучетам. Что же касается предусмотренных сметой цветов на столах, то всякого рода левкои и гиацинты безоговорочно включаются в графу экономии. Правда, официанткам не возбраняется украшать столы лютиками и ромашками, собранными за городской чертой в неслужебное время.

Но Катюша не сдавалась:

— Нас на курсах учили: чем красивее сервировка, тем человек больше наслаждается едой! А сам Павлов говорил: полезная еда — это еда с наслаждением...

— На Павлова во вверенной мне точке попрошу не ссылаться,— зловеще заметил Голопятов.— Еще на прошлой неделе упомянутый вами Павлов снят с поста зампредоблпотребсоюза. За игнорирование новаторских предложений!

Открытие столовой прошло торжественно. На стенах пламенели лозунги: «Труд кулинара уважай, капризов здесь не проявляй!», «Труд бумажников уважай, салфеток зря не потребляй!», «Труд официанток уважай, разменом денег не затрудняй!», «Время клиента уважай, книгу благодарностей быстро предъявляй!»

Официальную часть торжества завершила речь Ластикова:

— Пусть новая столовая возбуждает ненависть к домашней кухне, закрепощающей передовых женщин! Пусть и холостые и семейные откажутся от домашнего очага, затягивающего в тину мещанства!

Присутствующие с энтузиазмом крикнули: «Ура!».

С меньшим энтузиазмом ели они поданные блины.

— Первый блин всегда комом,— добродушно пошутил Ластиков.

Грустный шеф-повар тщетно искал случая сказать ужинавшим, что рецептура блинов утверждена лично Голопятовым, освободившим ее от всяких излишеств, вроде соды и молока.

Через две недели Ластикову сообщили, что никого из тех, кто однажды посетил столовую, вторично туда уже не заманишь. Он немедленно вызвал Голопятова.

— Говорят, невкусно кормите. Что можете возразить?

— Трудно возражать,— кротко ответил тот.—Лично я не пробовал ни одного блюда, дабы не подавать дурной пример коллективу. Питаюсь исключительно скромной пищей, которую жена присылает из дому. Три раза в день. В купленных за личные средства судках.

— Почему же посетители недовольны? — строго спросил Ластиков.

— А почему мы, однако, перевыполнили двухнедельный кассовый план? — скромно потупив взор, ответил вопросом на вопрос Голопятов.

И тут же был отпущен с миром.

Кассовый план действительно перевыполнялся. Выручали командированные. Но главным козырем был «организованный клиент». То и дело заключал Голопятов договоры на питание приезжающих футбольных команд, семинаров библиотекарей, конференций многодетных матерей.

Никанору Саввичу удалось заполучить на трехразовое питание даже районный слет юннатов. Но официантка Катюша решительно заявила, что ни за что не подаст детишкам голопятовскую еду.

Девушка так разволновалась, что пришла в райисполком с заявлением о кулинарных новшествах Голопятова. И Ластиков решил лично проверить качество обедов. Дома он ласково обратился к жене:

— Отдохни, Лелечка, денек-другой от кухни. Все передовые жены райцентра уже берут обеды на дом в новой столовой.

— Не передовые,— вспыхнула Лелечка,— а те, кому не жалко мужей! Голодать буду, а к ресторанному обеду не притронусь!

Но коса нашла на камень. И Лелечка на следующий день послала дочку с судками в столовую.

Там малолетней Ластиковой за установленную плату положили в судки обед. Обычный обед из общего котла.

— Так и передай, деточка, папе: что для масс, то для вас,— капутствовал ее Никанор Саввич.

Лелечка встретила вернувшегося со службы мужа безудержными восторгами:

— Такой аппетитной индейки я в жизни не видела!

Обсасывая хрустящие косточки, Ластиков подбирал в уме слова, которыми предстояло проработать Катюшу за злостную клевету с элементами подсиживания.

А в столовой в ту же самую минуту Голопятов, пощелкав на счетах, установил, что с помощью участников районного смотра художественной самодеятельности дневной кассовый план перевыполнен. Со спокойной совестью человека, сделавшего свое дело, директор уселся за столик с табличкой «Служебный» и открыл судки, в которых сынишка принес ему из дому обед.

Но через несколько секунд он уже кричал в телефонную трубку:

— Маруся? Погубить меня хочешь?.. Человеку надо после трудового дня подкрепиться, а ему присылают жареную кожимитовую подметку!

Услышав ответ жены, Никанор Саввич изменился в лице.

— Ин... ин... индейка? Ты мне прислала... жареную индейку?

Он побежал к судкам, чтобы убедиться, не галлюцинация ли у него. Звонок вернул его к телефону.

— Не мешай работать! Тумба,— с места в карьер рявкнул он в трубку.

Но это звонила не жена, а разомлевший от вкусного обеда Ластиков.

— Чего рычишь, Саввич? Заработался, брат, заработался. А я хочу выразить личную благодарность за обед. Здорово, черти, жарите-варите!

Голопятов с достоинством ответил:

— Возглавляемый мною коллектив рад, что вы оценили наш бифштекс по-областному...

— Брось, Саввич, разыгрывать! Думаешь, ежели я не кулинар, то не отличу бифштекса по-областному от жареной индейки?

— Ин... ин.. индейка?

Трубка выпала из руки Никанора Саввича. Схватившись за голову, он умоляюще взглянул на Катюшу, как бы вопрошая, что же произошло.

— Успокойтесь, товарищ директор! — бросилась к нему Катюша.— Вы здоровы. И жена ваша ни при чем. Это все я...

— Вы?

— Судки-то ведь стандартные. Вот я и поставила вам на служебный столик ластиковские судки с бифштексом по-областному. Ну, а Ластикову послала судки с индейкой.

— Чтобы выслужиться?

— Чтобы заставить вас отведать продукцию нашей столовой,— с улыбкой ответила Катюша.

На другой день к Ластикову пришла делегация участников районного фестиваля и в остро художественной форме пожаловалась на невозможное питание в столовой. К жалобе была приложена натуральная порция бифштекса по-голопятовски. Так состоялось очередное снятие Голопятова. На этот раз даже Ластиков не настаивал на безобидной формулировке.

Уже полгода Никанор Саввич ждет нового назначения. Считая себя несправедливой жертвой роковой индейки, он не соглашается идти на рядовую должность.

По вечерам, когда жена раскладывает сложный пасьянс «служебная лестница», он задает ей вопрос:

— Не понимаю, убей меня, чего добивалась Катюша? Ведь она все равно повышения не получила и осталась рядовой официанткой. В чем же гвоздь подсиживания?

Жена молча вздыхает и оставляет вопрос без ответа.

продолжаем работать! Лаборатория не закрылась. Мы работаем и без Ивановой.

...Я говорила с людьми, которые давно знают Иванову и Кирьенена.

— Оба они ценные производственники, да вот жаль, не сработались. Характерами не сошлись, — сообщают работники ВСНХ Вера Федоровна Люлюкина, Иван Сергеевич Сентюрин...

— Иванова много у нас хороших вещей сделала. И притом за короткий срок, — говорит директор Дятьковского завода Семен Степанович Качалов.— Стекло ее и впрямь вызывает изумление. Но ведь еще Ломоносов писал похвалу «ни злату, но стеклу», вот Иванова и показывает, что можно из стекла сделать. Самое интересное, она все свои многоцветные стекла в одном горшке варит...

— В одном горшке?

— Да, представьте себе!

— И помногу варит?

— Как обычно, по 400 килограммов. И это стекло после не надо резать ножами, травить кислотой, тем, другим... Правда, заводу это не больно-то выгодно: очень уж дешевое стекло... Оно проходит только термообработку. И все его тончайшие цветовые оттенки одной только термообработкой достигаются.

— Значит, Иванова — тончайший художник и технолог одновременно? Видимо, это — редкое, но в наши дни просто необходимое сочетание!..

— Да нет, она не художник. В том-то все и дело: диплома об окончании художественного училища у нее нет! — говорит директор Дятьковского завода.

Опять злополучный диплом! Ну что ты будешь делать: встал он на пути талантливого, деятельного человека, как рогатка...

А что скажет Владимир Никитич Снопков, директор завода «Красный май»? Это в Вышнем Волочке, возле Калинина. Там Иванова тоже делала великолепные вещи. И там ей хорошо помогли, там она получила золотую и серебряную медали, а завод — премию за сульфидное стекло...

Но Иванова — ленинградка. И я опять обращаюсь на ленинградский завод. Есть там такой человек — Родин Федор Степанович. У него много изобретений по стеклу. Он председатель заводского и член областного общества изобретателей.

Федора Степановича пришлось оторвать от работы в цехе (он столяр). Я прошу Родина все рассказать мне об Ивановой и ее изобретениях потому, что Родин очень хорошо знает Евгению Александровну. Он на заводе работает пятнадцать лет, а Иванова работала здесь с ним вместе почти девять лет...

— Если коротко сказать, она талант,— подумав, произносит Родин.— И позавидуешь этому таланту, этой энергии!

Очень хорошо,— добавил Родин,— что «Огонек» стеклом Ивановой заинтересовался. Ведь оно у нее прямо-таки поет! А насчет характера, так, по-моему, очень даже подходящий, творческий характер!.. И разве можно так в наше время с человеком поступать: делает человек красоту, а красота без пристанища остается?!

И мы согласились с Федором Степановичем, что так поступать нельзя.

КРОССВОРД

По горизонтали:

4. Итальянский живописец XVI—XVII веков. 7. Специальность рабочего. 10. Газ. 11. Залив Охотского моря. 13. Марка фотоаппарата. 14. Рыба со сплющенным телом. 16. Китайская крапива. 18. Шумовой музыкальный инструмент. 19. Город в Казахстане. 21. Частица химического элемента. 22. Засеянное поле. 24. Колесо ременной или канатной передачи. 25. Ящерица. 26. Масса, извергающаяся из кратера вулкана. 29. Изложение вопроса в общедоступной форме. 30. Лечащий врач больницы, поликлиники.

По вертикали:

1. Технологический процесс соединения металлических частей. 2. Вечнозеленое дерево. 3. Река в Ленинградской области. 5. Хищный зверек с ценным мехом. 6. Приспособление для зажима обрабатываемых деталей. 8. Первая советская научно-исследовательская подводная лодка. 9. Рекордсменка мира по прыжкам в длину. 11. Пустыня в Чили. 12. Рассказ А. П. Чехова. 15. Автор памятника И. А. Крылову в Ленинграде. 17. Болгарский революционный поэт. 20. Четвертая часть круга. 21. Машинное масло. 23. Порт на Средиземном море. 27. Косметический порошок. 28. Конструктор пассажирского «винтокрыла».

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 33

По горизонтали:

4. Марокко. 6. Темза. 8. Ковер. 9. Лацис. 11. Орион. 13. Саксофон. 16. Горловка. 19. Тускарора. 20. Пропорция. 22. Поплавок. 25. Наличник. 27. Рейка. 28. Зажим. 29. Архив. 30. Сонет. 31. Форвард.

По вертикали:

1. Бактрион. 2. Косметика. 3. Акваланг. 5. Сорго. 7. Титул. 10. Фамусов. 12. Актиний. 14. Сокол. 15. Олово. 17. Опока. 18. Обруч. 21. Пуйманова. 23. «Анчар». 24. Крамской. 25. Нашатырь. 26. Инжир.

На первой странице обложки: Пшеница золотая.
Фото Г. Петрусова.

На последней странице обложки: Изделия из цветного стекла работы Е. А. Ивановой. (См. в номере «Красота без пристанища».)
Фото А. Бочинина.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: М. Н. АЛЕКСЕЕВ (заместитель главного редактора), Г. А. БОРОВИК (ответственный секретарь), И. В. ДОЛГОПОЛОВ, Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, Л. Л. СТЕПАНОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

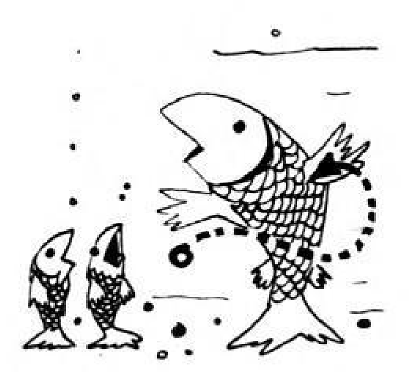
Рукописи не возвращаются. Оформление В. Епанешникова.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-36-53; Искусств — Д 3-38-33; Литературы — Д 3-31-83; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-08; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 00304. Подписано к печати 16/VIII 1961 г.
Формат бум. 70×108¹/₁₆. 2,5 бум. л.— 6,85 печ. л.
Тираж 1 850 000. Изд. № 1427. Заказ № 2061.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Охотничьи рассказы:
— Вот на такой крючок...
Рисунок Л. Альтмарка.

Главное — это терпение.
Рисунок В. Дрогалина.

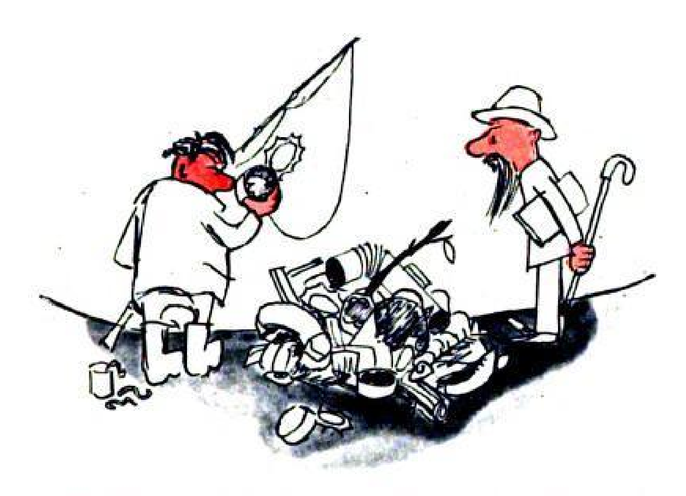
— Ловись, рыбка большая...
Рисунок Ю. Наумова.

Рисунок В. Гильдяева.

Нельзя ли сегодня вместо червяков чего-нибудь новенького?
Рисунок А. Семенова.

— Мне кажется, что для очистки озера лучше применить экскаватор...
Рисунок А. Семенова.

В выходной.
Рисунок В. Воеводина.
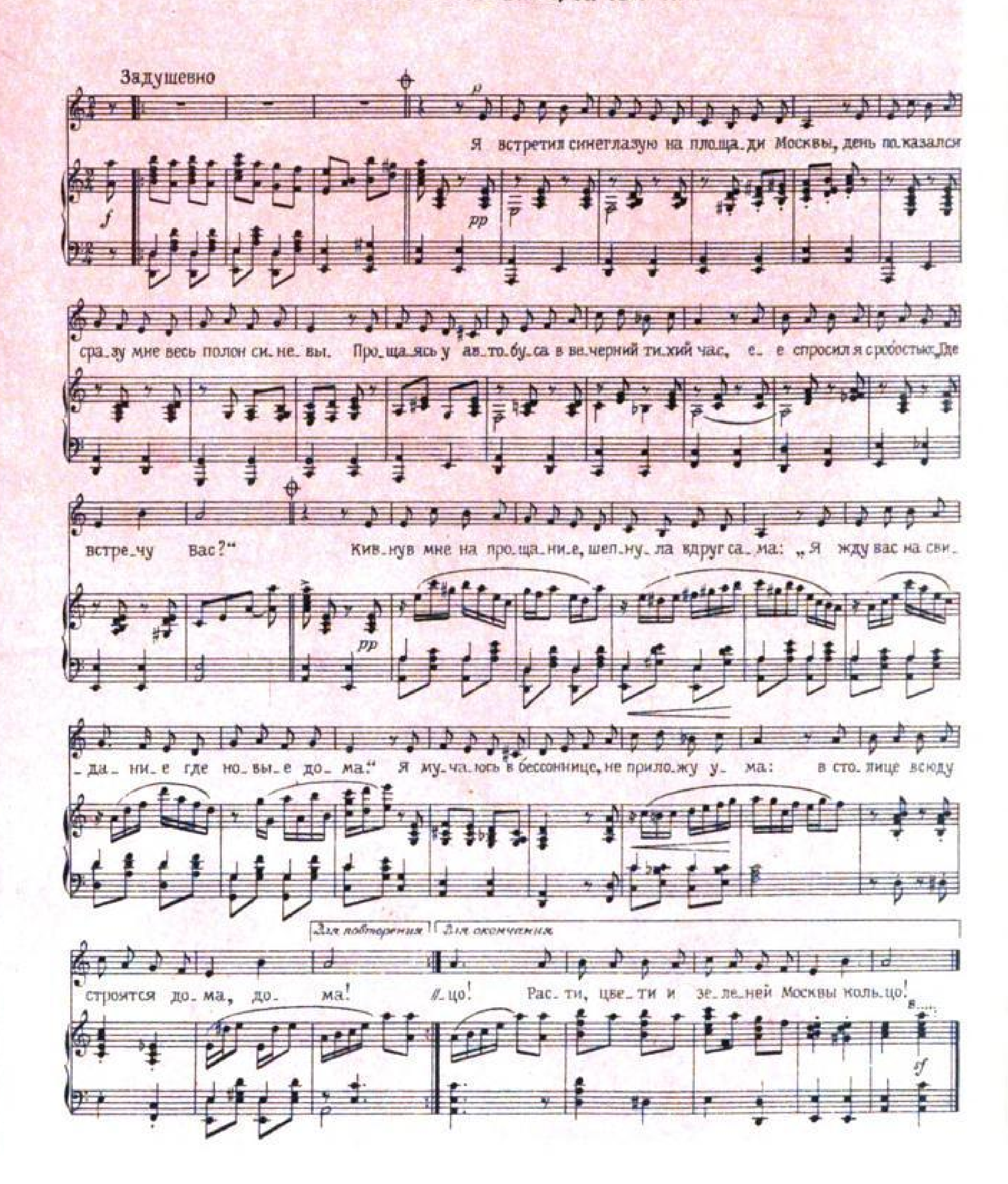
— Это ты, Вася? Отдай своих пескарей кошке и садись обедать!
Рисунок И. Фридмана.

Новые дома

Музыка Л. ЛЯДОВОЙ.

Слова Б. СОЛОВЬЕВА, А. ТЕПИНА.

Я встретил синеглазую
На площади Москвы,
День показался сразу мне
Весь полон синевы.

Прощаясь у автобуса
В вечерний тихий час,
Ее спросил я с робостью:
«Где встречу вас?»

Кивнув мне на прощание,
Шепнула вдруг сама:
«Я жду вас на свидание,
Где новые дома».

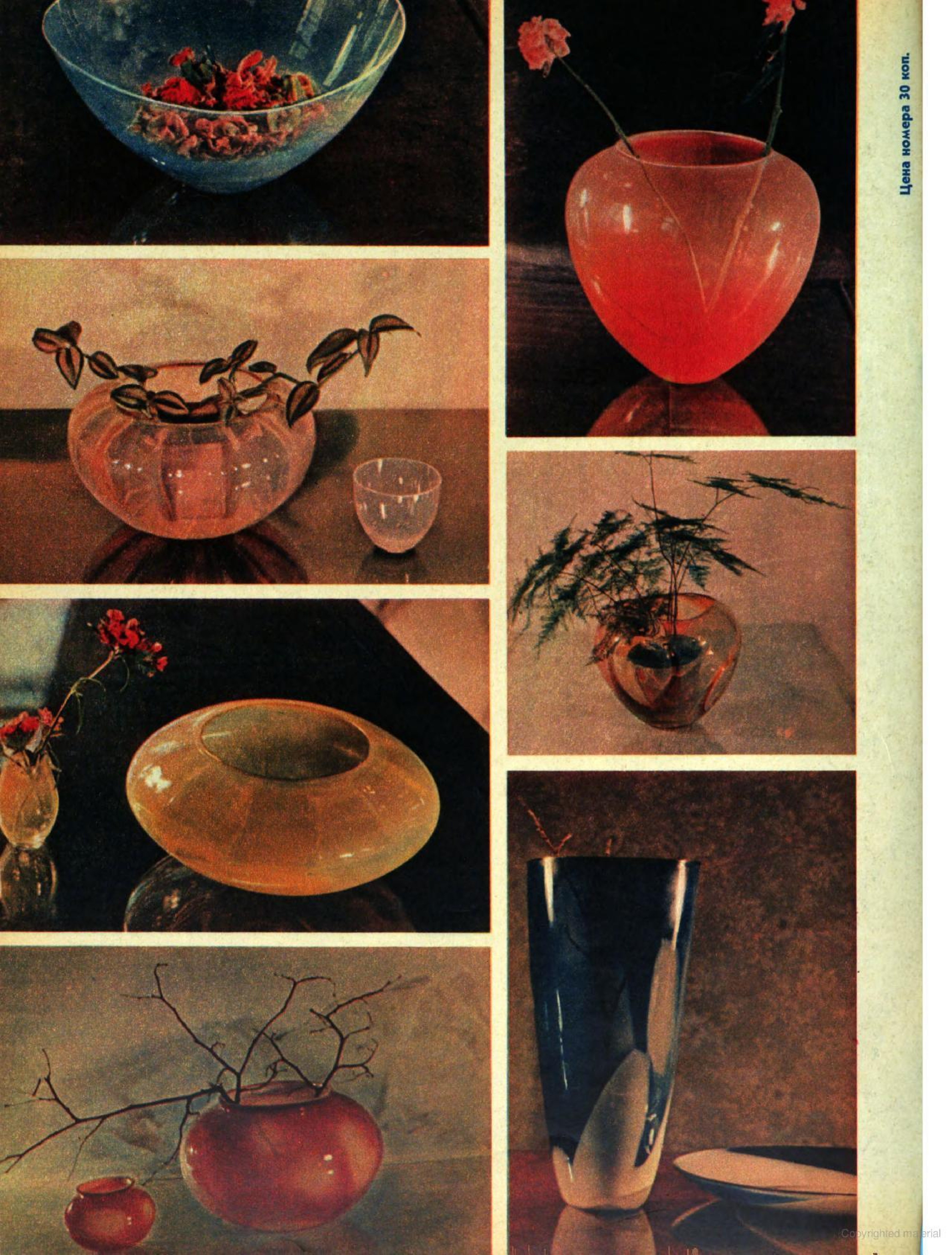
Я мучаюсь в бессоннице,
Не приложу ума:
В столице всюду строятся
Дома, дома!

Прошли недели, месяцы,
Полгода пронеслось,
Но с синеглазой встретиться
Мне все же удалось.

Она плыла над площадью
На кране в вышине,
Своим платком в горошинку
Махнула мне.

Теперь к ней на свидание
Большой Москвой хожу.
Всегда на новом здании
Ее я нахожу!

Москву большую
строим с ней —
Ведь силы налицо!
Расти, цвети и зеленей,
Москвы кольцо!

Цена номера 30 коп.